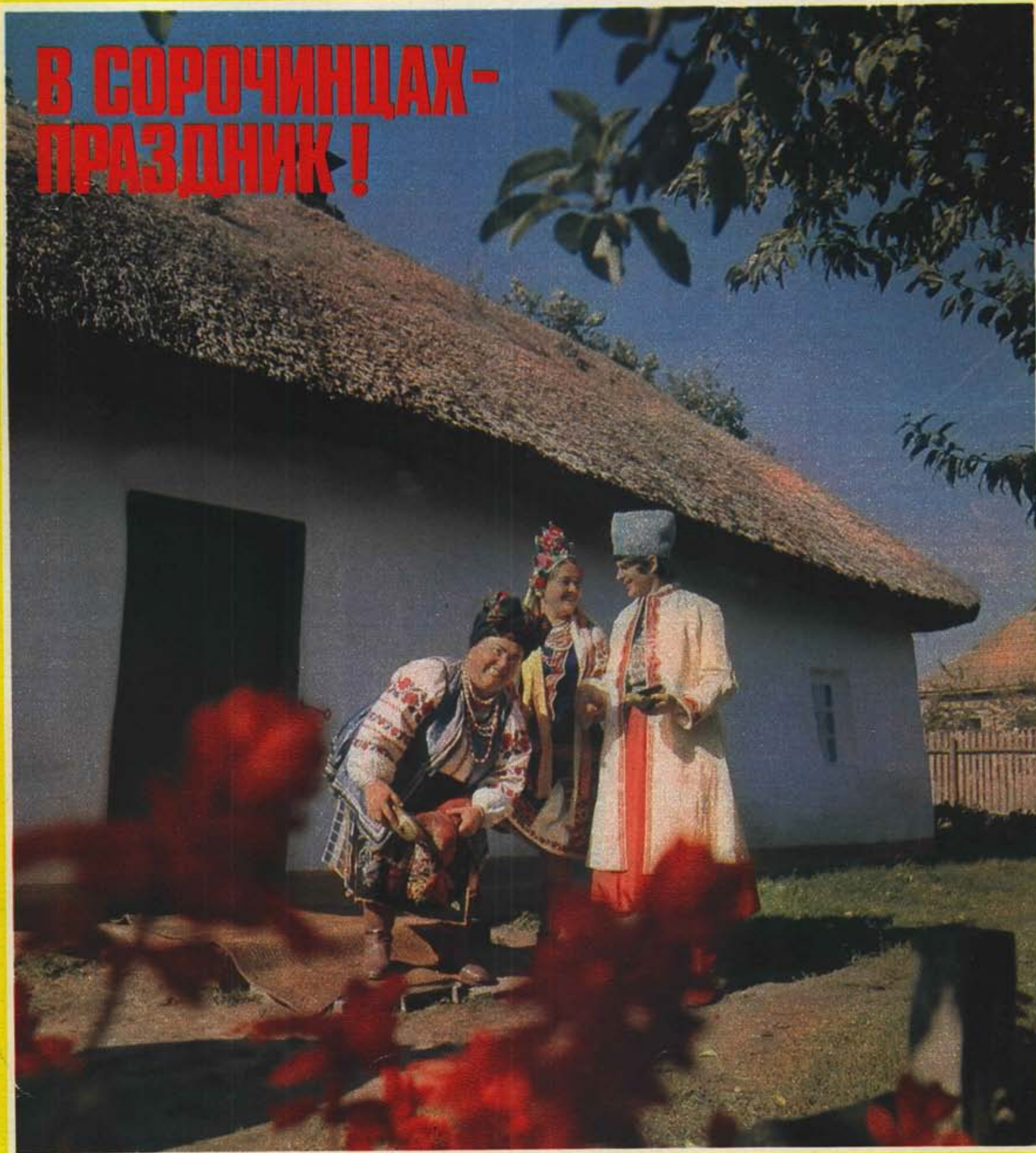

СМЕНА

№ 16 АВГУСТ 1980

В СОРОЧИНЦАХ - ПРАЗДНИК!

НА ВСТРЕЧУ XXVI СЪЕЗДУ КПСС

ПОЧЕТНЫМ ЗВАНИЕМ «ХЛЕБОРОБ» СЕЙЧАС ГОРДЯТСЯ НЕ ТОЛЬКО ТРУЖЕНИКИ ПОЛЕЙ, НО И МАШИНОСТРОИТЕЛИ, ВЫПУСКАЮЩИЕ ЗНАМЕНИТУЮ «НИВУ», И ХИМИКИ, ПОСТАВЛЯЮЩИЕ СЕЛУ МИНЕРАЛЬНЫЕ УДОБРЕНИЯ, И УЧЕНЫЕ, СОЗДАЮЩИЕ НОВЫЕ СОРТА КУЛЬТУРНЫХ РАСТЕНИЙ. СОВЕТСКАЯ НАУКА ДАВНО УЖЕ СТАЛА МОЩНОЙ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОЙ СИЛОЙ БУКВАЛЬНО ВО ВСЕХ ОТРАСЛЯХ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА. XXV СЪЕЗД КПСС НАЗВАЛ ПРОИЗВОДСТВО ЗЕРНА УДАРНЫМ УЧАСТКОМ РАБОТЫ. ПАРТИЯ ОПРЕДЕЛИЛА ОСНОВНЫЕ ПУТИ, ПО КОТОРЫМ ДОЛЖНА РАЗВИВАТЬСЯ НАУКА В ЦЕЛЯХ СКОРЕЙШЕГО ПОДЪЕМА СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА. «ОДИН ИЗ НИХ—ЭТО РАЗВИТИЕ СЕЛЕКЦИИ И СЕМЕНОВОДСТВА»,—ГОВОРИЛ НА XXV СЪЕЗДЕ КПСС ТОВАРИЩ Л. И. БРЕЖНЕВ.

СЕГОДНЯ МЫ РАССКАЗЫВАЕМ О РАБОТЕ ИЗВЕСТНОГО СЕЛЕКЦИОНЕРА, АКАДЕМИКА Н. В. ЦИЦИНА, МНОГО ЛЕТ ОТДАВШЕГО ИДЕЕ СОЗДАНИЯ НОВОГО ВЫСОКОУРОЖАЙНОГО КОЛОСА.

ПРЕДАННОСТЬ ИДЕЕ, УПОРСТВО В ДОСТИЖЕНИИ ПОСТАВЛЕННОЙ ЦЕЛИ, НАСТОЙЧИВОСТЬ, С КОТОРОЙ НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧ ШЕЛ К СВОЕМУ ГЛАВНОМУ ОТКРЫТИЮ—НОВОМУ ХЛЕБУ,—ДОЛЖНЫ СТАТЬ ПРАВИТЕЛЬНЫМ ПРИМЕРОМ ДЛЯ МОЛОДЫХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ, ДЛЯ ВСЕХ МОЛОДЫХ ЛЮДЕЙ, УЧАСТВУЮЩИХ В РЕАЛИЗАЦИИ ПЛАНОВ НАШЕЙ ПАРТИИ.

В лучшее время года—в «бабье лето» — попал я на необычное поле, расположенное в Подмоскowie недалеко от станции Снегири. Сорвал несколько колосков, вышелушил зерна—эти удивительные капельки жизни, величайшее чудо природы — и удивился их размерам и литой тяжести. На каких только нивах мне не приходилось бывать, но таких зерен встречать не доводилось. Особенно впечатлял сам колос: настоящий колосс, раза в три больше обычного.

— Да, такого зерна еще в природе не было, — сказала мне девушка, собиравшая колосья. — Это новый хлеб — гибрид пшеницы с сорняком-пыреем. А на

быть тем же, но урожайность его должна непрерывно расти. Такие сорта наверняка будут выведены на основе новых идей, обогащенных методами молекулярной биологии, биохимии, генетики. Один из таких путей — межродовая гибридизация.

До сих пор существовало два метода создания новых форм растений: естественный отбор и гибридизация, процессы эти очень продолжительны и малоэффективны. Но главное, как бы ни «ощетинивался» колос, он всегда остается беззащитным перед стихией: несвоевременными дождями, ветрами, холодами, не говоря уже о многочисленных болезнях и армадах вредителей. При самых благоприятных условиях вызревания колос не может стоять в поле

его проявлениях, устанавливает подчас неожиданные связи. Современная генетика «подсказывает» путь к созданию межвидовых гибридов растений и организмов, переноса отдельных генов, отвечающих за те или иные свойства, из одного организма в другой, изменение наследственного аппарата искусственным путем: химическим, физическим, тепловым, радиационным. Короче, перед современным исследователем открывается безграничное поле деятельности. Генетика может перевернуть все представления о до сих пор тайной жизни растений и организмов, но практические успехи здесь пока скромны. Пожалуй, только в гибридизации тканевых клеток есть определенный успех, проясняется механизм возникновения мутаций, который открывает путь к искусственному изменению или замене генов. Методы геновой инженерии пока обрабатываются лишь на одноклеточных. Переход к сложным организмам требует решения множества проблем. Это не скепсис, а трезвая оценка в решении сложных проблем генетики. Особенно ее практической стороны.

Но растительная клетка обладает непревзойденным преимуществом по сравнению с животной: она при определенных условиях способна дать жизнь целому растению. Для этого надо разрушить плотную целлюлозную оболочку и ввести туда «чужеродные ДНК», то есть изменить наследственную программу. Тогда новые клетки дадут растение с новыми свойствами. Можно даже заранее «предвидеть» эти свойства...

Теперь, когда Цицин добился этого — доказал возможность создания новых форм растений и организмов путем отдаленной гибридизации, — вся его жизнь кажется идеально продуманным восхождением к вершинам успеха в генетике. Он шел к цели более тридцати лет. Прежде это оборачивалось против него («Что-то уж долго ищете»), а теперь придает исследованиям основательность, фундаментальность.

Цицин сознательно избрал для себя труднейшее поприще ученого-селекционера.

Двигала им благородная мысль: создать урожайное хлебное растение, не боящееся капризов погоды, болезней и вредителей. Он понимал, что хлеб — это богатство любой страны, которое достается трудом, величайшим трудом. И не только непосредственно деревня, но и город активно участвуют в этом издревле крестьянском деле — выращивании хлеба: и своей научной мыслью и могучей техникой. Именно эта помощь и позволяет из года в год наращивать урожайность нивы. Но основа всего — посевное зерно. «Что посеешь, то и пожнешь!»

За многие тысячелетия природа создала такой совершенный механизм — растение, что усовершенствовать его без потери каких-либо полезных качеств просто невозможно. Если сорт при селекционной работе повышает урожайность, то обязательно теряет в чем-то другом: морозостойкости, вкусовых и хлебопекарных свойствах, не говоря уже о стойкости

Николай ХЛЕБОДАРОВ

НОВЫЙ ХЛ

соседнем поле — гибриды ржи с пшеницей — тритикале.

Создал эти необычные колосья дважды Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской премии, академик Николай Васильевич Цицин, с именем которого связаны работы по отдаленной гибридизации и созданию невиданных доселе растений: ржано-пшенично-пырейных, пшенично-элимусных, ржано-пшеничных и других гибридов. Его путь к новым растениям начался еще в тридцатых годах, и вот они вышли на поля вопреки законам эволюции.

Сегодня каждый земледелец кормит десятерых, а в 2000 году будет кормить, по самым скромным подсчетам, более двадцати человек. Вот вполне «реальный, грубый, зримый» темп роста производительности сельского хозяйства. Как его достичь, если посевные земли практически уже использованы? Они даже сокращаются: надо строить новые города, сооружать водохранилища, возводить горнорудные и промышленные комплексы. Остается одно: высокими темпами наращивать урожаи посевных культур на тех же площадях. Урожайность должна непрерывно расти, а в основе этого — всегда сорт. К тому же земледелец должен быть уверен, что при всех условиях он соберет хороший урожай. Значит, для будущего нужен практически другой хлеб... Собственно, хлеб может

больше двух недель — просыплется зерном, сам себя посеет и оставит в поле пустую солому. Вот почему любой колос надо убрать в кратчайшие сроки. Не успел убрать — нет хлеба. Время уборки и называют хлестким словом — страда. Из века в век биологические особенности колоса диктовали земледельцу традиционную форму обращения с ним.

Долго, очень долго вырабатывал человек наиболее целостное представление о растительном мире, пока не познал материальную основу наследственности, механизм самовоспроизведения молекул, несущих наследственную информацию. Поняв, что важнейшие стороны существования живого мира заложены в ядре биологии — генетике, человек нашел теоретическую основу селекции и растениеводства в практике сельского хозяйства. Одним из первых, кто взялся на практике изменить генетическую программу растения, заложенную природой, был академик Цицин.

— В развитии всего живого существует два пути: эволюционный и революционный.

При выборе того или иного направления в развитии науки очень трудно сделать резкий поворот, полностью перестроить традиционные представления, добиться коренных перемен. Особенно в селекционной работе. Но прогресс в современной науке приводит к более глубокому познанию мира во всех

к болезням и вредителям. Чем совершеннее растение, тем оно «нежнее» и капризнее. Поэтому создать растение «на все случаи жизни» вряд ли когда-нибудь селекционерам доведется.

Ученые давно уже убедились, что простое копирование природы никогда не приносит успеха. Если бы человек в передвижении по земле подражал животным, а не изобрел колесо, он бы до сих пор не познал ощущение скорости; не копирование крыла птицы подняло человека в воздух, хотя это крыло и совершеннее любого воздухоподъемного устройства. И сейчас боники стараются скопировать многие природные устройства, но создать совершеннее их — не могут.

На ум Цицину часто приходили слова Гете, вложенные в уста Фауста:

...Но, даже генезис узнав таинственного
мироздания
И вещества живой состав,
живой не создадите ткани.
Во всем подслушать жизнь стремясь,
спешат являться обездушить,
Забыв, что, если в них нарушить
спешат являться обездушить,
одушевляющую связь,
то больше нечего и слушать...

Да, мысль о невозможности искусственного создания жизни мучит ученых и сейчас. Вроде: живое почти не отличается от неживого, но любое проявление жизни—совершенство. Поразительно, что простейший вирус и венец творения природы—человек начинаются из комбинаций генов.

Чем пристальнее вглядывался Цицин в таинственный мир живого, тем больше убеждался в его совершенстве, целесообразности этого совершенства. Вопрос о природе жизни—этот кроссворд науки—он и пытался понять. Теперь его интересовало не только КАК, но и ПОЧЕМУ именно так все происходит. Жизненные реакции не протекают, как химические—сами собой. Они происходят тогда и только тогда, когда это организму становится крайне необходимо. Ведь если бы обмен веществ в организме происходил сам по себе, как реакция в колбе, организм попросту бы «сгорел», однако этого никогда не происходит.

Говорят, неживая природа стремится к хаосу. Этот закон называется энтропией, которая всегда устремлена к максимуму: атомы стремятся разбежаться, сооружение—разрушиться, потенциальная энергия стремится перейти в кинетическую. Чтобы сохранить порядок, необходимо затратить дополнительную энергию. Неживая природа этого делать не умеет. Любое явление в ней—только разрушение.

А вот живой организм—исключение. Каким-то чудесным способом ему удается поддерживать строгую упорядоченность своих атомов, объединять их в сложные структуры. Он не только упорядочивает свои сложнейшие структуры, но и творит порядок вокруг себя. Пчела работает не хуже любого архитектора, муравьи, птицы строят мудреные гнезда, грызуны—подземные лабиринты... Не эта ли способность живого организма к созданию порядка—главная особенность жизни? Не это ли простое определение жизни вообще?!

Значит, все зависит от того, как осуществить невероятные реакции? Выходит, разобравшись в специфических механизмах, осуществляющих пресловутую «невозможную» реакцию, мы будем стоять у порога «сокровенного нечто», которое лежит в основе жизни.

Но как это сделать?—часто спрашивал себя Николай Васильевич. Как заставить соединиться элементарные кирпичики-гены в нужном порядке? Сделать это—значит, найти ключ, шифр для создания практически любого организма с заранее заданными свойствами. От такой фантастики даже дух захватывало.

Как семя, брошенное в землю, дает всходы, так и мысль призывает к действию. Цицин знал, что урожай начинается с семени. Цену хорошему семени человек знал издавна. Видя, что крупные животные приносят жизнеспособное потомство, стали и на посев отбирать самые крупные зерна. Чем дольше длился отбор, тем лучше формировались сорта.

Не случайно же самые крупнозерные пшеницы

АКАДЕМИК Н. В. ЦИЦИН

КОЛОС ОДНОЙ ИЗ ЛУЧШИХ ПШЕНИЦ «МИРОНОВСКАЯ-808» (СПРАВА) КАЖЕТСЯ КАРЛИКОМ РЯДОМ С КОЛОСЬЯМИ, СОЗДАНЫМИ Н. В. ЦИЦИНЫМ

находят в районах высококультурных цивилизаций. Многовековая народная селекция создала много хороших сортов, но не все они приспособлены к суровым условиям России.

Говорят, чтобы создать хороший сорт, селекционеру надо всю жизнь прожить на одном месте, заниматься только одной культурой, постоянно о ней думать. По неведению мы часто думаем, что хлеб — это то, что выросло из посаженного зерна. Нет, хлеб — каждый год новый: в нем — сплав далекого прошлого, отложенного в генетическом аппарате, и сегодняшнего — борьбы семени за «выживание» в переменившейся природной среде. Порой ведь одной морозной ночи достаточно, чтобы свести на нет целый сорт. Где же пути к созданию «всепогодного» семени?

Однажды Цицин вспомнил, как в 1927 году он приехал с Саратовской селекционной станции к знаменитому Ивану Владимировичу Мичурину, чтобы поделиться мыслями, обуревавшими молодого специалиста.

— От скрещивания пшеницы с пшеницей вряд ли получите что-нибудь особенное, способное приблизить к созданию сорта с исключительными свойствами. Надо искать иные, новые пути, — ответил тогда Мичурин. Мимодоход он обратил внимание Цицина на поразительную жизнестойкость сорняков, их многолетность и неприхотливость.

Замечание Мичурина упало на благодатную почву. Цицин стал зерно всматриваться в родственные пшенице злаки. Особенно его привлекла пырей, которому были нипочем и бесснежные и морозы. И рос он прямо на глазах. «Вот бы хлебом такую стойкость!» — думал Цицин, приступая к скрещиванию пырея с пшеницей. Однако его первые гибриды почти сплошь оказались бесплодными. Снова и снова Цицин подбирал пары и производил скрещивание. Десятки, сотни, тысячи опытов сделал он, пока среди гибридов не появились первые формы многолетних пшениц, которые не отличались особыми свойствами, но важен был сам факт создания столь небывалой культуры. Эти формы и стали основой для дальнейшей селекционной работы.

Первые гибриды многолетних пшениц удалось получить уже в 1934 году, но природу обмануть было не так-то просто. То потомство было практически бесплодно, растение «расщеплялось»: пшеничные свойства, например, не уживались с пырейными. Гибрид быстро исчезал. За тысячи лет эволюции природа отбирала для каждого растения самое лучшее, самое надежное, самое экономное и «программированное» все это в своем генетическом аппарате. Пока эта программа будет цела, растение может строиться только по ней. И строиться совершенно, так совершенно, что создать лучше — пустая трата времени. В этом он впервые увидел причину многих неудач в селекционной работе. Нет у природы соперников! Копия всегда будет хуже оригинала. Если и удаётся что-то улучшить, то обязательно за счет потери других качеств. Одно было ясно: надо искать революционный путь...

Цицин рассуждал примерно так: жизнь любого растения — от семени и до семени — закодирована в ДНК. Эта программа постепенно и последовательно «считывается», преобразуясь в белки, ферменты, которые участвуют в многочисленных реакциях. Саморегулирование этих реакций осуществляется на разных уровнях, начиная от простейших ферментных реакций до выдачи необходимой информации, закодированной в генетическом аппарате. Выяснение механизма внутриклеточной регуляции различных реакций могло бы привести к управлению жизнью растений в практических целях. На ход этих реакций активно влияют отдельные фитогормоны, которые подсказывают, что на жизнь растений можно активно влиять самыми разными путями: от механического раздражения до радиационного облучения.

Невольно рождалась мысль, что в клетках существуют какие-то регуляторные механизмы, которые выбирают, какие участки генетической программы и в какое время привести в активное состояние, а какие — закрыть. Значит, многочисленные реакции в клетке каким-то образом координируются и регулируются.

Основа всего — генетическая программа. А что будет, если в этой программе заменить отдельные гены? Или перенести целые блоки генов? Тогда вся структура станет расти по комбинационным программам. Что же получится? Скорее всего растение с новыми свойствами! Но будут ли они полезны человеку?!

Легко понять ученого, который взялся за создание нового растения, не зная роли каждого кирпичика гена в общей структуре. Но и здесь Цицин рассуждал логично: новое растение само «расскажет», какие гены придали ему новые свойства. Важен был конечный результат — унаследование лучших качеств родительских генов. Движение к цели — созданию нового хлеба — у Цицина было сразу удачным, потому что он заранее связал воедино все логические цели в исследованиях, добытых им и другими, соединил их и получил долгожданный эффект. Он, как говорится,

«вычислил» новый знак. Вначале соображения были чисто интуитивные: когда художник поровну смешивает краски, то получает новый цвет. Какой краски больше, тот цвет гуще, сильнее в оттенках. Новый цвет возникает при равных дозах чистых цветов.

Вся сложность в создании нового знака оказалась в том, что нужны были не все, а определенное количество хромосом, равное другой родительской паре. У отдаленных межродовых растений оно оказалось разным. При скрещивании эти «лишние» хромосомы и мешали развиваться гибриду нормально.

Необходимо было подобрать растения с одинаковым набором хромосом. Долгое время сорняки не хотели вступать в родство с пшеницей. Преодолеть этот барьер удалось лишь с пыреем сизым, найденным на Северном Кавказе. Но гибриды быстро вырождались. Тогда Цицин решил взять для скрещивания формы с равным количеством хромосом. Все, что не вязалось в прежних представлениях, вдруг стянулось в один тугий узел. Генетический аппарат, оказывается, вполне может работать с частичной заменой своих генов на «чужие». Более того, чужаки порой смело диктуют растениям новые свойства. Хромосомы, оказалось, охотно «склеиваются» искусственно с помощью ферментов, а новая клетка рождается со свойствами того и другого растения. Цицин так и видел свое новое творение: на стеблях живучего сорняка колосится ветвистая пшеница, устойчивая ко всем природным невзгодам и удивительно урожайная. Отдаленная гибридизация — в этом он видел жизнеспособные, пластичные сорта с широкой наследственной основой.

Теперь и исходный сорняк он искал уже в таком квадрате параллелей и меридианов, где связь его с окружающей средой была наиболее прочной. Так широко на мир растений еще никто не смотрел.

— Для селекционера пшеница — самая капризная из культур, — пояснял Николай Васильевич. — В ней неохотно уживаются стабильность высоких урожаев и качество зерна. А вот пшенично-пырейный гибрид «Грекум-114», полученный от скрещивания яровой пшеницы с пыреем сизым, обладает высоким урожаем в сочетании с устойчивостью от полегания, осыпания, поражения болезнью — пыльной головней. Даже при сравнении с такой пшеницей, как «Саратовская-29» — лучшей из всего созданного селекционерами, прибавка урожая у «Грекума-114» достигает пятнадцати центнеров с гектара. Такие результаты были получены в районах Сибири, Северного Казахстана, в Алтайском крае.

Еще важное свойство этого гибрида — отличная приспособляемость к различным условиям внешней среды. В этом ему нет равных. Хотя растет в суровых условиях, но хорошо вызревает, устойчив против полегания, легко убирается комбайнами. Зерно по величине не уступает зерну «Саратовской-29», которая занимает ныне более пятнадцати миллионов гектаров. У нового сорта прекрасное будущее!..

Когда вблизи знакомьешься с жизнью крупного ученого, всегда понимаешь, что жизнь его не озарение, а часто нудный, кропотливый труд. Тысячи ученых трудятся в науке с упорством и долготерпением, но очень немногим удается сделать что-то уникальное. Очень легко ошибиться в направлении поисков, пропустить решающее звено, без которого вся цепь фактов будет рваться. Предвидеть в науке конечный результат очень трудно, потому что самое ценное порой — неожиданность. У Цицина все было закономерно. Даже предопределено.

Нет ничего удивительного, что многие люди пытаются стать известными. Но, увы, не всем дано покорять блистательной славой окружающих. Сколько трепетных надежд и огорчений приходит к человеку, прежде чем он верно осознает свое «я». Понимание себя, трезвое отношение к окружающим людям и оценка их очень рано пришли к Цицину. Мечты приобрели у него определенный смысл, поэтому на мир он смотрел добрыми глазами и на любом месте не забывал о своем главном поприще — растениеводстве. Будучи директором Выставки достижений народного хозяйства СССР и директором Главного ботанического сада АН СССР, он неустанно стремился на опытные поля, собирал по крупицам селекционную информацию, экспериментировал. Хотя всю жизнь он был горожанином, но в душе всегда оставался святелем — всего доброго, вечного, что остается людям. Им двигала поистине благородная цель — избавить людей от мыслей о «хлебе насущном», и в этом он постиг высокую радость жизни — быть нужным людям. Не просто нужным, но и оставить им новое растение — новый хлеб.

Но не хлебом единым жив человек, поэтому в минуты раздумий и отдыха Цицин писал хорошие стихи и мечтал вывести голубую... розу. Природа очень скупа на настоящий синий цвет. Видимо, его достаточно в синьке неба, чтоб наделить им еще и королеву цветов. Насколько трудна эта задача, говорит такой факт: Международное общество цветоводов даже приняло решение — отлить золотой бюст тому, кто выведет голубую розу. Пока она — мечта

многих селекционеров, но Цицин знал, как это сделать. Однако времени для этого так и не нашел. Слишком много было забот: научных и административных. До роз и руки не доходили. Его волновали дела насущные, впрочем, это было всегда характерной его чертой. Сколько сил было положено им на создание главной выставки страны — ВДНХ СССР, этого памятника промышленности и сельскому хозяйству и одновременно крупнейшего университета. А кого не удивляет единственный в своем роде Главный ботанический сад, насыщенный разнообразными растениями? Этот сад к тому же и пример ландшафтной архитектуры.

Проблема нового хлеба, конечно, трудна и многогранна, но Цицина-горожанина волновала и ее чисто практическая сторона. Почему на прилавках булочных нет того многообразия калачей, плетеных булочек, бубликов, кренделков из ржаной муки? Да потому что в зерне ржи нет клейковины, обеспечивающей такие хлебопекарные формы. Между тем пырей сизый имеет ее до 60, колосняк элимус — до 70, а злак эгилос — до 90 процентов. Это намного больше, чем в самых сильных пшеницах. Скрещивание этих злаков с рожью — наиболее реальный путь ко всяким выпечкам, характерным для белого, пшеничного хлеба. И Цицин не только предлагал такой путь, но и получил уже гибридные формы озимой ржи с высоким содержанием клейковины. Вот вам блестящее решение проблемы.

Однако современному человеку растительной пищи хватает, дефицитом являются продукты животного происхождения. Потребность в них растет с каждым годом. А между прочим, каждой корове в год необходимо более десяти тонн кормов. Где их взять? А ведь поголовье их немалое!

Цицин и здесь сказал свое слово: вывел новые зернокарманные культуры. Теперь земледелец, видя, что погодные условия в начале лета неблагоприятны для получения зерна, скашивает пшеницу на корм скоту, на зеленую массу. При этом зеленая стерня не погибает, а снова идет в рост, и к концу лета можно уже собирать урожай зерна. Два урожая в год: кормовой и зерновой. Решение этой проблемы — огромное подспорье в основе животноводства — производстве кормов.

Но Цицин не был бы генетиком, если бы на растение смотрел, как на стабильную систему — сорт, созданный раз и навсегда. В том-то и трагедия всего живого, что, рождаясь растением или организмом, это живое не только развивается, но и умирает. Любые сорта культурных растений со временем «устают», вырождаются. Казалось бы, и обрабатываются они по-прежнему и питательных веществ получают намного больше, а урожай падают: сорт устал — в нем произошли какие-то необратимые генетические сдвиги. Такие растения становятся менее устойчивы к болезням. Этот процесс закономерен!

Однако генетики, и Цицин в том числе, нашли способ «оздоровления» уставших культур, который открывает новую эру в сельском хозяйстве...

На моем письменном столе в берестяном туеске, сработанном вятскими умельцами, лежит несколько пшеничных колосков, совершенно непохожих даже внешне: одни — привычные с детства, пришедшие к нам из туманных далей истории, с лоскутных пашен наших предков, и вторые — созданные разумом человека.

Зерно, созданное разумом, значительно весомее. Но, главное, такого зерна раньше в природе не было. Его придумал сам человек, вложив в него все свои знания и многовековой опыт земледельца. Создал такое зерно коллектив ученых во главе со старейшим генетиком страны Николаем Васильевичем Цициным, заложившим основы нового направления в сельском хозяйстве — отдаленную гибридизацию.

ОТ РЕДАКЦИИ

Материал этот уже был подготовлен к печати, когда пришла горестная весть: умер блестящий организатор науки, дважды Герой Социалистического Труда, академик Николай Васильевич Цицин. За несколько дней до смерти он прочитал этот очерк и откровенно признался, что недооценивал роль научной популяризации, и пожалел, что многие интересные и полезные не только для ученых мысли так и остались на полях научных дневников и полевых наблюдений.

— Основная задача ученого, — сказал Николай Васильевич, — оберегать свое время, изобретать будущее, предвидеть его и приближать к нашим дням, поэтому оторвать этот процесс от личных качеств человека, конечно же, невозможно.

В борьбе за хлеб он видел настоящую революцию, которая в корне изменит наши представления о флоре и фауне.

Академик Цицин сделал первые шаги к новому хлебу. Его ученики и последователи создадут зеленые шедевры для будущих поколений.

Наш стук сердец привычно заглушает
Крикливая порою суета...
А нивы и дубравы вопрошают:
«Куда спешите, люди, вы куда?!»

На стропах звезд ветра мира качают.
У всех свои намечены пути.
Сердца людские тихо отвечают:
«Идем вперед!
Не можем не идти...»

Полет

Скоро грянет тревожный сентябрь...
А пока на душе моей — август.
Жизнь моя, как доверчивый аист,
В золоченых трепещет сетях.

Эти сети — от солнца лучи
Над родимой моею землею,
Где в войну стали звездной золою
Стены отчего дома в ночи...

Скоро время итогов придет.
Что хорошего людям я сделал?
Жизнь пронесится птицею белой.
И все выше, все выше полет...

Крестьянин

В селе был уважаем
Мой отец —
За грамотность,
За ум и справедливость.
Один старик сказал:
«А он мудрец!»
До смерти
Это имя сохранилось.
Отец мог все:
Погоду предсказать,
Все сроки знал —
Когда пахать и сеять.
Умел косить
И невода вязать.
И Родину любил
Душою всею.
Ударник был.
И премию — отрез —
Он подарил
На день рождения маме.
А в праздники —
И радостен и трезв —
Рыбалить отправлялся
К Черной яме.
Водились там
И щуки и сомы,
И Сейм был там

Широким и красивым.
Отец бросал
Подкормку из сумы
И замирал
В раздумье над обрывом.
О чем он думал?
Мне уж не узнать...
Звезда на дне
Блесною уходила.
А над рекою —
Тишь да благодать,
А за лугами —
Звуки песни милой.
...Беда стряслась:
Врачи нашли порок —
Гораздо реже
Сердце стало биться.
А многие не верили:
«Здоров.
Мудрует Хведор.
Просто стал лениться...»
А он работы легкой
Не просил.
Болело сердце,
В кашле задышался,
Но в поле выходил.
По мере сил

С дневною
Нормою справлялся.
Хоть чувствовал:
Всему придет конец...
И все же не бросал
Земное дело.
А недруги шептали:
«Ишь, мудрец,
Не пьет
И притворяется умело...»
...Его нашли весной
На борозде
Лежавшим навзничь.
На щеке слезинка.
И, как всегда положено
в беде,
Молчало сердце.
Холодно, как льдинка.
Смотрели ввысь
Отцовские глаза,
Где птица-жаворонок
Сердцем билась.
И друг-старик
Задумчиво сказал:
«Вся боль его
В одной слезе
вместилась...»

Отношение к прошлому

Помню, бабушка с мамой
Расстилали холсты
Над рекою, той самой —
Шириной с полверсты...

И тропинкою белою
Я строчил босиком.
Поскользнувшись у берега,
Вдруг летел кувырком.

...Ждали пряники сдобные.
Был браним я незло.
И слова эти добрые
Вниз теченьем несло.

Тропка узкая стелется
Довоенным холстом.
Никогда не изменится,
Ни сейчас, ни потом,
Отношение к прошлому.

Вновь селом неторопко я
К речке детства иду.
И отцовскою тропкою
Дочку рядом веду.

Семену АРЦЫБАШЕВУ,
земляку-механизатору

Прожил жизнь незряшную
Я в родном краю.
И себя вчерашнего
В парне узнаю.
Он, как я, застенчивый,
Худ и угловат.
Солнцем весь просвеченный
В миллиарды ватт.
Ветром он овейный
И омыт дождем.
Все поля измерены
Им в краю родном.
Паханы и сеяны,
Кошены не раз.
Эти руки Сенины,
Нет, не напоказ...
Шлет улыбку гордую,
И не без причин:
За уборку прошлую
Орден получил.
Вот он, кепку комкая,
Ищет, где присесть.
У него неломкая
Песня в жизни есть.

Шелестят зелена,
Что пшеницею будут.
Убегают дорога,
Машиной пыля.
Пусть не станет меня,
Но останутся людям
Мною вспаханные
Поля...

Все, что было,
Моею душою согрето
И моими руками
Ласкалось не раз —
Будет людям светить
И зимою и летом
Так,
Как светит
Все это мне в жизни
Сейчас.

Будет месяц потом —
Как ледышечка, тонок —
Отражаться в студеной
Прозрачной воде.
И помянет добром
Благодарный потомок,
После смены
идя по стерне...

Основан в январе 1924 года. Выходит два раза в месяц.

№ 16 (1278) АВГУСТ 1980

МОСКВА, ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Наша обложка:
до нынешних дней
сохранились традиции
знаменитой
Сорочинской ярмарки.
Фото
Анатолия ИОЛИСА.
Репортаж
Анны ДЕНИСКО и
Николая ГУРОВА
«СОРОЧИНСКАЯ
ЯРМАРКА»
на 28-й странице.

- 1 НАВСТРЕЧУ XXVI СЪЕЗДУ КПСС.
Николай ХЛЕБОДАРОВ. «НОВЫЙ ХЛЕБ».
- 3 Стихи Николая ШУМАКОВА.
- 4 «ТЕПЛЫЙ ДОМ».
Фотоочерк Ираиды ПОТЕХИНОЙ и
Альберта ЛЕХМУСА.
- 7 Стихи Овидия ЛЮБОВИКОВА.
- 8 ОНИ НАЧИНАЛИ В «СМЕНЕ»: Василий ШУКШИН.
- 11 ЭКСКЛЮЗИВ «СМЕНИ».
- 12 КОЛЛЕКТИВНЫЙ КРИТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ:
РАБОТА В ТЯГОСТЬ, РАБОТА В РАДОСТЬ.
РАЗМЫШЛЕНИЯ О ГЛАВНОМ. ОТКЛИКИ ЧИТАТЕЛЕЙ.
- 15 БЕСЕДЫ О МОЛОДОЙ СЕМЬЕ.
Юрий РЮРИКОВ.
«СТРАТЕГИЯ РОДИТЕЛЬСКОЙ ЛЮБВИ».
- 18 АВГУСТОВСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ.
Обзор зарубежной печати.
- 20 Повесть Николая ОГАНЕСОВА
«МАЛЬЧИК НА КАЧЕЛЯХ».
- 24 Клуб «МУЗЫКА С ТОБОЙ».
- 28 «СОРОЧИНСКАЯ ЯРМАРКА».
- 30 СТИХИ АЛЕКСЕЯ ПЬЯНОВА.
- 31 К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ А. С. ГРИНА.
«МИР, ОТКРЫТЫЙ НАСТЕЖЬ».

Главный редактор А. А. ЛИХАНОВ

Редколлегия: В. С. ГЛЕБОВ, Б. Л. ДАНИШЕВСКИЙ,
В. И. ДЕСЯТЕРИК, А. Ю. КОМАРОВ, А. П. КУЛЕШОВ, В. В. ЛУЦКИЙ
(заместитель главного редактора), В. Г. ПОБЕДОНОСЦЕВ (ответ-
ственный секретарь), Р. И. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ, Е. И. РЯБЧИКОВ,
В. А. САЮШЕВ, В. И. СЕВАСТЬЯНОВ, Г. С. ТЕРЗИБАШЬЯНЦ (глав-
ный художник), Б. А. ФАИН, Д. Н. ФИЛИППОВ, Г. Н. ЧЕБОТАРЕВ,
О. Н. ШЕСТИНСКИЙ.

Художник Г. С. Терзибашьянц. Технический редактор И. А. Кузьмина.

оварищ Ира, товарищ Ира...— Ко мне со всех ног бегут девчонки, окружают меня, цепляются за руки, за подол, рвут из рук сумку и спорят, кому нести, улыбаются, радостно приплясывают на ходу и тащат, тащат меня за собой в дом.

Их больше сотни, обитательниц детского дома на улице Солнцева в Баку. Девочки с первого по восьмой классы: азербайджанки, армянки, русские, таты— настоящий интернационал. Я еще не привыкла к столь бурному проявлению человеческого расположения, к столь откровенному и бескорыстному желанию понравиться, быть замеченными, и у меня наворачиваются слезы на глаза...

Маленькой Анджеле Захарян непонятны мои слезы, она удивленно улыбается и, чтобы утешить меня, предлагает:

— Пойдемте смотреть мои рисунки,— и теревит меня за рукав, не давая отвлекаться,— ну, угадайте, кем я буду, когда вырасту?..

Я угадываю, и Анджела радостно кидается меня обнимать:

— Правильно, правильно, художницей. А Сафарова Рена— детским врачом, а Сарья Шамаилова— актрисой, а вот она...— Анджела показывает на совсем уж малышку за моей спиной,— еще не знает, кем будет...

Мы идем по идеально чистому асфальтированному двору с оазисами газонов по краям и в середине. У меня падает скорлупа от ореха, и я легкомысленно пинаю ее в траву. Несколько девочек бросились наперегонки поднимать; мне же, пристыженной, ничего не оставалось, как признать свою оплошность.

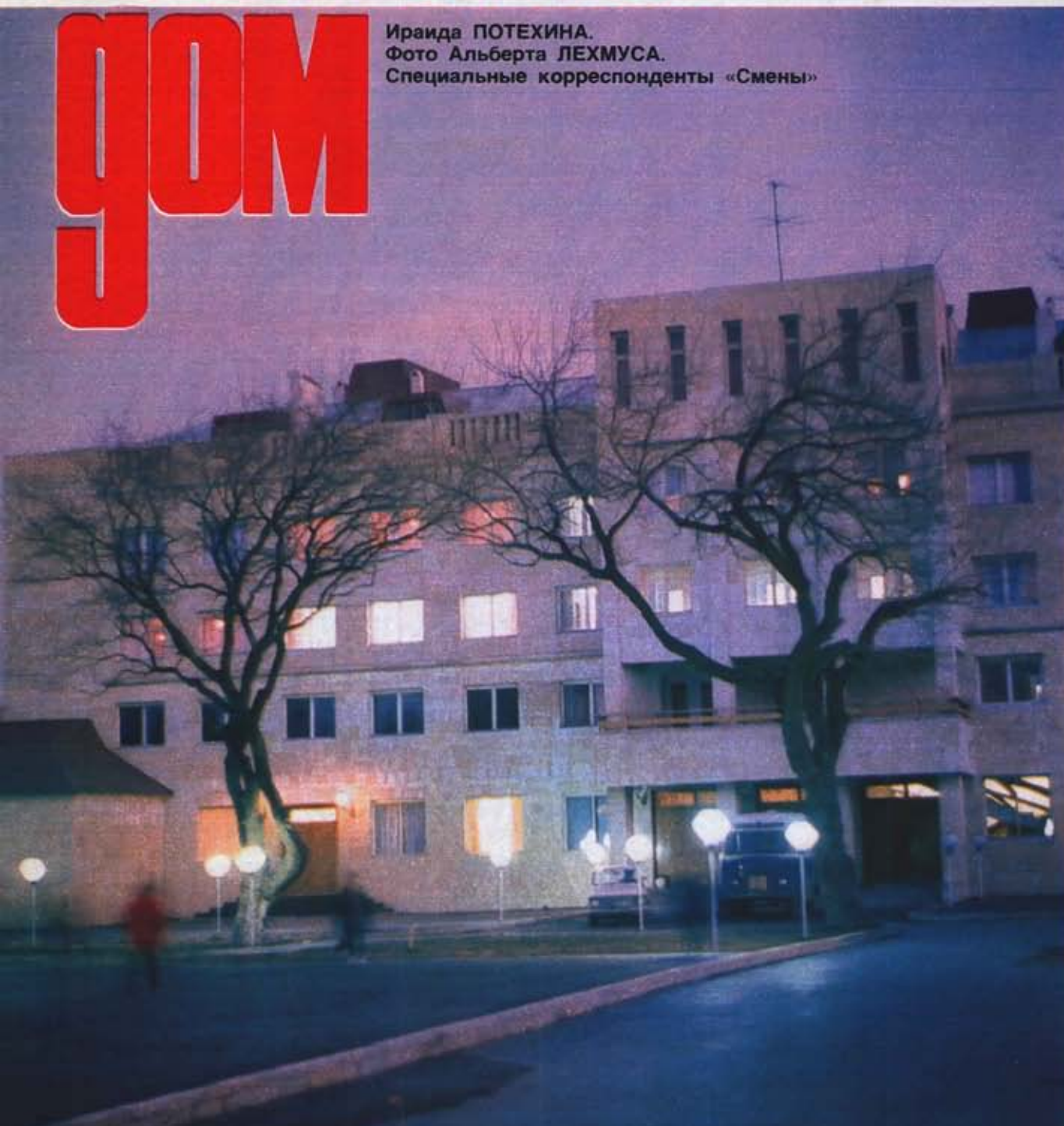
Это вошло в завидную привычку— самим следить за чистотой: двора ли, дома, одежды... Невольно подумалось, какими хорошими хозяйками будут эти девочки. Уже сейчас они все умеют шить, хорошо вяжут (заслуга бывшей учительницы по труду Тамары Васильевны Горенковой). Старшеклассницы рассказывали, что шитьем они даже деньги зарабатывают: начиная с 3-го класса ходят на швейную фабрику. Сначала им доверяют лишь пуговицы пришивать, а потом строчить наволочки, пеленки, шить фартуки. Заработок не-

теплыми

дом

Ираида ПОТЕХИНА.
Фото Альберта ЛЕХМУСА.
Специальные корреспонденты «Смены»

НА ШВЕЙНОЙ ФАБРИКЕ ДЕВОЧКИ ДЕЛАЮТ ПЕРВЫЕ ШАГИ В ТРУДОВОЙ ЖИЗНИ.

О ЗДОРОВЬЕ ВОСПИТАННИЦ ЗАБОТЯТСЯ ВРАЧИ. МЕДИЦИНСКИЕ КАБИНЕТЫ ДЕТСКОГО ДОМА ОСНАЩЕНЫ СОВРЕМЕННЫМ ОБОРУДОВАНИЕМ.

ЗДЕСЬ ЖИВУТ БОЛЕЕ СТА ДЕВОЧЕК— ВЕСЕЛЫХ И МЕЧТАТЕЛЬНЫХ, НЕПОСЕДЛИВЫХ И ЗАДУМЧИВЫХ...

большой—15—20 рублей, а все-таки «свой капитал». Я поинтересовалась, куда же они его расходуют. И узнала: на конфеты. Что ж, дети есть дети...

На улице солнечно, и, несмотря на довольно резкий, неприятный ветер, уходить в дом не хочется. Кто-то предложил:

— Давайте играть с нами в мяч... Я озадаченно смотрю на свои туфли на высоком каблучке, созданные явно не для бега, и не решаюсь дать согласие. Девчонки быстро поняли причину моих колебаний, и не успела я опомниться, как (не давая это сделать самой) сняли с меня туфли и надели тапки. Игру, название которой я так и не запомнила, привезла прошлым летом из «Артека» Солмаз Мамедова— горнистка дружины.

**НЕПРОСТОЕ ДЕЛО — ОВЛАДЕТЬ
ПРЕМУДРОСТЯМИ МАТЕМАТИКИ.
НО ДЕТЯМ В ЭТОМ
ВСЕГДА ПОМОЖЕТ
ДОБРЫЙ ТАЛАНТ УЧИТЕЛЯ
ГАЛИНЫ СЕРАПИОНОВНЫ
МЕЛИКОВОЙ.**

Как я ни уворачивалась от мяча, как ни подсуживали мне мои пристрастные «судьи», счет быстро увеличивался не в мою пользу, пока не настало время уступить очередь другим, желающим посоревноваться в ловкости.

...В доме девочки галдят, задают вопросы все разом (не разобрать), пока в нашу шумную «пресс-конференцию» не вмешаются наконец старшеклассницы, осуществляющие строгий надзор и поистине сестринскую опеку над малышками. Одна из них — Таня Полякова, худенькая рыжеволосая девчушка с веснушками на курносом носу и пухлыми губами, подвижная, как челнок, личность особенно авторитетная при наведении порядка.

Теперь все, кому хочется меня о чем-то спросить, поднимают руку, как на уроке. Вопросы самые различные: о Москве («Хорошо там жить?» и «Правда, что и в Москве есть плохие люди?»); о кумирах эстрады и кино («Вы видели их «живьем»?») и «С ними живут их дети?»); житейские («Как стать счастливой?» и «Что делать, чтобы сбывались хорошие сны?»); о моде, об Олимпиаде...

Школы в одном похожи друг на друга: в каждой есть любимые и нелюбимые учителя. Школа при детском доме на улице Солнцева не исключение. Крикливую и грубую учительницу (кстати, с большим стажем работы) прозвали «Махно». Ее боятся и встреч с ней избегают. Викторию Михайловну Анонью, завуча по учебно-воспитательной работе, женщину необыкновенно добрую, терпеливую и деликатную, обожают. К ней идут за советами, со всеми радостями и бедами. Самое действенное наказание для провинившихся — лишение урока физкультуры, который ведет заслуженный тренер республики по художественной гимнастике Сара Велиева Насирова.

Последние годы в детском доме установлен такой порядок: прежде чем взять преподавателя или воспитателя на постоянную работу, ему дают «испытательный срок». И сам новичок и коллектив должны убедиться, что работа будет по плечу. Нрав и психика детей, лишенных (в большинстве своем от рождения) родительского дома и материнской ласки, требуют большого воспитательского таланта, а главное — огромной человеческой доброты. Не каждый человек, имеющий диплом учителя, может здесь работать. «Нетипичные» дети требуют «нетипичного» подхода. Обостренное до болезненности чувство самозащиты от взрослых (так однажды обидевших!) и в то же время неутоленная потребность в семье и своем доме

людьми, которые делают это «доброе дело» не для ребенка, а для себя, чтобы утолить какое-то свое горе, или с расчетом облегчить свой быт, спастись от одиночества.

Но дети, живые барометры, сразу же чувствуют «меру любви» к ним. Потребительское отношение не прощают. Уходят...

Подобные «добрые дела» дорого обходятся потом и детям и их воспитателям.

Галина Серапионовна Меликова, учительница математики, в одном из наших разговоров как-то сказала:

— Самое главное — почувствовать душу ребенка. Наши дети не подчиняются силе. Только доброте и справедливости. А в самой большой цене у них искренность...

Всего в детском доме работают девять воспитателей и четырнадцать учителей. У каждого свой характер и свой, особый подход к детям.

Молодой учительнице физики Нине Юрьевне Голубевой (она только что благополучно прошла «испытательный срок») секрет взаимопонимания, по ее собственному признанию, открылся далеко не сразу.

До того, как пришла в детдом, работала инженером в институте. Работа спокойная и оклад на сорок рублей больше. А все-таки ушла учительствовать, захотелось поработать по специальности. Поначалу трудно было. Сколько раз отчаивалась, собиралась уходить.

**НЕМАЛО СПОРТИВНЫХ СЕКЦИЙ
РАБОТАЕТ В ДЕТСКОМ ДОМЕ.
НО САМАЯ ЛЮБИМАЯ —
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ
ГИМНАСТИКИ.
ТАК НАЧИНАЕТСЯ НОВЫЙ ДЕНЬ...**

проявляются порой в самых неожиданных поступках.

Елена Юрьевна Романченко, пионервожатая, когда я спросила, что больше всего поражает ее в подопечных, ответила, не задумываясь:

— Эмоциональность. Любовь и ненависть, гнев и радость — все у них «изо всех сил». Если невзлюбят кого-то, не станут по углам шептаться, скажут прямо в глаза, и уж потом — не тронь их, не подходи. Но если полюбили... Нет преданнее, нежнее и послушнее созданий, чем наши дети...

Учителя и воспитатели рассказывали мне о нескольких неудачных попытках удочерять их воспитанниц, когда девочки возвращались обратно в детдом. Происходило это, как правило, с теми

— Добивалась, казалось бы, самого простого — чтобы слушали, — вспоминает Нина Юрьевна. — Для обычной школы это «маленькие радости», здесь — настоящее счастье...

Прошел год. Теперь вопрос о дисциплине на уроке физики снят, работа стала в радость. Спросите, в чем секрет? А в том, что причину непослушания молодая учительница искала не только в учениках, но и в себе. Делала все, чтобы на ее уроках было интересно. Иногда обидно было: «Я к ним всей душой, а они...» И все же обид на сердце не копила. Училась прощать, а это ох как не просто... И вот награда: дети назвали Нину Юрьевну в числе любимых учителей.

— Наша работа требует полной отдачи и даже жертвенности, — говорит завуч Анония, — в противном случае результаты будут на нуле...

Виктория Михайловна работает в детском доме уже более двадцати лет, и все эти годы примером такой высокой жертвенности была и есть для нее Мария Афанасьевна Блюнкина — бес-

сменный директор детского дома с начала войны и до семьдесят второго года. Это при ней детский дом № 2 стал одним из лучших в республике. Правда, тогда он размещался не в таком красивом здании, как ныне, и условия жизни были не такими, но прославился он именно в те годы. Своей сильной пионерской организацией, отличной самодеятельностью, достижениями в спорте.

Мария Афанасьевна, по воспоминаниям бывших воспитанников и тех, кто работал с ней, умела быть настоящей матерью «своим» детям: нежной и требовательной, внимательной, готовой всегда прийти на помощь, заинтересованной в дальнейшей (и после выпуска) судьбе девочек.

В институте кибернетики в Баку работают сейчас две ее выпускницы, две сестры — Светлана и Эльмира Юсуфовы. Нора Маркосян (теперь уже Нора Александровна), одна из первых выпускниц, работает в этом же детском доме учительницей младших классов.

Ушла на заслуженный отдых Мария Афанасьевна, и началась смена директоров. Один, второй, третий...

Год назад райком партии направил на эту работу Тамару Фильмировну Бабаеву. Женщина молодая, энергичная. В день, когда мы познакомились, пришла возбужденная, радостная:

— Заказала на швейной фабрике шелковые платья для девочек...

Для выпускниц — белые, остальным — разных расцветок и моделей.

Но не все пока удается и этому директору. Свою работу здесь Бабаева сравнивает с работой в горячем цеху. Надежды, правда, не теряет: «Все будет нормально». Что же, как говорится, время покажет... Во всяком случае, учиться и набираться опыта ей есть у кого. А случись необходимость — за помощью недалеко ходить...

Много дел у первого секретаря Наримановского райкома партии Наджиметдина Халафовича Ахмедова. В районе сосредоточены почти все строительные, большинство транспортных и значительное количество научно-исследовательских организаций и учреждений города. И так уж получилось, выпал из поля видимости крохотный этот объект — детский дом. Знали, что дела там обстоят неплохо, а вот каковы жилищные условия детей, не знали. Пришла пора поинтересоваться.

Каким увидел секретарь детский дом в ноябре 1978 года, не будем сейчас говорить, но только по возвращении сразу же поставил вопрос на бюро райкома о срочном строительстве нового здания. Тогда же райком партии обратился ко всем предприятиям Наримановского района с просьбой оказать помощь в строительстве. Сроки строительства установили фантастические — десять месяцев...

От обычного типового проекта студенческого общежития, который был взят за основу, не осталось и следа. Все — от формы дверных ручек и до отделки интерьеров, лестничных пролетов и даже чердака — «плоды воображения» Наджиметдина Халафовича (архитектура — его «хобби»).

В снабжении строительства принял участие весь район и в первую очередь шефы: завод бытовых кондиционеров, винзавод, табачный комбинат, другие. Слова «нет» не существовало. Детский дом надо было построить к новому учебному году. И его построили.

Учителя и воспитатели тоже помогали, чем могли. Убирали мусор, шили шторы для окон, покрывала на кровати, мыли, чистили...

Теперь детский дом — «объект показа». Сюда приезжают не только гости нашей страны, но и из-за рубежа. Были вьетнамцы, норвежцы, иранская делегация...

Иностранцев интересует все: методы воспитания, уровень знаний и культуры, как одеваются дети и кто следит за чистотой в доме.

— Гостей у нас любят, — говорит завуч по учебно-воспитательной рабо-

те, — и все-таки иногда, когда делегации бывают слишком часто и многочисленными, это мешает в работе. — И поясняет: — Ведь даже взрослые не всегда могут вынести «бремя славы», а у нас дети. Иные — уроки побоку, дай им только перед гостями покрасоваться...

Обнесенное красивой чугунной оградой, красочное, выдержанное в традициях восточной архитектуры, здание детского дома сделано с большой фантазией и безупречным вкусом. В нем пять этажей и мансарда — будущая «кружковая комната».

Дети водят меня по этажам. Им хочется, чтобы я непременно заглянула в каждую комнату. Особенно на третьем и четвертом этажах, где размещены спальни и бытовые комнаты. В них современная полированная мебель, ковры, красивые покрывала на кроватях и шелковые шторы на окнах (все в тон), семь телевизоров (из них пять цветных), красивая посуда и даже сервизы (для торжественных случаев).

Игротека, пионерская комната и большой актовый зал — на пятом этаже. Чтобы попасть в «школу», детям достаточно спуститься на второй этаж. Здесь хорошо оборудованные учебные кабинеты.

На первом — просторная столовая, медицинские кабинеты, библиотека и музей В. И. Ленина.

Любимый всеми урок физкультуры проходит в отдельном здании. Там во дворе спортзал с раздевалками и душевыми. Спортивному инвентарю и оборудованию зала позавидует всякий, кто знает в этом толк. Тут есть даже балетный станок с зеркалами по стене. (Кому, как не девочкам, заботиться об осанке и пластике движений!)

Все: книги в библиотеке и мебель, ковры и оборудование, телевизоры и посуда — подарки предприятий района.

Строительство на территории «девичьего интерната» не закончено. В плане — сооружение трехэтажного здания школы-десятилетки, бассейна, своей зоны отдыха и собственной котельной.

Конечно же, все это немислимо без помощи шефов. И славно то, что ни у детей, ни у работников детского дома нет оснований сомневаться, что помощь эта будет своевременной и щедрой. Я имею в виду не только материальную сторону дела. Больше, чем в материаль-

ной, нуждаются девочки в моральной поддержке, в живом человеческом общении с людьми, искренне заинтересованными в их судьбе.

На Бакинском заводе бытовых кондиционеров понимают это. В выходные и другие свободные дни рабочие завода приезжают к детям, проверяют тетради, ходят с ними на прогулки, в музеи, театры. А однажды организовали экскурсию на завод. После первого же посещения все девочки заявили, что хотят там работать...

Частые гости детского дома и другие шефы: ПТУ № 29, консерватория, рабочие заводов.

Помню, в одном из разговоров с детьми о том, чем они живут, что любят, меня как-то начало беспокоить, что среди кумиров имена лишь эстрадных певцов и киноактеров. Спросила:

— А как вы относитесь к классической музыке?

В ответ было названо около десяти композиторов, чью музыку девочки любят слушать («...но наедине»). Они даже напели мне отрывок из (как выяснилось) Пятой симфонии Бетховена («Угадайте, откуда это?»).

Скажу откровенно, я была поражена. Лишь позднее мне открылась «тайна». Вот уже десять лет под непосредственным руководством одного из преподавателей Азербайджанской государственной консерватории, Иветты Григорьевны Плям (она же председатель шефской комиссии), в детском доме проводятся лекции о музыке, устраиваются концерты.

Любимые художники: Шишкин, Репин, Левитан, Брюллов...

В будущей школе-десятилетке намечаются «уклоны» в обучении: эстетический, спортивный и языковой. Лингвонный кабинет для изучения иностранных языков прекрасно оборудован. Он ждет лишь того часа, когда будут закончены переговоры с будущими шефами — институтом иностранных языков.

В один из последних дней каждого месяца в столовой сдвигаются столы. Греется самовар, готовятся угощения. В этот день детский дом чествует тех, у кого в истекшем месяце были дни рождения. Праздник назван «ДРС» — Дни рождения сразу. Шефы, учителя и воспитатели готовят подарки, пекут торты.

**ШЕФЫ ПРИЕХАЛИ!
И НАЧАЛСЯ ОТКРОВЕННЫЙ,
«ПО ДУШАМ» РАЗГОВОР.**

**НУ, КАК ТУТ НЕ ТАНЦЕВАТЬ —
КОГДА ТЕБЕ ПЯТНАДЦАТЬ ЛЕТ,
КОГДА РЯДОМ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫЕ
ПОДРУГИ, КОГДА НА ДУШЕ ТАК
СОЛНЕЧНО И ПЕСЕННО.**

Песни, танцы — веселье, как и положено на дне рождения. Правда, музыка на танцах пока «из проигрывателя», но скоро будет свой вокально-инструментальный ансамбль. Название уже придумали — «Гюнаш» («Солнышко»). Инструменты и усилители есть. В талантах тоже нет недостатка.

У девочек из детского дома есть всё, что нужно для жизни, как говорится, и «хлеб и зрелища». Есть настоящие друзья среди взрослых: «дяди» и «тети», по-настоящему любящие их, сердечные, добрые, готовые всегда прийти на помощь. У них есть учителя и воспитатели, которые весь свой талант, здоровье, саму жизнь готовы отдать, чтобы их девочки не чувствовали себя ущербными, обиденными в праве на счастье. Им созданы прекрасные условия для жизни и учебы...

И все-таки! Все-таки! Посмотрите внимательно в их глаза... Вслушайтесь в их души...

Словно иголкой прошьет мое сердце, когда, сорвавшись с брусьев на уроке физкультуры, девочка вскрикнет: «Ой, мамочка!» Но попробуйте ее спросить о маме — постарается отмолчаться, смеяться тему разговора или вовсе убежит...

Здесь не разучивают стихов в честь «любимых мам» к 8 Марта...

И мне вспомнилось детство.

Когда в сорок третьем не стало отца, нас у мамы осталось трое. Самому старшему — пять лет. Чтобы прокормить, одеть-обуть нас, мама работала днями и ночами. Днем — на службе, а после до поздней ночи перешивала морякам брюки, бушлаты, шинели... Помню эти вечные груды работы за платяным шкафом. Мы с братьями и засыпали и просыпались под стрекот неумолимой зингеровской машинки (только она и могла пробить грубое шинельное сукно).

Трудно жилось. И потому после войны вывозила нас мама иногда на лето в деревню, к своим родителям на «подкормку». А к осени, загорелых и потолстевших, забирала домой.

Однажды, в день, когда настало время уезжать из деревни, я заметила, что вещички старшего брата не укладываются в чемодан. Мама плачет украдкой и все шепчется о чем-то с бабушкой и дедом. За обедом брату дают самые вкусные куски и не наказывают даже тогда, когда он «понарошке» разбил об мой лоб сырое яйцо...

Генку оставляли зимовать в деревне. Помню, как бежал он за телегой, на которой мы уезжали, как кричал, умоляя маму взять его с собой, как обещал всегда слушаться и никого никогда не обижать...

Его истощенный рев и сейчас стоит у меня в ушах.

И просторный бабушкин дом, и любимые шанежки с картошкой, и мед (прямо в сотах), которого у дедушки было «ещь, сколько влезет», — все разом превратилось в ничто. Генке нужен был свой дом. Пусть хлеб «по карточкам», и самодельная деревянная раскладушка вместо уютной русской печки, и длинные, сонные полярные ночи... Ему нужно было туда, где... мама.

А мама уезжала с нами, и мы, хоть и жалели Генку, поддерживая его своим неуверенным писком, жались к ней и боялись заглядывать в ее широко открытые, налитые болью глаза.

Прошли годы, а ощущение родного дома, и мамино тепло, и страха, что я когда-нибудь могу этого лишиться, осталось во мне поныне.

И может, потому я так растеряюсь и ничего не смогу ответить, когда при прощании маленькая Анджела Захарян, увидев мои слезы, спросит:

— Товарищ Ира, почему вы плачете? Вам понравилось у нас и не хочется уезжать?

Что же сказать вам, дорогие мои девочки, теперь?

Я желаю вам счастья. И раз не вы, то пусть ваши дети не будут стыдиться своих матерей... Раз не у вас, у детей ваших пусть будет родительский дом... И к 8 Марта пусть для вас, любимых и любящих, будут разучивать дети стихи.

Овидий ЛЮБОВИКОВ

Первая стачка

Завод всей грудью дышит,
и клубится
Белесый дым над крышами цехов.
Похолодало в Белой Холунице,
С пруда, как ветром, сдуло рыбаков.
А кактусам тепло за зимней рамой.
Всю ночь трещат в поленище дрова.
На стенке дома индевет мрамор,
И возвращают в первый бой слова.
Легенда, оживи,
воскресни, песня,
Мемориальный камень, не молчи!..
Когда еще не восставала Пресня,
Еще на Талке не сошлись ткачи,—

Поднялся на дыбы медвежий угол
И косолапо двинул на врага.
Горн захлебнулся,
задохнулся уголь,
Ошеломленно охнула тайга.
Полосовали розгами — ни стона,
Бросали в каталажку под замки,
Но супротив барона и закона
Стояли неотступно мужики.
...На карточках музейных
блекнут лица.
Минувшее и рядом и вдали.
Но под ногой прогнется половица,
И загремят набатно кандалы.

В армию

Дом распахнут настежь —
вся округа
На застолье шумном среди дня.
Ныне сына, племянша и внука
Провожает в армию родня.
Он сидит веселый-развеселый
В окруженьи близких и друзей,
А в глазах рябит от разносолов,
Что душе угодно ешь и пей.
Тары-бары, бойкие танцоры
Искры высекают каблукком...
Только час
в сорок втором на сборы

Нам отвел товарищ военком.
Путь солдатский начинался круто,
Выкликнув по списку имена:
«Ровно час,— сказал,— и ни минуты
Больше. Понимать должны — война».
Теплые портянки, кружку, ложку
Побросал в рюкзак и в путь готов.
Мама щей вчерашних на дорожку
Налила в тарелку до краев.
Я хлебаю и хвалю хозяйку
Да слежу за стрелкой на стене.
Мама иждивенческую пайку
Под руку подталкивает мне.

Нас ждут альпийские красоты! —
И заскрипел фуникулер.
Он, развалившийся напротив,
Меня расстреливал в упор.
Однажды битый и прилично,
Он рукавом пустым болтал
И шурил левый глаз привычно,
Как бы к прицелу припадал.

Изрядно сдал, заметно высох,
Не та фактура, стать не та,
А доведись — разбойный список
Начнет не с чистого листа.
Но есть надежда, что до гроба
Ему томиться не у дел.
Я не моргал, а только в оба,
Да, в оба на него глядел...

Диксон

С корабля
шагнул
на берег,
Как Колумб,
Как Витус Беринг.
Улыбаться, право, нечего,
Каждому своя судьба:
Если не для человечества,
То хотя бы для себя
Плыть в неведомое здорово
И рассеивать туман.
Дышит, освежая голову,
Ледовитый океан.
Ни травинки и ни дерева,
Сизый камень под ногой.

О причал коварство севера
Трется гривой ледяной.
Как легенды спорят с бурями,
Слушай да на ус мотай.
На краю земли закуривай,
Воздух мужества глотай.
Кой-чему, поди, научишься,
Кое-что поймешь, поди.
Может быть, другого случая
И не будет впереди.
Дома спросят:
«Кто так истоиво
В двери за полночь стучит?»
Я скажу: «товарищ с Диксона».
И почувствую — звучит.

Бердыши

Памяти Флора ВАСИЛЬЕВА

Высекает ветер слезы,
Или это боль души...
Начинается с березы
Деревушка Бердыши.
Занялась она над полем
Снега белого белей.
То ли выюга, время то ли
Обломало ветви ей.
Стынут корни,
Кожу саднит,
Обволакивает дым.
За дорогой палисадник,
В два окна изба над ним.
Скрип полозьев на морозе.
Шорохи в ночной трубе.
Одиноко, как березе,

Старой женщине в избе.
Затемно истопит печку,
Перепечей* напечет,
А потом тропу к крыльцу
Жестким голиком пройдет.
Синь студеному рассвет
За околицей рассвет.
К той избе над речкой Моей
Не сворачивает след.
...И поныне издалека
Обжигает душу мне
Свет березы одинокой,
Одинокий свет в окне.

* Удмуртское национальное кушанье.

ДВАДЦАТЬ ДВА ГОДА СПУСТЯ

Из трех шукшинских текстов, публикуемых сегодня «Сменой», два в особых комментариях не нуждаются: они написаны в зрелые годы и полностью соответствуют тому образу, который носят в душе тысячи читателей, знающих, любящих и понимающих Василия Шукшина.

В этих двух материалах — выступлении перед зрителями и рабочих записях — Шукшин предстает как опытный мастер, полный горьких и глубоких, «поздних» дум о жизни. Достаточно вдуматься хотя бы в его рассуждение об интеллигентности как о «таланте сострадания»; или всмотреться в его сопоставление доброты, не умеющей себя оградить, со злом, которое «более организовано на земле»; или вчитаться в лукавую

самохарактеристику: «главное... не акцентировать, давать вровень с неглавным... Работать под наив», — и из этих шукшинских текстов встает автор «Печек-лавочек» и «Калины красной», прочно и глубоко вошедший в сознание огромного числа людей.

Другое дело — маленький рассказ Шукшина, опубликованный здесь, в «Смене», в 1958 году — двадцать два года тому назад. Вот тут контраст будет интересный — между тем Шукшиным, которого мы знаем, и тем, который когда-то с этим рассказиком неприметно вошел в литературу.

«Двое на телеге» — первая публикация. Автор — безвестный студент Института кинематографии. До первой книги — пять лет. До первой кинокартины — шесть. До первой роли — меньше года. Позади — жизнь, полная боли и опыта: детство в нищей деревне военных лет, ранний уход из дома, работа, армия, вечерняя школа, институт — в свое время этот опыт и эта боль, переплавившись в тексты, роли и фильмы, дадут зрелого Шукшина. Пока что они дают... рассказ «Двое на телеге». Как рассказ попал в «Смену»? Известно, что по совету Михаила Ромма, своего учителя, Шукшин в ту пору пробовал рассылать рассказы «веером»; когда редакции их возвращали, он «тасовал» и рассылал вновь. «Смена» открыла Шукшина года за два до того, как его стали печатать «толстые» журналы. «Двое на телеге» оказались чем-то вроде

провозвестника, и вот, вчитываясь в этот рассказ двадцать два года спустя, мы ищем в нем провозвестие.

И не находим.

...Медленный, обстоятельный, «специальный» пейзаж вначале: «место действия». Никогда зрелый Шукшин не стал бы тратить ни строки на такую отдельную экспозицию. Зрелый Шукшин такие подступы отсекал. Он мог бы, наверное, начать с пятого абзаца: «Войдя в избу, Захарыч бросил старухе: «Собери». — ввел бы в дело с полуслова. Но не писал бы: «Дождь, дождь и дождь...»

Теперь о характере пейзажа. Это не случайный дождь. Дожди для прозы середины пятидесятих годов (и именно для психологического рассказа) — нечто вроде символа: именно так назывался один из лучших, сделавших «погоду» в прозе того времени, рассказ Сергея Антонова; дожди в середине десятилетия пришли на смену отличной погоде, на фоне которой трудились и побеждали эпические герои прозы сороковых — начала пятидесятих годов. Так называемая «бесконфликтность» тяготела к солнышку, либо уж к катастрофической буре, которую люди преодолевали предельным напряжением сил. — долгий мурлыкающий дождичек явился знаком интереса к повседневным будням и к психологическим «тонкостям души». Вместе с дождиками пришла тогда мода на «неустроенных героев», и до самых шестидесятых годов все капало и текло по стеклам и зонтикам: Шукшин, начинающий рассказчик, старается быть на уровне момента.

Сквозь пелену дождя, впрочем, нетрудно разглядеть в тогдашней средней прозе старую добрую схему, согласно которой герою препятствия ничем. Можно разглядеть эту схему и в шукшинском рассказе, где молоденькая фельдшерша, недавняя студентка, гоним старика в мокроту и непогоду везти ее за лекарством, и старик, растроганный таким энтузиазмом, молодеет, так сказать, душой. Этот сюжет, весьма распространенный в прозе середины пятидесятих годов, литературоведы описывают как «приезд молодого специалиста в село»: молодой человек набирается опыта и, в свою очередь, заражает окружающих своей высокой убежденностью. Шукшин еще акцентирует вторую половину уравнения; придет время, и акцент переместится на первую.

В сюжетной схеме, полученной им из рук предшественников, можно уловить и более ранние мотивы, восходящие к литературе тридцатых годов, к Николаю Островскому, к его огненному герою, весельчаку и рубаке, воюющему против тьмы и инертности. Конечно, вымокшая пичуга из шукшинского рассказа мало похожа на Павку Корчагина, но пиетет, вселяемый ею в души деревенских дедов, один из которых заметил у нее комсомольский значок и бодро салютует ему: «Молодцы!» — выдает в Шукшине чуждость и к этому традиционному мотиву. Учтем, что если в тридцатые годы за такой

Василий ШУКШИН

ДВОЕ НА ТЕЛЕГЕ

РАССКАЗ

Дождь, дождь и дождь... Мелкий, назойливый, с легким шумом сеял день и ночь. Избы, дома, деревья — все намекло. Сквозь ровный шорох дождя слышалось только, как всплескивала, журчала и булькала вода. Порой проглядывало солнышко, освещало падающую сетку дождя и опять закутывалось в лохматые тучи.

...По грязной издалека дороге двигалась одинокая повозка. Рослая гнедая лошадь устала, глубоко проваливалась боками, но время от времени еще трусила рысью. Двое на телеге вымокли до основания и сидели, понурились. Старик-возница часто вытирал рукавом фартушки волосатое лицо и сердито ворчал:

— Погодка, черт тебя надавал... Добрый хозяин собаку из дому не выпустит...

За его спиной, укрывшись легким плащом, тряслась на охапке мокрой травы маленькая девушка с большими серыми глазами. Обхватив руками колени, она безразлично смотрела на далекие скirdы соломы.

Рано утром эта «сорока», как про себя назвал ее сердитый возница, шумно влетела к нему в избу и подала записку: «Семен Захарович, ответи, пожалуйста, нашего фельдшера в Березовку. Это до крайности необходимо. А машина у нас на ремонте. Квасов». Захарыч прочитал записку, вышел на крыльцо, постоял под дождиком и, войдя в избу, бросил старухе:

— Собери.

Ехать не хотелось, и, наверно, поэтому бойкая девушка не понравилась Захарычу — он сердито не замечал ее. Кроме того, злила хитрость председателя с этим его «пожалуйста». Не будь записки и не будь там этого слова, он ни за что не поехал бы в такую непогоду. Захарыч долго возился, запрягая Гне-

духу, толкал ее кулаком и, думая о записке, громко ворчал:

— Становись, пожалуйста, в оглобли, дура окаянная!

Когда выехали со двора, девушка пробовала заговорить с возницей: спрашивала, не болит ли что-нибудь у него, много ли снега бывает тут зимой... Захарыч отвечал неохотно. Разговор явно не клеился, и девушка, отвернувшись от него, начала негромко петь, но скоро замолчала и задумалась.

Захарыч, суетливо подергивая вожжи, тихо ругался про себя. Он всю жизнь кого-нибудь ругал. Теперь доставалось председателю и этой «сороке», которой приспичило именно теперь ехать в Березовку.

— Ххе-е... жизнь... Когда уж только смерть придет. Нно-о, журав!

Они с трудом выехали на гору. Дождь припустил еще сильнее. Телега качалась, скользила, точно плыла по жирной, черной реке.

— Ну и погодушка, чтоб тебя черти... — ругался Захарыч и уныло тянул: — Но-о-о, уснула-а-а...

Казалось, этому пути, дождю и ворчанию старика не будет конца. Но вдруг Захарыч беспокойно заерзал и, полуобернувшись к спутнице, весело прокричал:

— Что, хирургия, небось замерзла?

— Да, холодно. — призналась она.

— То-то. Сейчас бы чайку горячего, как думаешь?

— А что, скоро Березовка?

— Скоро Медоухино, — лукаво ответил старик и, почему-то рассмеявшись, погнался лошадей: — Но-о, ядрена Матрена!

Телега свернула с дороги и покатила под гору, прямо по целине, тархтя и подпрыгивая. Захарыч молодецки покрикивал, лихо крутил вожжамы. Скоро в логу среди стройных березок показалась одинокая старая избушка. Над

избушкой струился синий дымок, растягиваясь по березнику слоистым голубым туманом. В маленьком окошке светился огонек. Все это очень походило на сказку. Откуда-то выкатились два огромных пса, кинулись под ноги лошади. Захарыч соскочил с телеги, отогнал бичом собак и повел лошадь во двор.

Девушка с любопытством осматривалась и, когда заметила в стороне между деревьями ряды ульев, догадалась, что это пасека.

— Бежи отогревайся! — крикнул Захарыч и стал распрягать лошадь.

Прыгнув с телеги, девушка тотчас присела от резкой боли в ногах.

— Что? Отсидела?.. Пройдись маленько, они отойдут, — посоветовал Захарыч.

Он бросил Гнедухе охапку травы и первый потрусил в избушку, отряхивая на ходу мокрую шапку.

В избушке пахло медом. Перед камельком стоял на коленях белоголовый старик в черной сатиновой рубахе и подбрасывал дрова. В камельке весело гудело и потрескивало. На полу затейливо трепетали пятна света. В переднем углу мигала семилинейная лампа. В избушке было так тепло и уютно, что девушке даже подумалось: не задремала ли она, сидя в телеге, не снится ли ей все это? Хозяин поднялся навстречу неожиданным гостям — он оказался очень высоким и слегка сутулился, — отряхнул колени и, прищурив глаза, сказал глуховато:

— Доброго здоровья, люди добрые.

— Там добрые или нет — не знаю, — ответил Захарыч, пожимая руку старому знакомому, — а вот промокли мы изрядно.

Хозяин помог девушке раздеться, подбросил еще в камелек. Он двигался по избушке не торопясь, делал все спокойно и уверенно.

Захарыч, устроившись у камелька, блаженно кряхтел и приговаривал:

— Ну и благодать же у тебя, Семен. Прямо рай. И чего я пасечником не сделался — ума не приложу.

— По какому же делу едете? — спросил хозяин, поглядывая на девушку.

— А вон с доктором в Березовку едем, — объяснил Захарыч. — Ну, помогил он нас... Хоть выжимай, язвы его совсем...

— Доктор, значит, будете? — спросил пасечник.

— Фельдшер, — поправила девушка.

— А-а... Смотри-ка, молодая какая, а уже... Ну, согревайся, согревайся. А мы тем делом сообразим чего-нибудь.

Девушке было так хорошо, что она невольно подумала: «Все-таки правильно, что я сюда поехала. Вот где действительно... жизнь». Ей захотелось сказать старикам что-нибудь приятное.

— Дедушка, а вы весь год здесь живете? — спросила она первое, что пришло в голову.

— Весь год, дочка.

— Не скучаете?

— Хе!.. Какая нам теперь скука. Мы свое спели.

— Ты тут, наверно, всю жизнь насквозь продумал, один-то? Тебе бы сейчас учителем работать, — заметил Захарыч.

Пасечник достал из-под пола берестовый туесок с медовухой и налил всем по кружке. Захарыч даже слюну глотнул, однако кружку принял не торопясь, с достоинством. Девушка застыдилась, стала отказываться, но оба старика настойчиво уговаривали, разъясняя, что «с устатку и с холода это — первейшее дело». Она выпила полкружки.

Вскипел чайник. Сели пить чай с медом. Девушка раскраснелась, в голове у нее приятно зашумело, и на душе стало легко, как в праздник. Старики

деталью вставляли героика гражданской войны, тиф и пули Боярки, то в пятидесятые годы, когда этот сюжет попал в руки Шукшина, он был уже изрядно промочен дождями повседневности; и все-таки Шукшин не избежал заложенного здесь романтического прекраснотушия: вымокшая у него до нитки фельдшерша-горожанка, едущая в дождь за лекарством, кажется достаточно розовой фигурой, а умиление деревенских дедов ее энтузиазмом—достаточно деланным. Невольно возникает мысль: а что, по сухой погоде нельзя было завезти это лекарство? Но по тогдашним «условиям жанра» читатель не должен был задавать «деляческих» вопросов—он должен был сам гореть жертвенным энтузиазмом. Пришло время, и Шукшин весело разделался с этой розовой схемой (скажем, в рассказе о «Леле Селезневой с факультета журналистики»), причем сделал это не с позиций «деловой прозы», а с позиций того самого опыта, который несут старые деревенские работяги деды...

И, право, не стань Шукшин Шукшиным, не свершилось впоследствии его замечательная судьба,—лежать бы этому первому его рассказу в залежке бесконфликтной прозы сороковых годов, слегка политой «неореалистическими» дождиками пятидесятых. Но Шукшин есть Шукшин, и, поднимая со дна архивов этот первый его рассказ, мы ищем в нем шукшинское.

А ведь есть! Есть песчинка! Скрежет!
Записка: «Семен Захарович, отвези, пожалуйста, нашего фельдшера в Березовку...» Все бы ничего, да вот это «пожалуйста». Завелся старик от словечка против всех законов вежливости и, ведя запрягать любезную Гнедуду, приговаривает ей в ухо, подкрепляя слова кулаком:

— Становись, пожалуйста, в оглобли, дура окаянная...
Завело, значит. Завелся старый. Уловил занозу в безупречно вежливой записочке

Вдумываясь теперь в этот обертон, мы многое можем задним числом предсказать. Полетит в телевизор сапог в рассказе «Критики», и Броня Пупков с многовежливым «Милый пардон, мадам!» будет грозить прохожим жилистым кулаком. И поедет в экспрессе на юг многовежливый, пока его не задела, Ваня Расторгуев из «Печек-лавочек». И Егор Прокудин вежливо расстанется с Губошлепом, чтобы потом сойтись один на один.

Сквозь два десятилетия, сквозь розовую, омываемую дождями пелену давнишней литературной моды достреливает до нас сокрытая в шукшинском характере «злинка», «чудинка», пружина сжатая, готовая ударить...

Речь в Белозерске—это Шукшин. «Рабочие записки»—Шукшин же. Но и «Двое на телеге»—он!

Ранний, но Шукшин!

Лев АННИНСКИЙ

вспоминали каких-то кумовьев. Пасечник раза два покосился на улыбающуюся девушку и показал на нее глазами Захарычу.

— Тебя, дочка, как звать-то?—спросил он.

— Наташей.

Захарыч отечески похлопал Наташу по плечу и сказал:

— Ведь она, слушай, ни разу не пожаловалась даже, что холодно, мол, дедушка. От другой бы слез не оборался.

— А вон у ней, видишь,—указал пасечник на комсомольский значок и добавил:—Они молодцы!

Наташе вдруг захотелось рассказать что-нибудь особенное о себе.

— Вы вот, дедушка, ругались давеча, а ведь это я сама попросилась ехать в Березовку.

— Да ну?—изумился Захарыч.—И охота тебе?

— Нужно—значит, охота,—задорно ответила Наташа и покраснела.—Лекарство одно в нашей аптеке кончилось, а оно очень необходимо.

— Хэх ты!..—Захарыч крутнул головой и решительно заявил:—Только сегодня мы уж никуда не поедем.

— Да, лучше переждать,—согласился пасечник.

Наташа перестала улыбаться. Старик снова принялся за свой разговор. За окном было уже темно. Ветер горстями сыпал в стекло дождь, тоскливо скрипела ставня. Девушка встала из-за стола и присела у печки. Ей вспомнился врач—толстый, угрюмый человек. Провожая ее, он говорил: «Смотрите, Зиновьева... Погода-то больно того. Простудитесь еще. Может, нам кого-нибудь другого послать?» Наташа представила,

как доктор, узнав, что она пережидала непогоду на пасеке, посмотрит на нее и подумает: «Я ведь и не ожидал от тебя ничего такого. Молоды вы и слабоваты. Это извинительно»,—а вслух, наверное, скажет: «Ничего, ничего, Зиновьева».

Вспомнилось также, как пасечник посмотрел на ее комсомольский значок... Она резко поднялась и сказала:

— Дедушка, мы все-таки поедем сегодня.—И стала одеваться.

Захарыч обернулся и вопросительно уставился на нее.

— В Березовку за лекарством поедем,—упрямо повторила она.—Вы понимаете, товарищи, мы просто... мы не имеем права сидеть и ждать!.. Там больные люди. Им нужна помощь!..

Старики изумленно смотрели на нее, а девушка, ничего не замечая, продолжала убеждать их. Пальцы ее рук сжались в тугие, острые кулачки. Она стояла перед ними маленькая, счастливая и с необыкновенной любовью и смущением призывала больших, взрослых людей понять, что главное—это не жалеть себя!..

Старики все так же, с удивлением смотрели на нее и, кажется, ждали еще чего-то. Счастливый блеск в глазах девушки постепенно сменился выражением горькой обиды: они совсем не поняли ее! И старики показали ей вдруг не такими уж умными и хорошими. Наташа выбежала из избушки, прислонилась к косяку и заплакала... Было уже темно. По крыше уныло шуршал дождь. На крыльцо с карниза дробно шлепались капли. Перед окном избушки лежал желтый квадрат света. Жирная грязь блестела в этом квадрате, как масло. В углу двора, невидимая, фыркала и хрустела травой лошадь...

Рисунок В. Орлова.

Наташа не заметила, как на улице вышел хозяин.

— Где ты, дочка? — негромко позвал он.

— Здесь.

— Ну-ка, пошли в избу. — Пасечник взял ее за руку и повел за собой. Наташа покорно шла, вытирая на ходу слезы. Когда они появились в избушке, Захарыч суетливо копошился в темном углу, отыскивая что-то.

— Эка ты! Шапку куда-то забросил, язви ее, — ворчал он.

А пасечник, подкладывая в печку, тоже несколько смущенный, говорил:

— На нас не надо обижаться, дочка. Нам лучше разъяснить лишний раз... А

это ты хорошо делаешь, что о людях заботишься так. Молодец.

Наконец Захарыч нашел шапку. На Наташу вместо пальто надели большой полушубок и брезентовый плащ. Она стояла посреди избы неуклюжая и смешная, поглядывая из-под башлыка мокрыми веселыми глазами и шмыгая носом. А вокруг нее хлопотали виноватые старики, соображая, что бы еще надеть на нее...

Через некоторое время телега снова мягко катилась по дороге, и на ней снова тряслись два человека.

По-прежнему ровно шумел дождь; обочь дороги, в канавках, тихонько булькало и хлюпало.

ИЗ РАБОЧИХ ЗАПИСЕЙ

Одно дело — летопись, другое дело — «Слово о полку Игореве».

Когда я долго на одном месте, я себя чувствую, как блоха на зеркале.

Эпоха великого наступления мещан. И в первых рядах этой страшной армии — женщины. Это грустно, но так.

Старшее поколение делится опытом с младшим... Да, но не робостью же делиться!

Сложное — просто, а не простое — сложно.

Пьяный тоже не умеет твердо ходить, как ребенок. Но ни у кого не возникает желание сравнить его с ребенком. Говорят: как свинья.

Говорят: «Надо уметь писать! Не хочется — а ты сядь и пиши. Каждый день пиши!» Не понимаю, зачем это нужно? Кому?

Россия — Микюла Селянинович.

Грамматические ошибки при красивом почерке — как вши в нейлоновой рубашке.

Самые великие слова в русской поэзии: «Встань, пророк, и виждь и внемли... Глаголом жги сердца людей!»

Жизнь представляется мне бесконечной студенистой массой — теплое желе, пронизанное миллиардами кровеносных переплетений, нервных прожилочек... Беспреданно вздрагивающее, пульсирующее, колышущееся. Если художник вырвет кусок этой массы и слепит человечка, человечек будет мертв: порвутся все жилки, пуповинки, нервные окончания съезжатся и увянут. Но если погрузиться всему в эту животворную массу, немедленно начнешь — с ней вместе — вздрагивать, пульсировать, вслушиваться и перерабатываться. И умрешь там.

О лысеющем человеке говорят: — У него волос — на одну драку.

О темном человеке: — Это же двенадцать часов ночи.

Восславим тех, кто перестал врать.

О Разине. Если в понятие интелли-

гентности входит болезненная сочувливость и способность страдать чужим страданием, он был глубоко интеллигентным человеком.

Иногда, когда не пишется, я подолгу марширую по комнате. Особенно это помогает в гостиницах.

Вообще говоря, вырисовывается как будто и теория: «Смещение акцентов». Главное (главную мысль, радость, боль, сострадание) — не акцентировать, давать вровень с неглавным. Но — умело давать. Работать под наив.

Бююсь ближнего боя.

Надо, чтоб в рассказе было все понятно, и даже больше.

«Ближе к жизни! Ближе к действительности!» Да ведь это хорошо! Именно!

Культурный человек... Это тот, кто в состоянии сострадать. Это горький, мучительный талант.

«Не нам унывать!» — хрюкнула свинья, укладываясь в лужу.

Нет, ребята, «могучей кучки» не получилось. Жаль.

Можно бы так сказать: вымечтал у судьбы.

Общение людей с искусством...

Ребенок, когда сосет грудь матери, слегка пристанывает (от удовольствия). Затем, я заметил, он еще полчаса-час лежит и так же пристанывает — от сладостного ощущения тепла и сытости.

Я думаю, и человек, насосавшись «молока искусства», еще долго пристанывает и чувствует себя хорошо — от общения с подлинным искусством — молоком: тру-ля-ля...

Хвалят, когда актер вжился в роль: «весь в роли»... Это же плохо! Надо быть над ролью. Как писателю — над материалом.

Когда стану умирать, скажу: «Фу-у, гадство, устал!» Не надо умирать.

К тупому лицу очень идет ученая фраза: «Полное отсутствие информации».

это от нас теперь уже не зависит, что сделано — то сделано.

О чем фильм, я не буду рассказывать, вы это увидите. Я только хочу обратить ваше внимание на то обстоятельство, что стремились мы исследовать не сюжет фильма, не историю о том, как поехали Иван и Нюра на курорт, к югу, к морю теплому, а исследовали, если так можно сказать, внутренний сюжет, внутреннюю биографию. Меня в данном случае, как автора сценария и режиссера-постановщика, заботило больше не то, как они ехали, не повествовательная часть этого дела, а то состояние души, в котором наш русский человек, крестьянин, ныне пребывает и живет. На мой взгляд, это душа хорошая, добрая, может быть, немножко недоверчивая, но это вполне объяснимо. Страна большая. Он не выезжал, положим, так часто на курорт. Собственно, это впервые. Ну и все понятно, с каким он недоверием встречает новых людей.

И все же при всем том, что в нем живо недоверие к новым людям, это человек большой доброты, доброты, что очень важно, очевидно, сегодня, в наше бурное время, в наше такое машинизированное время. Нам бы про душу не забыть. Нам бы немножко добрее быть. Нам бы с нашими большими скоростями не забыть, что мы люди, что мы должны быть... Мы один раз, уж так случилось, живем на земле. Ну так и будь ты повнимательнее друг к другу, добрее. Вот. А то, в общем говоря — я субъективное мнение свое высказываю, — с машинами, со скоростями немножко про это дело забывается. Какие-то возникают новые проблемы, новые дела...

Дел всегда у человека будет много. Но вот как-то за всем за этим вдруг и выскочит невнимательность, вдруг да забудем что-то. Неосторожным словом можем, например, обидеть, оскорбить походя и не заметить этого — все вроде дела, дела... Словом, фильм больше вот про это. Лично я старался рассказывать про душу, что ли, а не про внешнюю биографию, внешние события. Или что? Они с нами происходят каждый день. А сами с собой мы остаемся пореже. Но тем не менее надо, наверное, оставаться.

В фильме участвовали: героиня фильма — Лидия Николаевна Федосеева. Именитых мало — Санаев, народный артист. Затем мне нравится в этой картине работа, актерская работа, Буркова Георгия, который занят и в новом нашем фильме, приедет сюда скоро. Снимались «Печки-лавочки» на Алтае, это моя родина, снимались в Москве и снимались в Ялте. Ялту уж как-то киногруппы не минуют...

Теперь два слова скажу о новой работе. Сразу хочу ориентировать любителей и тех, кто интересуется. Где можно прочитать? Это четвертый номер журнала «Наш современник», который редактирует ваш земляк Сергей Васильевич Викулов. Там напечатана вот эта киноповесть «Калина красная»...

«Печки-лавочки» по жанру ближе к комедии, по крайней мере юмор мы не старались выкинуть. Юмор облегчает отношения со зрителем. И вообще смех — это доброе дело.

Сейчас у нас картина будет поближе к драме. Она — об уголовнике. Уголовник... Ну, какого плана уголовник? Не из любви к делу, а по какому-то, так сказать, стечению обстоятельств житейских. Положим, сорок седьмые годы, послевоенные годы. Кто повзрослее, тот помнит эти голодные годы... Большие семьи. Я не знаю, как у вас это было. У нас, в Сибири, это было страшно. Люди расходились из деревень, попадали на большие дороги. И на больших дорогах ожидало все этих людей, особенно молодых, несмышленных, незрелых души.

И как это часто тоже бывает — зло более организовано на земле. И люди недобрые, к нашему стыду живущие,

иногда случаются более внимательными. Они подбирают таких вот неопытных людей и обращают их в свою веру или приобщают к своему делу. В данном случае получилось так, что приобщили его к воровскому делу. А человек хороший был. Душа у него была добрая. Но тем не менее ему наладили такую вот жизнь... И пошли, значит, тюрьмы, пошли колонии...

И вот ему уже, в общем, сорок лет, а просвета никакого в жизни нет. Но душа-то у него восстает против этого образа жизни. Он не склонен быть жестким человеком. А ремесло его предполагает жесткость, жестокость даже. Отсюда противоречие в его жизни. И вот, собственно, на этом этапе мы и застаем нашего героя — когда он последний раз выходит из заключения. И опять перед ним целый мир, целая жизнь...

И вот на его пути случилась любовь. Ну как любовь? Любовь есть любовь, она случается со всяким. Но если человеку любовь несут опять же добрые люди, люди, которые поверили ему, то ему, естественно, хочется поближе быть к этим людям. Вот. Стало быть, одолевает в нем, в этом человеке, то обстоятельство, что он не паразит и не сын паразита. Он сын трудовых людей. И в нем кипит, течет кровь труженников, не одного поколения труженников. Это мучает его, а он ведет образ жизни паразитический. Попытка выйти из этого круга, из этого очерченного судьбой круга, из преступного мира и окончилась трагедией — его убили «свои» люди.

И не хочу сказать, что это типичный выход из положения в данной ситуации. Но надо, очевидно, говорить уже об этом в полный голос. Мы должны с этим разговором — не прятать его, — а выходить как раз к молодым людям же, к молодым. Гораздо, наверное, человечнее и благороднее предупредить и рассказать, как это кончается, чем до поры до времени скрывать и пускать в общем-то на волю случая.

Вот наша группа, образно выражаясь, с благоговения нашего руководства, и вышла на такой разговор. Когда не просто, так сказать, заблудилась овечка или там выломала витрину и в силу нелепых обстоятельств попала в тюрьму, вышла из тюрьмы, и все стало в порядке. Ничего не благополучно! Это страшно! Это судьбы ломаются. И об этом надо сказать в полный голос и со всей предельной правдой. Потому что правда в данном случае спасет от иносказаний или от каких-то инотолкований. Нужна забота о людях же, причем забота в том смысле, что борьба за человека никогда не кончается. Не наступает никогда, не должно наступать никогда то время, когда надо махнуть рукой и сказать, что тут уже ничего не сделаешь. Сделай в всегда можно. До самого последнего момента можно сделать. Все равно как врачи относятся к больному; так, наверное, художники и в целом все творчество к человеческой душе, к человеческой жизни обязаны и должны относиться.

В «Калине красной» добро несут те же простые люди, крестьяне, жители деревень.

Почему мы будем снимать здесь, в Белозерске? Мы были у вас в городе года четыре назад, искали натуру для фильма «Степан Разин». Фильм не состоялся. Но городок ваш запал нам в душу — красивый, просторный, люди добрые, нет в нем такой нервности... И когда пришла пора снимать вот этот телерешный фильм, мы вспомнили Белозерск.

Но в городе событий у нас немного, больше в деревнях вокруг Белозерска. Вот Орлово, например, Садовая... Места ваши прекрасные, озерные, русские. В них есть что-то грустное, задумчивое. Вот это нам и хотелось бы перенести в нашу новую работу, в новый фильм «Калина красная».

НАМ БЫ ПРО ДУШУ НЕ ЗАБЫТЬ

Мы с некоторым волнением предлагаем вашему вниманию нашу последнюю работу — «Печки-лавочки». С волнением вполне понятным, потому что приехали к вам снимать новую картину. Это накладывает на нас дополнительную ответственность. По последней работе вы будете следить, что мы в состоянии сделать. Я потом расскажу о новом фильме, о чем он,

почему в вашем городе. А сейчас два слова о том, что вы пришли посмотреть.

Фильм мы снимали год назад, вернее, сдали год назад. Он немного задержался с выходом, но тем не менее вышел на экраны, идет по стране, идет, как нам кажется, неплохо. Мы этому очень рады. Хотелось бы, чтобы и вы сегодня его приняли хорошо. Но

РАЗМЫШЛЕНИЯ

смена

Коллективный критический анализ: работа в тягость, работа в радость

В читательских письмах — живой пульс жизни. Однако письмо письму рознь. Есть письма личного характера и есть такие, которые имеют большое общественное звучание, касаются не только автора, но и интересов многих и многих. К таким письмам, на наш взгляд, принадлежат те отклики, которые редакция «Смены» получает на материалы рубрики «Коллективный критический анализ: работа в тягость, работа в радость». В этом номере мы публикуем часть нашей почты. Здесь письма, посвященные трем крупным проблемам, поднятым в №№ 1,3,5 «Смены» 1980 года: «СОВЕСТЬ как категория экономическая», «НОВИЧОК: проблемы, требующие решений», «БРИГАДА как образ жизни». Эти темы, на наш взгляд, являются особенно важными сейчас, в преддверии XXVI съезда КПСС.

Мы с удовольствием «добавляем» к названным нами темам мнение читателей, которых эти вопросы заинтересовали, взволновали, вызвали желание поделиться своими мыслями. Мы продолжаем разговор, но не завершаем его, а ждем новых откликов, предложений, направленных на совершенствование трудовой деятельности на каждом рабочем месте, воспитание молодого труженика в коллективе.

ЧТО ЗНАЧИТ «УМЕТЬ ЖИТЬ»?

Как-то ехала в машине. Шофер попался молодой и разговорчивый. Поговорили о том, о сем.

— А работаете где? — спрашивает он. Говорю где.

— Понятно. А что там достать можете?

— Где?

— Да на работе на своей.

— В каком смысле что могу достать? — не поняла сразу я.

— Да в прямом: для себя, для семьи, для знакомых полезных.

— Кроме зарплаты, ничего, — попыталась пошутить я.

Он мою шутку не принял.

— Неужели действительно ничего? Ну, может, броня на билеты у вас есть? Или на гостиницу?

— Да нет, — почти смущенно ответила я.

— А чего тогда там сидеть? Кому она нужна, такая работа? На другую надо уходить. И чем скорее, тем лучше.

Пыталась я что-то объяснить про свою работу, что меня в ней привлека-

ет, — куда там! Если до этого он ко мне с полным сочувствием обращался, то после этого просто как на дурочку стал глядеть.

Потом не раз еще мне этот разговор вспоминался. Например, когда одна знакомая объясняла, почему она с завода ушла, где у нее и заработки были хорошие и перспективы неплохие: «Дисциплина очень строгая, и работа напряженная — никуда во время работы по своим делам не сорвешься».

...И знаете, шофер тот, молодой парень, он ведь вполне сознавал, что «достать» — даже если это и не то, что называют «унести», «вынести», — все равно всегда связано с каким-то пренебрежением моральных норм. И его это ничуть не смущало.

А теперь давайте себе представим, что это за работник, человек, который глядит на работу прежде всего с этого боку. Сама работа, ее общественный смысл, ее конечная цель — определенная продукция, интересы всего коллектива неминуемо отходят для него на задний план. Он занят одним — поиском ходов, возможностей, с помощью которых можно достать что-то еще, можно словчить, «заработать» не работая. И что ему до тех, у кого рядом не идет, не получается работа. «Не умеют жить», — таков безжалостно-равнодушный приговор. Хотя иной раз «по доброте душевной» они принимают учиться жить. Учить жить так, как умеют они.

Впрочем, уже сам факт, что такие люди иной раз спокойно благоденствуют — разве это не школа, особенно для молодых?

И здесь нельзя не сказать о тех, кто

это видит, но молчит, довольствуясь тем, что сам таким гнушается. Но разве «моя хата с краю» значит — моя совесть чиста?

Мне могут сказать, что в том, что я написала, речь идет не о совести как высокой нравственной категории, составляющей человека совершенствоваться, дерзать, совершать выпадающие из обычного ряда поступки, а об элементарной честности. Но одно немислимо без другого. И я уверена, что только тот человек может болеть за свою работу, принимать как свои личные неудачи неудачи товарищей, всего предприятия, которого никакие «благоприятные обстоятельства» не заставят халтурить, ловчить, брать то, что плохо лежит.

И вообще: живая совесть та, что болит, а не та, что не беспокоит. Болит за свое место в жизни, в деле, — потому что настоящим людям всегда кажется, что они что-то не успели, что-то недоделали, недодали другим, — болит за промахи других и толкает на помощь, каких бы усилий, неудобств эта помощь ни требовала.

Вот такую работающую, действующую совесть действительно можно считать нашим мощным экономическим капиталом. Такая совесть не ищет, не ждет подходящих условий для того, чтобы проявить себя. Она заставляет человека действовать, толкать дело: здесь ее главное достоинство. Без него нельзя уйти дальше слов. Красивых, горячих, но только слов.

Татьяна МАКАРОВА,
инженер,
Москва

ОБИДА, НАНЕСЕННАЯ МАСТЕРУ

Много лет кочевал я по стройкам Сибири. Сначала это были электростанции, потом шахты Кузбасса, и вот уже седьмой год я работаю на важнейшей стройке черной металлургии — Западносибирском металлургическом заводе.

Несмотря на продолжительность работы на каждом объекте, год или полтора, каждая стройка — веха в жизни монтажника.

Сварка «груши» в кислородно-конверторном цехе Залсиба начиналась, когда колонны здания еще поднимались вверх. «Груша» — это емкость высотой с четырехэтажный дом и диаметром девять метров из стальных листов толщиной 80—100 миллиметров. Сварка таких листов требует особых навыков. Длится она обычно 4—6 месяцев.

Внизу все изнывают от июльской жары, а на высоте обдувает ветерком. В эту пору лучшее время для работы — вечер. И особенно красивы кружева металлоконструкций в лучах заката.

Но не все красиво и гладко в жизни монтажников. Порой на самых крупных стройках царит такая неразбериха, что только диву даешься. О чем же думают люди, ответственные за порядок?! О чем они думают, видя, что не могут, не в состоянии обеспечить порядок? Утешаются оправданиями?

Из всех строев мне больше всего нравятся электростанции. Знаете, почему? Там не знают, что такое «стыкстрой». Там строитель твой друг и товарищ, в то время как на стройках металлургии он — соперник и даже недоброжелатель. Зачастую начинается самая настоящая «война». Ты ему завалил оборудованием проезд, а он тебе на

оборудование навалил строительных блоков. И так далее. А ведь дело-то у нас одно. Почему же мы часто дальше только своего участка ничего видеть не хотим? Иной раз и можно бы сделать так, чтобы не мешать друг другу, но...

Мы, монтажники, приходим на стройку последними, а, как правило, последним приходится труднее — сроки жмут. На многих стройках, когда начинается монтаж, работают в выходные дни. Считаю, что проку от такой работы мало. Усталость все равно дает себя знать и в течение следующей недели оборачивается либо снижением темпа, либо отгулами. Единственное, что приносит штурмовщина, — позволяет некоторым незадачливым организаторам прикрыть свое неумение.

И все-таки самоотверженный труд людей перемалывает все. В предпусковой период на объекте какая-то звенящая от напряжения торжественность. Атмосфера приподнятая, праздничная, чувствуешь свою причастность к важному всенародному делу. Даже по прошествии многих лет, увидев знакомый корпус, испытываешь волнение. Входишь в него как хозяин.

Вот он, твой конверторный. Самый мощный в стране. В цехе чисто, красиво. Ты рад и горд. И знаешь, что у тебя есть на это право. Тебе нравятся люди, работающие в цехе, ощущение, что пришел к своим, в родной коллектив. И вдруг на третьей аглолене видишь грязь, все вокруг захлавлено. И вот ты уже смотришь на эксплуатационников презрительно, и сердце сжимается от жалости за свое детище, которое стало стольких трудов и сил. Тебя обидели.

Я О ГЛАВНОМ

А разве нет? И почему мы часто так беспечно, равнодушно — порой преступно беспечно и равнодушно — когда имеем дело с тем, что сделал не сам, а другой? За свое обижаемся. А разве все, что вокруг, все, с чем имеем дело, не создано другими людьми? И они вкладывали в свое создание душу. А мы можем сломать станок, разбить стекло и кирпич, забыть о металле, который

превратится в труху... Думаю, продолжить здесь может любой. Все это, конечно, совершенно нетерпимые потери. Но ведь еще каждый раз наносится жестокая обида человеку. Человеку — мастеру, созидателю. Вот о чем бы задуматься каждому.

Юрий ЕМЕЛЬЯНОВ,
монтажник,
Кемерово

ПЕРВЫЕ ПИСЬМА

Что делать, если юноша сбился с пути? Как ему помочь? Попробуй ответить сразу. Да, думаю, и не надо этого делать, — ведь каждый случай особенный.

Но все-таки, видимо, две вещи необходимы в любой ситуации: не прибегать к излишним нравочениям и не торопиться вешать на подростка ярлык «неисправимого».

Семья Николая Глазова мало чему хорошему могла научить паренька: постоянные семейные ссоры, скандалы, пьянство отца ожесточали душу. В четырнадцать лет мальчик уже прикладывался к бутылке, в шестнадцать он забросил школу. В конце концов попал на судоремонтный. Определили его в комсомольско-молодежную бригаду Николая Губанова. Работалось парню трудно, и если бы не бригадир, который все время старался держаться поблизости... А тут подошло и время первой полочки. На следующий день Глазов на работу не явился.

Грохот музыки обрушился на бригадир, когда он вошел в квартиру Глазова. Сам Николай валялся на кровати, а у магнитофона клевал носом приятель, в комнате плавал сизый дым. Увидев Губанова, Николай пьяно улыбнулся.

— Что же ты, тезка, меня подводишь, — пригласив музыку, негромко сказал бригадир. — Да и ребята в бригаде волнуются, сходи, говорят, может, случилось у парня что?

— Не маленький, в опекунах не нуждаюсь, — пробормотал Николай.

Разговор так и не получился.

А вскоре в сборочном цехе стало известно, что фамилия Николая появилась в милицейских протоколах. В бумаге, пришедшей в цех, говорилось:

«Находился в пьяном виде, устроил дебош».

Объявили Глазову выговор, пропесочили на бюро, только пользы от этого вышло чуть. Тогда и решила бригада: надо браться за парня всерьез.

Прошло какое-то время. Как-то затасчил Губанов Николая с собой на рыбалку. Вот там-то, у костра, и сложился у них настоящий разговор.

— Надрело... — вдруг вырвалось у Николая. — Куда ни пойдешь, только и слышишь: хулиган, пьяница. Иногда сам хочешь забыть обо всем, так нет — напоминают! Только и учат на каждом шагу. Что, я сам не понимаю ничего?!

— Действительно понимаешь?

— И вы не верите!

— Хочу верить. Только и других заставь поверить.

— Как?

— Тут выход один — делом заставь.

А потом был у Губанова в цехе еще не один разговор. Говорил, доказывал, что нельзя вести себя с парнем так, будто он все время на подозрении. Ведь парень-то действительно по-другому стал и к делу относиться, и после работы о нем никто ничего плохого не говорит. Только не отталкивайте его недоверием, не коситесь на него: кто знает, что ты завтра выкинешь...

Наскок в воспитании не метод. Нужно терпение и доверие. Обязательно доверие, потому что тогда человек начинает держать отчет перед своей совестью.

Недавно молодого рабочего сборочного цеха Николая Глазова проводили в армию. И уже пришли от него на завод первые письма. Теплые письма...

И. КОНДРАТЕНКО,
Калининград

ДВЕ СУДЬБЫ

Есть в строительном профтехучилище № 68 двое учащихся — Сергей Гарбузов и Юрий Торохов. Сергей учится на плиточника-облицовщика, Юра — на паркетчика. Они друзья, живут в общежитии в одной комнате, всюду вместе — и в кино и во время занятий сценарного кружка при киностудии Дома техники. А вот отношение к училищу, к своей будущей профессии у ребят совершенно противоположное. Сергей гордится тем, что будет строителем, а Юра к своей будущей специальности равнодушен и готов расстаться с ней при первом удобном случае. А дело все в том, что мастер, обучающий Сережу, — душевная женщина (его собственные, кстати, слова), а мастер у Юры — человек равнодушный.

К кому и к чему? — спросите вы. Не буду говорить о всех сторонах его жизни, незнакома с ними, но сейчас для меня самое печальное, что он равнодушно относится к ребятам из своей группы. В том числе и к Юре.

Спросит парень о чем-нибудь, а мастер может просто отвернуться холодно, отойти, ничего не ответив. Будущий паркетчик, Юра на практике занят только одним — опилки подметает. Спросил как-то мастера: «Я до окончания училища хоть увижу паркет в глаза?» Услышал в ответ: «Может быть». Вот и решите теперь, откуда у паренька его отношение к будущей профессии. Не так ли закладываются проблемы, о которых говорилось в подборке «Новичок: проблемы, требующие решений»?

Нет ничего на свете хуже равнодушия. Я педагог с 35-летним стажем, 20 лет из них отданы системе ПТУ, и я на собственном опыте сотни раз убеждалась: есть только одно настоящее чудо. Зовется оно добротой.

Существует мнение, что в ПТУ работать труднее — ребята сложные. А мне кажется, что с этими «трудными» в училище легче, чем в школе. К нам часто приходят ребята, привыкшие к одному типу отношений: они отстающие. Похвал они не слышат, замечания приелись, они на них и не реагируют. Но это только кажется так.

Несколько лет назад назначили меня в небольшое профтехучилище № 122. Дела там шли не блестяще, заботы попросту захлестнули. Предшественница, передавая дела, несколько раз предупредила: «Бойтесь Виктора Кочеткова и его компании». Кто этот Виктор, удалось узнать не сразу: на практике он не появлялся. Наконец он дал-таки о себе знать.

Рабочий день кончился. Девушка-мастер и я сидели в учительской. Вдруг она взглянула в окно и испуганно ахнула. Через двор к нам направлялась компания. Тот, что шел впереди, был среднего роста, с широкими плечами, лицо тоже широкое, длинные прямые волосы. И рукава засучены, видны тяжелые, немальчишеские руки.

Но повели себя гости довольно прилично, только вот сразу закурили. А потом Виктор бросил на чистый пол окурок. Стоял и ждал нашей реакции. Я молча нагнулась, подняла окурок и отнесла в урну. «Старички», они уже были второкурниками, немного потоптались и ушли.

Училище в ту пору ютилось на первом этаже жилого дома. В одном из классов

была какая-то подсобка. Мы с ребятами вынесли из нее хлам, покрасили панели, дверь, в шкафу разместили журналы, шахматы и чайные чашки. Здесь у нас тихо мурлыкала магнитофон, уютно сопел на плитке чайник. Сюда мы как-то и заманили наших «стариков». За чаем решали «глобальный» вопрос, как лучше повесить занавески. «Старики» тоже втянулись, но ничего нового придумать не смогли. Тут-то и заговорил Виктор: «Надо вделать в стену крюки, на них положить стальные прутья, этого добра на фабрике хватает, а на прутья — кольца». Его зеленые глаза скозились в мою сторону. «Просто, как все гениальное», — шучу я. Засопел, довольный.

А потом был другой случай. Прибежал ко мне дежурный мастер чуть ли не со слезами: «Кочетков что-то в кармане прячет! Наверняка, бутылку». Эта милая девушка так и не смогла осилить своей антипатии к парню. Делать нечего, зову Кочеткова в кабинет. Чувствую себя ужасно неловко. «Извини, конечно, Виктор, но что ты прячешь?» Прищурились зеленые глаза, и на моем столе появился симпатичный игрушечный щенок. «С праздником». Было это 7 марта.

Так налаживалась наша дружба, и вдруг — письмо из милиции. Задержан в воскресенье вечером в нетрезвом виде. Долго мы с ним сидели и молчали. Мне было так обидно, что я и слов никаких найти не могла. Потом только и сказала: «Это письмо я подарю тебе на память, когда ты будешь заканчивать техникум». Я была совершенно уверена, что он будет учиться дальше. «Ладно. Увидите, оно было последним». Так оно и оказалось. Получил он его через четыре года, перед защитой диплома.

...Есть у меня коричневый альбом с марками. На нем надпись: «Дорогому учителю от самого плохого ученика». А начало у этой истории было таким. Пришел в училище юноша после десятилетки — посредственный аттестат, объективная характеристика. Парень, как многие, только глаза угрюмые, настороженные. Скоро начались ЧП: «просил» у ребят мелочь. Что предпринять: разное и последнее предложение? Что-то мешало мне. Да, у парня тяжелый взгляд, но это не глаза хулигана. Что его могло толкнуть, неглупого и смывшего, на такую низость? Смотрю личное дело. В графе «Сведения о родителях» парень поставил прочерк. Звоню в жак. Скверно. Отец и мать давно умерли, живет с братом-алкоголиком. Что делать? Не оскорблять же подачками.

Вызвала. Угрюмо уставился в пол.

— Такое дело, Юра: у нас завхоза нет. А ты человек взрослый и, похоже, серьезный. Фабрика нам выделила полставки. Ты бы не смог поработать?

В тот же день после занятий новый завхоз приступил к генеральной чистке и переучету училищного имущества. Он оказался немногословным, деловым, прижимистым, в общем хозяйственным. Только не все было гладко. Вдруг пропал. Дома никто к телефону не подходит. Пошли к нему домой вместе с одной ученицей. Картину увидели грустную. Хорошая была бы квартира, если бы не жуткая запущенность и нежилая пустота. Взялись с Наташей за веник и тряпку. Тут он и сознался, что побывал в вырезывателе. «Такая уж, видно, у меня судьба», — усмехнулся горько.

— Поверь, нет несчастных судеб, есть лишь собственная глупость и слабость.

И потом еще часто бывал он то груб, то упрям, но вот только не ссорился мы никогда. Прошло несколько лет, он отслужил в армии, вернулся в училище

мастером производственного обучения, а сейчас работает на производстве, воспитывает двух детей, учится заочно в институте. Много теперь забот у Юрия Николаевича Бодрова.

Вот такие две истории. Совсем вроде бы простые.

Есть в человеке одно чувство, назовите его как хотите: сострадание, доброта, гуманность, внимание,—с которым и связано все лучшее в человеке. Поэтому и называют его — человечность.

Елена ЧЕРНОВА,
педагог,
Москва

КАКОЕ УЖ ТУТ ТВОРЧЕСТВО...

Через несколько месяцев я начну самостоятельную рабочую жизнь — буду работать швейей. В училище нам много говорили о том, что наша профессия творческая, что у нас большие перспективы — будет, где приложить силы, умение, желание. И вот мы пришли на практику в ателье. Определенные знания, кое-какое умение и желание есть, а вот интереса уже почти и не осталось. Почему?

Понимаю, все подумают, что я просто ошиблась в выборе профессии — не по мне она. Но это не так. Свою профессию я и сейчас люблю, но...

В училище мы мечтали, как будем творить на работе, как будем делать все, чтобы наши изделия выглядели как можно красивее. А придя в ателье, столкнулись с планом. Это естественно, мы понимаем. Но если бы забота о выполнении плана не мешала думать и о тех, кто только начинает, — новичках. Нет, конечно, за нами приглядывают, не забывают напомнить, как именно нужно обрабатывать материал. Но никакого творчества здесь нет — здесь только план. Работают, можно сказать, по старинке. А если начнешь говорить, что можно бы сделать лучше, быстрее, чище, тебя оборвут: «Работай, как сказано». Какое уж тут творчество! Но это только одно.

Другое. Приходишь на работу и начинаешь искать место, куда бы приткнуться. Это и настроение портит сразу и времени отнимает до получаса. А ведь планом эти поиски не предусмотрены.

Дальше. Иногда работы для нас вообще не бывает. А чаще всего слышишь: «Разутьюж заготовки». Больно интересно их утюжить! Конечно, надо кому-то делать и черновую работу, но ведь не только же нам и не только ее.

И еще. В ателье к нам относятся как к временным рабочим. По принципу: «Пришел — ушел». Но мы-то вроде не давали повода так думать о себе! Не подумайте, что в ателье совсем уж невыносимо, но как все это портит настроение, мешает работать.

Совсем не хочется быть мелочной, не хочется придирается к людям по пустякам. Но, во-первых, по-моему, все это не такие пустяки. А во-вторых, считаю, недостатки надо выявлять. Не скрывать их — ведь хорошее от этого никуда не пропадет. Надо, чтобы каждый не мирился с ними, а честно спросил с себя: а что я могу сделать, чтобы их не стало?

Вера АНТОНОВА,
учащаяся СГПТУ-82,
Ленинград.

всегда найдутся противники или просто инертные люди, которые станут доказывать, что новый метод им ни к чему.

Конечно, при организации бригад, работающих на единый наряд, прибавляется работы и администрации и мастерам. Особенно первое время. Может быть, дело даже не в количестве работы — повышается ответственность. Бригада — это уже не один рабочий. Не обеспечил ее всем необходимым, сорвал работу — тут уже целое происшествие.

На своем предприятии мы с Василием Лелюхом начали работать на один наряд еще в 1964 году. Все выгодные и невыгодные работы — в одну шапку. За работок — по фактически отработанному времени. Работали мы на торфоуборочном комбайне. Значит, стараешься подготовить машину напарнику как можно лучше. У нас уменьшились простои, выросла производительность, стала стабильной зарплата.

Кроме того, при работе на единый наряд рабочие уже сами принимают перевоспитывать нарушителей трудовой дисциплины.

А тех, кто работал по-прежнему индивидуально, мы очень скоро и очень здорово опередили, хотя работали в равных условиях. Естественно, на это обратило внимание наше руководство. Суть новой организации труда стали пропагандировать, разъяснять на собраниях, и уже в следующем году на нашем предприятии все машинисты стали работать на один наряд. Работаем так по сей день.

Но резерв есть в любом деле, если хорошенько над этим задуматься, поискать. Естественно, лучше всего это удастся тому, кто этим делом непосредственно занят. Мы заметили, что в мелких бригадах есть свои недостатки: трудно приходится молодым, отстающим. Не ладится у них что-нибудь — им посочувствуют, а помочь могут не всегда, каждый экипаж занят своей машиной. Поэтому я предложил три года назад создать укрупненные бригады: включить в них пять машин и тех, кто занят и на вспомогательных работах. На собрании, где обсуждалось это предложение, часть рабочих встретила его «в

штыки». Ведущий наш машинист Альзам Тухватулин тогда сказал: «Такие бригады нужны предприятию, нужны молодым рабочим, нужны отстающим, но... кое-кому невыгодны».

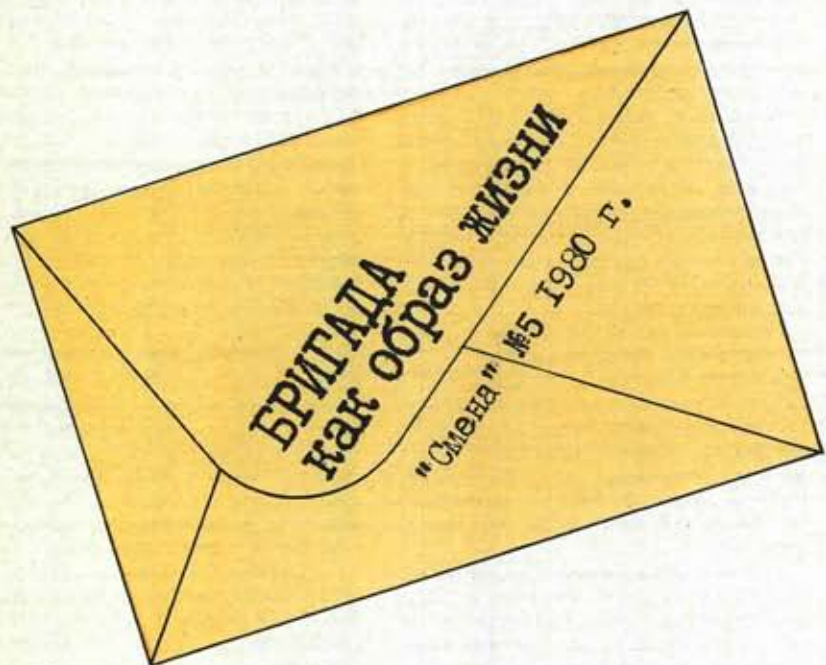
Кому именно — секрета большого тут нет. Это люди, которые умеют работать, умеют работать хорошо, но живут они только для себя и ни одной своей копеечкой не поступятся, будь это хоть трижды выгодно предприятию. Точно писала «Смена»: «Именно индивидуальная сдельщина разъединяет людей, дает широкие возможности урвать побольше». Я лично считаю, что таких «передовиков» и «умельцев» не нужно держать в бригадах. Бригаде от них один вред.

Большая разъяснительная работа, которую провела администрация предприятия, партийный и комсомольский комитеты, сделала свое дело: укрупненные бригады у нас были созданы. Прижились они у нас хорошо и успешно работают уже три года. Распределение заработной платы в них проводится на бригадном собрании. Оно решает, кому какой поставить КТУ, учитывается, разумеется, и присвоенный рабочему разряд. И, скажем, если молодой рабочий стареет, а у него не все выходит ладно — профессионального мастерства маловато, — бригада ему КТУ никогда не срежет. Тому же, кто сработал лучше всех, бригада может дать и больше. То есть уравниловка здесь исключена.

Замечательно вот что: при распределении зарплаты люди не мелочатся. Охотно признают, что тому, кто сработал для общего дела лучше и больше, больше и полагается. У нас в бригаде из 14 человек мы только одному увеличили КТУ, а все остальные от повышения отказались, хотя вполне могли на него претендовать.

Работа в бригаде привела меня к такому выводу: люди здесь становятся добрее, общительнее, у них появляются общие интересы. Они всегда готовы прийти на помощь товарищу и непримиримы к разгильдяям и халтурщикам.

Митрофан ПРОДАН,
п. Басьяновский,
Свердловская обл.

ПРИКАЗНЫМ ПОРЯДКОМ?

Очень серьезный вопрос поднят в материалах «Смены» (№ 5) «Бригада как образ жизни». Почему медленно внедряется прогрессивный бригадный метод? Кто должен начинать работу по его внедрению?

Считаю, что организационную работу необходимо вести сообща, в ней должны участвовать и администрация, и партийные комитеты, и комсомол, и обяза-

тельно передовые рабочие. Прежде всего нужна большая разъяснительная работа: почему и зачем внедряется этот метод. Если пытаться решить весь вопрос приказным порядком, толку не будет. А с другой стороны, если рабочие решат работать на один наряд, а руководство их не поддержит — результат опять же окажется плачевным. Надо учитывать и то обстоятельство, что

А ЧЕГО ХОЧУ Я?

Прочитала в «Смене» № 5 статью А. Суходольского «В одиночку или сообща?». Чего хотят те, кто выдвинул эту идею насчет бригад? Они хотят усилить трудовую дисциплину, облегчить нормирование нарядов и воспитывать морально с помощью бригад. А чего хочу я? Больше всего я ценю свободу и ни от кого не хочу зависеть. Хочу зарабатывать столько, сколько мне надо: или больше, или меньше.

Сейчас, когда я на работе устану, присяду отдохнуть. Когда быстро закончу, пораньше уйду домой. Когда плохо себя чувствую, отпрашиваюсь у мастера к врачу. Когда приглашена в гости, — тоже отпрашиваюсь пораньше. А в бригаде ничего этого не будет. Там за мной будут следить и подгонять. А у меня плохие нервы, я быстро утомляюсь, в бригаде мне будет тяжело. Лучше быть

самой себе хозяйкой и работать по своему собственному наряду.

У нас в цехе очень хорошие женщины. Когда надо, они и подскажут, и помогут, и посоветуют, но все равно связываться и родниться с ними по-бригадному я не хочу.

А. Суходольский пишет, что сдельная работа будто бы разъединяет людей и создает атмосферу, где каждый сам за себя. А по-моему, это не так. Да, я понимаю, что бригада — это и хорошо и прогрессивно. Но все равно: я в бригаду не хочу. Пусть лучше все решает собрание коллектива. Так что там, где хотят, пусть создают бригады. А там, где не хотят, пусть работают сдельно.

Анна ОГУРЦОВА,
штамповщица,
Волгоград

НЕТ БРАТСТВА КРЕПЧЕ

Если жизнь в бригаде наладилась действительно здоровая, то в ней совмещаются самые, казалось бы, разные характеры и интересы. Только не надо раз и навсегда утверждать, что интерес бригадный каждый раз выше личного и наоборот. Во всяком случае, разумный подход нужен. Скажем, нужно было нашему Косте Леонову встретить свою невесту — пожалуйста, бригада твою зону прикроет как надо. Нужно вдруг кому другому уехать — езжай, заменим. Заменим, потому что знаем, что парень у

бригады в долгу не останется. Даже больше: нужно будет — свои интересы в сторону отставит, выйдет на ремонт, на аварию, задержится после смены, но бригаду выручит. Вот тогда это действительно бригада, и за ней ты, как за каменной стеной.

Жизнь в настоящей бригаде не одна радости. Но плохое забывается. Остается главное: нет братства крепче, надежнее бригадного.

Н. СТОЛБЧАТЫЙ,
Тула

Беседы
о молодой
семье

СТРАТЕГИЯ РОДИТЕЛЬСКОЙ ЛЮБВИ

Юрий РЮРИКОВ

В двенадцатом номере редакции открыла новую рубрику «Беседы о молодой семье». Тематика рубрики очень широка: она включает в себя беседы о психологической совместности, о взаимоотношениях молодоженов со старшим поколением семьи, о педагогических основах воспитания детей. В обсуждении затрагиваемых тем примут участие журналисты, писатели, социологи, ученые. Обращаемся и к вам, дорогие читатели: расскажите о том, как складываются ваши семейные отношения, как вы разрешаете конфликты и противоречия, как через разлады идете к ладу; расскажите о своих находках в воспитании детей. Наиболее интересные письма будут напечатаны в журнале. Мы надеемся, что в совместных дружеских беседах молодые люди поймут принципы, позволяющие избежать ошибок в семейной жизни, научатся использовать положительный опыт семейного счастья.

Пишите нам. На конверте обозначьте: «Беседы о молодой семье».

Фото
Владимира ЧЕЙШВИЛИ

«Почему детей в семье сейчас меньше, чем когда-то, а растить их стало гораздо труднее? Почему детей меньше, а хулиганов больше?»

Я думаю так. До войны и раньше к детям относились проще: пеленки не кипятили, еду на терке не терли, а давали что есть. Не кутали в сорок одежек и не цацкались: ах, Мусенька, ах, Пусенька. Жили по правилу: сечь надо, когда поперек лавки лежит, а когда вдоль — сечь поздно.

Держали в строгости, не давали лень праздновать, по диванам валяться. Заставляли работать, учиться, не носились, как с пупом земли. Магнитофонов не покупали, в модные костюмчики не разряжали, по вечеринкам не очень давали шляться. В общем, не было этого лозунга, от которого баловство пошло и все трудности: «Дети — цветы жизни». Как он появился, как вокруг них засуетились, так из них стало много сорняков вырастать».

(Из письма
Антоня Игнатьевича В.,
Кострома)

Остро и веско написано это письмо, но в нем сплетены, по-моему, и верные и неверные вещи. Верно, что детей стало меньше, а растить их труднее, и сорняков вырастает больше; верно, что мы изнеживаем ребятешек с пеленок, часто растим их — в городах — белоручками, которые чураются работы, а родительская суета вокруг них куда сильнее вредит, чем помогает. Но в том ли дело, что раньше секли и заставляли, а сейчас покупают магнитофоны? Нет ли тут распрямления сложностей?

В последние десятилетия в корне изменилась почва, на которой растут дети. А воспитание их осталось в общем-то старым, каким оно было до НТР и взлета урбанизации. С каждым годом ножницы между укладом жизни и воспитанием расходятся все дальше и от этого режут все больнее.

«Сидячая цивилизация», на сваях которой все прочнее укореняется наша жизнь, замыкает эту жизнь между двумя новыми полосами — нехваткой физических нагрузок и избытком нагрузок нервных, умственных. Резкие физические недогрузки и резкие нервные перегрузки — новые фундаменты всей нашей повседневности, они все больше грозят нервному и физическому здоровью людей, подспудно, через подсознание, действуют на их нравственность, на все их отношение к жизни.

Хрупкий детский организм, слабую детскую психику это новое неравновесие может подтачивать сильнее, чем взрослых. Поэтому-то и вопиют сейчас во весь голос коренные, кардинальные вопросы семейного воспитания. Каким оно должно быть в новых условиях, в эпоху НТР и урбанизации? Как именно опираться в воспитании на новые плюсы жизни и умерять влияние ее новых минусов? Что надо пересматривать в самих основах воспитания? Какие новые воспитательные идеи появились в последнее время в самой жизни?

ДЕТИ — ТВОРЦЫ ЛЮДЕЙ

Вордсворт, английский поэт XIX века, сказал неожиданные слова: «Ребенок — Отец Мужчины». Именно дети делают мужчину мужчиной — смысл этого блестящего парадокса; и то же, наверно, можно сказать о женщине: только ребенок делает ее полностью женщиной.

Мы рожаем ребенка, а он рождает в нас те человеческие свойства, которые только он и может пробудить и без которых мы не полностью люди. В нас делается стержнем, врастает в самую сердцевину души забота о другом человеке. С виду это затертая, всем известная истина, но она — как стебель женьшеня для тех, кто знает женьшень и умеет искать его. Главное не в этом стебле, а в корне, не в том, что видно, а в том, что скрыто.

Ребенок дает нам прочувствовать глубинную суть истинно человеческого отношения к другим людям: отношение к ним, как к себе самому, к их чувствам и интересам, как к своим. Став родителями, мы впервые испытываем — всем своим существом, всеми недрами души, — каким должен бы быть высший идеал человеческого отношения к человеку.

В нашей подсознательной жизни, в подспудном опыте души это огромный переворот. Наша психика впервые заряжается до дна токами самых высоких человеческих побуждений, в ней возникает — в потенции — самое человеческое из всех человеческих свойств. Жаль только, что оно часто остается именно в потенции, не выходит из подсознания в сознание и не делается двигателем поведения.

Возможно, когда-нибудь появится книга «Роль детей в очеловечивании человека» — и того, первобытного, и нас, сегодняшних. Любовь к детям, самоотверженная забота о них, отдача им лучшего в себе — все это выращивает в нас становую способность человека: умение творить добро другим и от этого себе, тягу делать лучше жизнь других и свою.

Дети — один из главных пластов человеческого смысла жизни, одна из богатейших в мире россы-

пей счастья. Но при двух условиях: если они здоровы и если мы верно относимся к ним. Без этого счастья от них мало, а горя много.

Их чистота, нежность, беззащитность, их трогательная наивность, их неумная муравьиная энергия — весь этот душевный свет, который они излучают, осветляет и согревает нашу домашнюю жизнь, усеивает звездами радостей, тревог, опасений, восторгов. Дети дают нам полноту жизни, туго насыщают ее перепадами чувств.

Малыш изо дня в день меняется, и следить за его переменами — наслаждение. Его каждодневная новизна — постоянный источник новизны: в нашей домашней жизни. Это одно из главных противоядий против семейной рутины и однообразия.

Когда лучи супружеской любви начинают пригасать или делаются привычными, ребенок — то новое солнце, которое зажигается в доме и освещает его новым светом. Для душевно умных супругов это новый фундамент сердечной близости, новый цемент, который может скрепить их связи. Это постоянный излучатель радостных чувств, положительных эмоций, как их называют психологи. А сегодня, когда перегрузки городской жизни рождают полове отрицательных эмоций, положительные эмоции — главное спасение от них.

КТО КОГО ВОСПИТЫВАЕТ...

Большинство людей думает, что воспитание — это поток, который течет в одну сторону, переливание душевного опыта из одного сосуда — родителей в другой — детей. Это тысячелетний обман зрения, огромная искажающая призма на наших глазах, и она очень мешает нам черпать радости от детей.

Настоящее воспитание — это всегда и самовоспитание, и мы, наверно, получаем от детей не меньше, чем они от нас. Дети — наши стихийные, скрытые воспитатели. Одним своим появлением на свет они рождают в нас новые диапазоны души — свойства попечителя, радателя за других — родителя. Они надстраивают новые этажи в нашей психике, открывают нам новый материк чувств — родительскую любовь.

Они и прямо влияют на нас — всем своим обликом, всем поведением. Как говорили в древности, подобное вызывает подобное, и детская радужная чистота, нежная застенчивость, доверчивость, открытость, светлое прямодушие — все это будит в нас (или помогает сохранить) взрослые варианты этих душевных свойств. Потому что общение близких — это обмен частями личности, и, вкладывая в детей частицы себя, мы вбираем в себя и частицы их самих.

Малыш для нас — постоянный возбудитель душевных сил и творческих способностей. Они все время ставят нас в трудное положение, все время озадачивают неожиданными вопросами — то и дело заставляют напрягать до предела наши умственные силы. У них своя оптика, свое, неожиданное видение вещей, и для тех, кто умеет думать, это видение часто бывает откровением. Инстинкт искателя, познавателя, который мы зовем любопытством, одна из главных страстей детской психики, и их несмолкаемые «почему» воспитывают в нас воспитателя, пробуждают — в тех, кто на это способен, — способности душевного скульптора, творца психики — детской и своей.

Уча ребенка, мы можем учиться вместе с ним: развивая его наблюдательность, можем развивать свою: внедряя в него доброту и заботливость, можем сами делаться добрее и заботливее.

Впрочем, тут есть одно «но». Чехов однажды сказал: университет развивает все способности, в том числе глупость. Похожее бывает и в родительских университетах: дети развивают в нас все способности, в том числе способности антивоспитателя. Винаваты в этом бываем чаще всего мы.

Родительский труд — очень тяжелый труд: это, пожалуй, самая трудная на свете душевная работа. Она требует от нас сверхтерпения, самообуздания, требует смирения своих раздражений, пересиливания усталостей, одоления неумений. Она требует постоянного самосовершенствования, потому что без него настоящее воспитание попросту невозможно.

Одни из нас способны на это, другие — нет: кто из-за эгоизма и потребительской психологии, для которой дети — помеха; кто из-за душевной глухоты; кто из-за перегрузок, которые не оставляют на это нужных сил, нервов, времени; кто из-за неписанной традиции, по которой родительство частично сводится к одной своей части — уходу за детьми.

Наверное, настоящее материнство и отцовство — прежде всего труд души, а не труд рук, умственная, а не физическая работа: об этом хорошо говорит Л. А. Никитина, мать из знаменитой семьи Никитиных, создателей новой системы воспитания. К сожалению, многие из нас сужают родительство до одного труда рук — кормления, обстиривания, обслуживания малыша.

Воспитанием такие родители не занимаются — перекладывают его на ясли, сад, школу. Тем самым они лишают себя самого интересного пласта родительства, самого сложного и трудного, но и самого богатого отдачей. Они превращают родительство в серую и тяжкую обязанность, а себя — в кухарок при детях, не родителей, а в прислугу.

Многие, наверно, хотели бы выбиться из этой тесной клетки нижних этажей родительства, но у них нет для этого сил, умения. Правда, кое для кого, пожалуй, удобно: занимая руки, такое родительство оставляет в покое душу.

Впрочем, у родительской любви — как и у любви вообще — есть большая подъемная сила: она может делать из людей, не способных на истинное родительство, людей, способных на него. Потому что малыши — вернее, лучшее в них — будят в нас лучшие человеческие свойства, помогают нам — тем, кто этого хочет, — подняться на свои вершины.

ТРУДНОСТЬ РОДИТЕЛЬСТВА

Труднее ли сейчас растить и воспитывать детей, чем раньше? Всем, наверно, понятно, что труднее. Раньше выращивание ребенка — в трудовых слоях — состояло в основном из физического ухода за ним. Духовное воспитание его шло стихийно, в самом ходе жизни: специально, особо им почти не занимались, оно было попутным, часто неосознанным. Ребятишки росли в той трудной атмосфере человеческих отношений, которая была у них в семье, во дворе, на улице, и эта атмосфера растила, лепила их по своему образу и подобию.

Сейчас нужда в духовном и умственном воспитании выросла резко, скачком — и это невероятно усложнило все воспитание. С развертыванием НТР такая нужда будет расти все круче, и от этого домашнее воспитание будет делаться все труднее.

Большинство родителей к такому воспитанию не готово, и это резко уменьшает потоки радостей, которые они получают от детей, и так же резко усиливает потоки горя и тягот. Это, видимо, одна из причин (хотя и не главная), почему в нынешней семье становится все меньше детей. В подавляющем большинстве городских семей — один-два ребенка, причем семей с одним ребенком больше, чем с двумя. Растут целые поколения единственных детей, а их, кстати, труднее растить — именно из-за их единственности, из-за ощущения «пупа семьи», которое в них внедряет само их положение в семье, само повышение внимания к ним.

В этом уменьшении числа детей в семье много причин, и все они ведут к одному: чересчур большой стала морально-психологическая «цена ребенка».

Становясь матерью, женщина часто теряет и равенство в семье, и свободное время — теряет возможность углублять себя, духовно обогащаться, использовать современные виды отдыха, жить так, как это нужно человеку-личности. Вместе с двойным счастьем — любви и материнства — она приобретает двойную нагрузку — рабочую и домашнюю.

И женщина уравнивает эту двойную нагрузку половинным числом детей. Это ее стихийный ответ на усложнение жизни, поиск новых лекарств против новых болезней времени, стихийное стремление сохранить сдвоенную жизнь — домашнюю и внедомашнюю. Тяга к такой жизни, к незамыканию в одном домашнем кругу стала новым звеном нынешней женской психологии, новым слагаемым смысла ее жизни.

Для современного человека это нормально, естественно, и поэтому выход тут, наверно, один — круто понизить перегрузки женщины, резко облегчить ее материнскую роль.

Иногда говорят: сейчас немало женщин-кукушек, которым не до детей и у которых на первом месте стоят или творческие интересы, или потребители-ски-прожигательские наклонности. Но по сведениям демографов, не хочет иметь детей только один процент семейных. Открытых кукушек, как видим, не так уж и много, больше, наверно, скрытых, таких, которые мало и плохо занимаются детьми.

Но у многих «половинных» матерей материнские чувства остаются полуголодными. Как выяснили демографы, большинство мам, у которых один или два ребенка, хотели бы родить еще одного, но им не позволяют условия (нехватка садов, яслей, жилищные и материальные трудности, рабочие перегрузки — беды многих молодых семей). Значит, надо бы так улучшить эти условия, чтобы многие миллионы молодых женщин захотели насытить свои материнские чувства.

Дети невероятно много дают нам, они удовлетворяют многие наши центральные потребности. Но они в нынешних условиях мешают нам насыщать другие важные потребности. Они и прибавляют нам и отнимают у нас, дают новую свободу и сковывают новой зависимостью.

Что надо изменить, чтобы они больше давали нам

и меньше отнимали? Как сделать, чтобы то лучшее, что они несут с собой, все больше превозмогало то худшее, что тоже приходит с ними, — перегрузки, нервные срывы?

Наверно, кроме материальных улучшений, которые здесь нужны, очень важно понять то, что многие, к сожалению, понимают разучились: дети — одно из лучших слагаемых смысла нашей жизни. Дети в идеале — это родители наших лучших свойств, творцы людей, создатели в нас человека. Если мы будем лучше помогать им в этой их роли, это может заметно улучшить всю нашу повседневную жизнь — снизит ее серость, усилит многоцветность.

РОДИТЕЛИ — ТВОРЦЫ ДЕТЕЙ

Мать и отец для малыша — как божества, податели жизни: они и играют для него гигантскую, ни с чем не сравнимую роль, — пожалуй, именно эту роль и перенесли бессознательно первобытные люди на своих богов. В первые детские годы от матери и отца почти на сто процентов зависит все развитие малыша, все стороны его жизни.

Дети, у которых нет родителей, резко отстают в росте — физическом, умственном, эмоциональном. В домах младенца многие из них едва начинают говорить к двум-трем годам; многие растут с комплексом неполноценности, у них куда больше замкнутости, недоверчивости, драчливости, тяги к неправде.

Профессор И. А. Аршавский, основатель возрастной физиологии, автор новой теории развития детей, так писал об этих малышах: «Цельными днями они сидели или лежали в своих кроватках, манежах и как будто ни в чем не знали недостатка: ни в игрушках, ни в еде, ни в покое, ни в сне. Но они не ведали радости общения, азарта игры, которые делают ребятшек резвыми, активными. Пища не шла им впрок. Они отставали от сверстников в росте, в весе, позже начинали ходить, труднее осваивали премудрости речи».

Но от нехватки родительского внимания страдают не только сироты. Эта нехватка влияет (хотя и меньше) и на малышей, которых водят в ясли-пятидневку. Врачи, психологи, социологи выяснили, что жизнь в пятидневках, в интернатах тоже ведет к задержкам и искривлениям во всем развитии детей — физическом, психологическом, нравственном, умственном.

В первые годы жизни родители — особенно мать — нужны младенцу в максимальных дозах. Материнская ласка и родительский индивидуальный подход — два главных рычага, которые растут в человеке человека.

Уже через месяц-два после рождения главной жизненной потребностью малыша становится тяга к эмоциональным впечатлениям — потребность духовная, психологическая.

У большинства из нас — перевернутое представление об этом. Масса людей считает: все, что нужно младенцу, — это чтобы он хорошо ел и спал, был ухожен и не болел. Но главный голод человеческого детеныша — не физический, а психологический, и главная пища, которая делает его человеком, — пища эмоциональная.

Известный детский врач Н. М. Шелованов вывел из своих наблюдений, что первые радости и улыбки появляются у младенца, когда с ним ласково разговаривают, поют, «тетешкают», то есть во время психологического общения.

Психолог М. Ю. Кистьяковская, которая изучала первые месяцы младенческой жизни, выяснила: насыщение голода, жажды — биологических потребностей — только снимает у малыша отрицательные эмоции, только готовит базу для радостей, положительных эмоций. Сами эти радости возникают от ласкового голоса, яркой игрушки, погремушки — от эмоциональных, психологических впечатлений.

Если у сытого, здорового малыша нет психологических впечатлений, возникает «сенсорный голод» (от латинского «сенсус» — «чувство») — голод по этим впечатлениям, и он кричит, плачет, испытывает горестные чувства. Психологический голод дает младенцу не меньше тягостных ощущений, чем голод физический.

Постоянный психологический голод — при самом хорошем уходе, при самом вкусном кормлении — угнетает весь организм ребенка; мало того, он увеличивает детскую смертность, — об этом знают педиатры и психологи.

Главная потребность ребенка — эмоциональная, и ему — самой природе его младенческой психики — нужно больше всего духовное общение со взрослыми. Взрослый больше всего нужен ему как воспитатель и потом уже как кормилец — и все это потому, что главное в человеке — именно психология.

Прежде всего малышу нужна именно мать. В

женской природе эмоциональность звучит громче, чем в мужской, и потому эмоциональный склад матери ближе всего эмоциональному складу ребенка.

У них есть и еще одна связь, неясная, таинственная, о которой можно говорить, пожалуй, только предположительно. Много месяцев ребенок жил внутри матери, в лоне ее биотоков, в энергетическом поле ее чувств. Он смеялся, когда она смеялась, плакал, когда она плакала, жил в унисон с ее чувствами.—это точно установили французские физиологи. (Кстати, это очень важно для культуры беременности, чтобы ребенок рос нормально в теле у матери, ей надо испытывать поменьше тягот и горестей и побольше радостей.)

Возможно, что, покинув материнский организм, младенец сохраняет с ним (по крайней мере первые годы) незримые волновые связи. Все, наверно, знают, как чутко малыш впитывает токи материнских настроений: если она нервна, тут же пронизывается ее нервною, если она радостна, как эхо откликается ее радости.

Невидимые волны ощущений все время, возможно, перетекают между матерью и ребенком. Оба они—пока ребенок не выпросит—как два полюса одного эмоционального поля, как две струны, настроенные на один лад. Это невидимое единство душ—как бы эхо того единого биоэмоционального поля, в котором они пребывали до рождения ребенка и которое распалось на два родственные поля после рождения.

Мало того: эта их таинственная органическая близость помножена на силу материнской любви, и от всего этого у матери куда больше ключей к младенческой психике, чем у кого бы то ни было. Именно поэтому мать—нормальная, здоровая, любящая—может дать младенцу максимум той духовной пищи, которая легче всего усваивается детской психикой.

Мать рождает не только тело ребенка; она рождает и его душу, вкладывает в него фундаменты человеческих чувств, основы мироощущения—те первичные каркасы психики, на которых потом будет расти все здание этой психики. Как материнское молоко несет для тела младенца больше всего питательных веществ, так и материнское духовное «молоко» несет больше всего питательных веществ для души младенца.

КНУТОМ ИЛИ ОВСОМ?

В мозгу новорожденного есть скрытые наследственные предрасположения и рефлексы, которые возникли во время его лонной жизни. В остальном он чист, свеж—готов к жадному впитыванию впечатлений. Эти впечатления и создают психику ребенка, которая до них не существует.

Первые впечатления—самые, наверно, фундаментальные, самые стержневые для всей жизни человека. Они внедряются в изначальные пласты психики, создают ее первичные основы и поэтому сильнее всего формируют ее.

Все впечатления, которые получает младенец, идут на построение его «души», ни одно, видимо, не пропадает впустую. Чем больше приток «хороших впечатлений», положительных эмоций—конечно, в границах меры,—тем здоровее, раскованнее, нормальнее тонкое строение детской психики. Чем больше—сверх неизбежной меры—плохих впечатлений, отрицательных эмоций, тем больше строится больных ячеек в душе младенца.

Самые ранние впечатления как бы переплавляются в краеугольные фундаменты детской личности. Именно из этих ранних детских впечатлений (вернее, из их слияния с врожденными нервными свойствами) складывается первичная сердцевина характера, первичное ядро личности младенца, стартовый костяк его эмоционального и нравственного отношения к жизни.

Именно поэтому первые месяцы и годы детства—возраст, когда создаются самые долговечные, самые «дальнобойные» свойства психики. Они будут пронизывать эту психику всю ее жизнь, на них будут наслаиваться все остальные психологические напластования, и судьба всех этих более поздних напластований будет во многом зависеть от первых, донных пластов психики.

У воспитывающих воздействий жизни есть как бы два русла: сознательное воспитание и воспитание неосознанное, безотчетное—самим повседневным укладом жизни, поведением родителей. Наш личный пример, личный образ жизни—один из главнейших строительных материалов, из которого дети лепят свой характер. Именно через инстинктивное подражание частицы наших личностей вселяются в них,—причем всякие—и хорошие и плохие. Поэтому, чтобы растить в человечке человека, надо растить человека в себе.

Воспитание малыша—это вкладывание в него пусковых механизмов чувствования и поведения, взращивание эмоциональных «моторчиков», которые

будут двигать психикой. Душа младенца невероятно восприимчива, и от нас требуется только терпеливо и настойчиво подправлять действие этих «моторчиков», учить младенца соразмерять их с работой других двигателей.

Мы вкладываем в младенца тягу к игре, движению, веселой суете, внедряем в него умение сдерживать себя, терпеть и ждать, сложнейшую систему «нельзя» и «можно». В малыша входят душевные двигатели, которые управляют его добрым (или недобрым) отношением к другим людям, его неэгоизмом (или эгоизмом), его готовностью делиться с другими (или жаждать чужого и не давать свое). Мы внедряем—или не внедряем—в него тягу к самостоятельности, радость делать все самому и многое другое.

Главное, самое действенное и много дающее, в воспитании младенца—ласка и поощрение, пример и показ. Все это создает русло, по которому развивается характер. Порицание, неодобрение подправляют отклонения от этого русла, от правильного пути.

Спокойное научение, мягкое или жесткое порицание, радостное поощрение, твердое «нельзя» за которым сразу же идет «а вот это можно»—основная тактика воспитания. Пользуясь ею, можно растить малыша без всяких наказаний. Уравновешивание каждого «нельзя» каким-нибудь «можно»—педагогический прием Никитиных. У него двойная сила: он создает систему запретов, но при этом не оставляет обиды в малыше, переключает его энергию в русло радостных занятий. Многие, пожалуй, не поверят этому: как это так, без наказаний—нужен ли такой переворот в педагогике, такой замах на один из вековых устоев всего воспитания?.. Но я знаю несколько семей, в которых детей не шлепают, не рассовывают по углам, не лишают сладкого. Так же—прошу прощения за личный пример—выросла моя старшая дочь и растет младшая. Воспитывать малышей—и мальчиков тоже—без наказаний гораздо легче, чем с наказаниями, а кид такого воспитания куда больше.

Дети лучше слушаются, больше верят родителям, глубже любят их, а от всего этого в домашней атмосфере куда больше тепла, радостей, куда меньше горестей—и для детей и для родителей. Такое душевное тепло—простейшая основа, без которой нет воспитательного климата, и оно так же нужно для нормального роста детей, как теплый воздух для нормального развития растений.

В атмосфере терпеливого внимания малыши растут без комплексов, без духа противоречия, без взрывов негативизма, тугого непослушания—именно поэтому с ними проще и легче. Любое естественное взрыкивание—а они будут всегда—нетрудно унять сочетанием недовольства, строгого тона и—тут же—спокойного уговора, ласкового внушения: «Ты хороший, это у тебя нечаянно, ты и делаешь хорошо, а так не надо...»

Почти всегда конфликт рассасывается, не оставляя большого осадка ни в малыше, ни в родителях.

Невероятно вредно решать конфликт криком. Крик убивает все лучшее в ребенке, рождает тяжелые вывихи в его душе. «От крика, кроме беды, ничего не получается,—пишет известный педагог Ю. П. Азаров в книге «Педагогика семейных отношений».—Расстраивается и мать и ребенок. Рождается основание для вражды... Если вы хотите потерять ребенка, вы можете на него систематически кричать». И он продолжает: «Крик как наркотик. Он создает видимость облегчения. Иллюзорность решения проблемы... Крик рождается безумной злостью, а не праведным гневом. А злость должна быть исключена из воспитания».

Крик—это отравление души ребенка, расшатывание его нервной системы. Он вселяет в детей страх и недоверие к родителям, боязливую подозрительность, замкнутость, рождает в них ответное зло и незаметно вырабатывает злобность, агрессивность или забитость, безволие.

Есть старая русская пословица: **конь везет не кнутом, а овсом**. Ее стоило бы сделать эпиграфом ко всему воспитанию, камертоном, по которому мы настраиваем все наше отношение к малышу. Овес, а не кнут, ласка, а не крик; если при этом существует твердая система запретов, которая обязательно уравновешивается разрешениями («это нельзя, зато это можно»), то не будет никакой избалованности, никакой капризности.

В ребенке бурно развивается самостоятельность, тяга к достижениям, успехам, если мы поддерживаем эту естественную тягу его психики. Он растет смелым, потому что мы не запугиваем его, не дергаем—«нельзя, упадешь», «слезь, ушибешься»...

Не таской, а лаской можно добиться от ребенка больше всего. Дерганье и заругивание—главные методы антивоспитания, они уродуют детей, и они, к сожалению, в большом ходу у молодых родителей, особенно не очень образованных.

«Неслух», «трусиха», «врун»—мы забрасываем

малышей горстями таких поношений. Они вселяют в них большое чувство неполноценности, заставляя их верить, что они трусы и неслухи, и они становятся ими, ведут себя как вруны и трусихи.

Малыши невероятно внушаемы, они верят всему, что мы им говорим, и поэтому растут такими, какими видят себя в зеркале наших слов. «Колти свиный зовут, поневоле захрюкаешь»—эта старая крестьянская поговорка очень подходит к доверчивой душе младенца. Когда он трусит, ему лучше говорить: «Ничего, ты смелый»,—и он завтра сделает то, что испугался сделать сегодня. Ему надо внушать, что он смелый, и он будет смелый, и вместо горького сознания, что он трус, в нем будет расти вздымающее чувство своей силы, смелости, достоинства.

Любое ощущение неполноценности—опаснейший омут в сознании и подсознании ребенка. Даже самые хорошие и светлые свойства, проходя через крутящуюся воронку этой неполноценности, могут хиреть, слабнуть, ущербляться. Малышу—для нормального роста—нужна полная, абсолютная уверенность в себе: это самый надежный фундамент и самый мощный ускоритель нормального развития.

Чтобы убыстрить рост хороших свойств в малыше, их приходится—в раннем детстве—**преувеличивать**. Какое-то свойство, скажем, у него еще на стадии почки, а мы говорим ему, что оно расцветает: от этого оно скорее достигнет расцвета. А его неумения, недостатки, слабые стороны лучше **преуменьшать**—от этого малышу будет легче справляться с ними.

Тут приходится действовать в духе двойной оптики любви, которая увеличивает плюсы и уменьшает минусы близкого человека; это мудрый механизм подсознания, он отвечает самой природе детской психики и резко улучшает все воспитание. Впрочем, механизм этот так же хорошо отвечает и всей природе человека: наша природа полна несовершенств, и розовая оптика как бы уменьшает их, помогает нашему подсознанию, нашему желанию лучше относиться и к близким людям.

Поощряя успехи малышей (сначала преувеличивая их), подбадривая в неудачах (в первые годы тоже преуменьшая их), мы тем самым внедряем в них чувство уверенности, радость доброты, удачи, радость заботы о других. Именно так мы закладываем в них самые лучшие фундаменты характера и получаем в ответ самые яркие радости, самые хорошие душевные свойства.

Педагогика доброго терпения меняет всю атмосферу воспитания, всю его психологию и философию. Ведь нервные и дерганые люди чаще всего растят нервных и дерганых детей; а добрые и спокойные—по закону подобия—растят спокойных и добрых.

Когда родители (пусть даже и дерганые) держат себя с детьми в духе ласкового терпения, они от этого могут и сами стать лучше; тут действует тот же психологический закон зеркала, но в другом своем проявлении: «Что растишь в другом, то растешь в тебе». (У него, впрочем, есть и обратная сторона: только то, что растишь в себе, растет в другом.)

И еще один краеугольный камень воспитательной культуры: детям нужно как можно больше самостоятельности, свободы действий, меньше мелкой опеки, дергающих запретов. Всем, наверно, знакома типичная картинка. «Куда лезешь?»—кричит мать или бабушка.—«Платье изгаздаешь! Тебе для этого покупали?!» Многие детей выводят гулять раздетыми в пух и прах и не дают шагу шагнуть без одергиваний. Энергия малышей угнетается, их лишают свободы движений (самое вредное из наказаний!), внедряют в них пассивность, гасят нормальную непоседливость, бурную жажду движений.

Одна умная мать говорит о малышах: «Плохо гулял, раз пришел чистый». Другая даже выработала формулу: «Ребенок должен принести с прогулки кило грязи». Они, наверно, правы. Пусть ребенок пачкает чулки, ботинки, пальто, пусть он приходит изгазданный и замурзанный: это значит, он ощутил счастье мышечных напряжений, бурный поток двигательных радостей, а в эпоху физических недогрузок это исключительно важно. Он получил нужную долю свободы—прибавил в своем здоровье и душевном развитии.

А грязные чулки он постирает сам, и пальто с ботинками тоже почистит сам—с нашей помощью. И когда мы похвалим его: «Молодец, помощник, работаешь, как большой»,—это чуточку продвинет его и в уважении к себе и в нравственном росте.

Поощрение самостоятельности, стремление, чтобы ее было у детей все больше и больше—причем во всех областях жизни,—очень убыстряет развитие в детях хороших свойств. Пожалуй, это один из главнейших рычагов, которые помогают малышу вырастать не иждивенцем, не маменькиным сыночком и не папичиной дочкой, а хорошим и уверенным в себе человеком.

АВГУСТОВСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ

АРХИВ АЛЬЕНДЕ

По инициативе Чилийской социалистической партии в Латинской Америке создается «Архив Сальвадора Альенде». Собираются книги, брошюры и различные документы, связанные с жизнью и революционной деятельностью бывшего президента Чили — от первых его политических шагов в качестве студенческого руководителя в 30-е годы до героической гибели 11 сентября 1973 года. Будут изучены воспоминания, снимки и плакаты, изготовлены каталоги всех объектов, носящих имя Альенде: улиц, площадей, клубов, судов, бригад и т. д.

Вот одна из множества историй, собранных для «Архива»...

Карлос Гонсалес, называемый Эль Маракаменом, — вождь индейского племени из 150 семейств, живущих в горах штата Наярит в западной части Мексики. В 1974 году он приехал в административный центр штата, город Тепик, чтобы купить семена. Там ему попала книга «Это произошло в Чили» мексиканского журналиста Мануэля Мехидо. Книга его очень заинтересовала, он начал ее читать еще на обратном пути домой. Через два дня после своего возвра-

щения Эль Маракамен собрал племя и сообщил, что наконец нашел имя для созданного ими коллективного хозяйства. «Это имя Альенде — врача, демократа и революционера, самого хорошего президента, который когда-либо был в Америке». Многие изъявили желание узнать больше об этом человеке. Тогда Эль Маракамен начал читать вслух книгу о событиях в Чили. Чтение продолжалось целую неделю.

Эль Маракамен еще раз ездил в город Тепик, чтобы узаконить имя хозяйства. С тех пор все в штате Наярит знают, что где-то в горах существует хозяйство «Сальвадор Альенде». Часто можно слышать от какого-нибудь путника: «Пойду к Сальвадору Альенде». А там, в селекции, портрет Альенде занимает почетное место в «Доме богов». Сам Карлос Гонсалес, высокий 70-летний старец, разъясняет молодым значение жизни, борьбы и смерти этого руководителя далекой страны, который предпочел погнубить, нежели изменить своему народу.

«ПАРАЛЛЕЛИ», БОЛГАРИЯ

ВСЕМ СОМАМ СОМ...

Вот ведь какой может оказаться иной раз рыбацкая удача! Сом, выловленный близ польского местечка Старе Юхи, весит 78 килограммов, а длина его от головы до хвоста — 2 метра 30 сантиметров. С великим трудом сеть с редкой добычей выта-

щили на берег — и тут же сфотографировали сома-гиганта. Ихтиологи дали справку: это самая крупная рыба, выловленная в водоемах Польши за последние двадцать лет.

«ШТАНДАР МЛОДЫХ», ПОЛЬША

ВЕНЕЦИЯ НЕ УТОНЕТ

Согласно исследованиям, проведенным группой итальянских ученых, Венеция перестала погружаться в море, даже больше того, стала слегка подниматься.

Как известно, большая часть города, раскинувшегося среди большой лагуны на 120 крошечных островах и знаменитого своими скульптурными и архитектурными памятниками, всего лишь на 27 дюймов возвышается над уровнем воды. Если на протяжении пятидесяти лет начиная с 1920 по 1970 год город погрузился всего на восемь дюймов, то недавно скорость погружения увеличилась чуть ли не вдвое, и специалисты предсказывали, что не пройдет и двух столетий,

как Венеция, если не принять каких-то экстренных мер, будет залита водой. И вот меры приняты. Какие же?

Оказывается, столетиями горожане пользовались артезианскими колодцами, вырытыми в самом городе и его окрестностях, как источником питьевой воды и тем самым резко снижали давление грунтовых вод, удерживающих почву, на которой покоится город. Теперь все артезианские колодцы забиты, а Венеция снабжается водой по акведуку с материка. Так обреченному городу возвратили уверенность в будущем.

«ЕВРОПЕО», ИТАЛИЯ

Металлурги древней Африки

Изучая культуру племени гаи, обитающего в Танзании, на западном берегу озера Виктория, американский антрополог Петер Шмидт сделал важное открытие из истории металлургии. Оказывается, это не слишком известное племя еще два тысячелетия назад умело выплавлять углеродистую сталь достаточно высокого качества в печах с искусственной тягой. В Европе подобная технология появилась лишь в девятнадцатом столетии, когда немецкий изобретатель Карл Вильгельм Сименс получил в мартеновской печи высококачественную углеродистую сталь.

Древним методом племени гаи сталь не выплавляется уже лет пятьдесят, поскольку теперь люди племени предпочитают покупать стальные изделия у европейцев, зарабатывая деньги выращиванием кофе и других сельскохозяйственных культур.

Старейшины племени показали Шмидту «святилище из дерева» на том месте, где когда-то выплавлялась сталь. Пользуясь указаниями стариков, несколько членов племени в присутствии Петера Шмидта и

профессора металлургии Дональда Эвери построили традиционную плавильную печь веретенообразной формы из щебня и глины, имевшую высоту 160 сантиметров. Печь стояла над ямой, заполненной наполовину обгоревшей травой. Обугленные стебли были источником углерода, необходимого для качественной выплавки металла. В стенки печи были вставлены восемь глиняных трубок, каждая из которых была подсоединена к меху из козьей шкуры. По этим трубкам вгонялся воздух. Печь топилась древесным углем, и температура в ней достигала 1800 градусов, что является вполне достаточным для получения углеродистой стали.

Шмидт и Эвери обнаружили на западном берегу озера Виктория остатки 13 печей. Радиоуглеродным методом доказано, что их возраст — 1500—2000 лет. Тем самым подтверждено, что сложная техника выплавки стали, найденная европейцами много веков спустя, успешно применялась предками небольшого африканского племени.

«ЮМАНИТЕ-ДИМАНШ», ФРАНЦИЯ

ОСТОРОЖНО: НАРКОТИКИ!

Около 30 миллионов жителей США в настоящее время прибегают к органическим и синтетическим наркотикам, дающим возможность на короткое время забыть о тяжелых проблемах жизни.

С окраин и боковых улочек наркотики проникли в самый центр городов. Марихуану курят почти публично, студенты в общежитиях выращивают растения, содержащие галлоциногены, на великосветских приемах, где собираются «сливки общества», в качестве особого деликатеса предлагается кокаин. Только в прошлом году американская полиция конфисковала наркотиков на сумму 2,5 миллиарда долларов. Специалисты полагают, что через руки перекупщиков за тот же срок прошли наркотики на сумму от 35 до 45 миллиардов долларов, то есть примерно столько же, сколько составляет годовой бюджет таких крупнейших компаний, как «Дженерал моторс» или «Эксон».

В настоящее время марихуану регулярно курят 16 миллионов американцев, причем следует заметить, что марихуану ежедневно курит каждый одиннадцатый школьник, а более четверти из них начали применять наркотик с пятнадцати лет и даже ранее.

Растет число людей, употребляющих кокаин и героин. Представители Пентагона выразили опасение, что наркомания может серьезно повредить боеспособности американской армии. Так, например, согласно данным одной из анкет, почти 10 процентов из 626 опрошенных в возрасте от 17 до 25 лет, проходящих службу в ФРГ, заявили, что употребляли героин при исполнении служебных обязанностей, а 60 процентов сказали, что минимум раз в месяц они употребляют марихуану или гашиш.

Каковы причины столь быстрого роста наркомании? Многие психиатры и наркологи убеждены, что современные американцы не способны поддерживать свое психическое состояние на нормальном уровне без медикаментозных успокоительных или отвлекающих средств. «Люди убеждены, что они не в состоянии переносить конфликты, страхи и депрессию, если не будут принимать каких-нибудь одурманивающих таблеток, — заявил один из психиатров. — Ощущение неуверенности сопутствует нашему образу жизни и является его составной частью».

«ЮНАЙТЕД СТЕЙТС НЬЮС ЭНД УОРЛД РИПОРТ», США

Мини-скрипки из Маркнойкирхена

Овеянная легендами и изобилующая профессиональными тайнствами история мастеров, создающих благороднейший музыкальный инструмент — скрипку, насчитывает более трех столетий. Много ценнейших экземпляров скрипок собрано в Музее музы-

кальных инструментов в городке Маркнойкирхен, на юге ГДР. Есть там и замечательно выполненные мини-скрипки, которые вы видите на снимке. Длина самой маленькой из них — 2 сантиметра.

«ДДР-РЕВИУ», ГДР

Очки — кто и когда их изобрел? Установить это не так-то легко. Наиболее древними известными нам очками являются противосолнечные очки, хранившиеся в Британском музее в Лондоне. В свое время они были найдены рядом с мумией одного из египетских фараонов. Это два коричневатых стеклышка, вставленных в рамку из бронзовой проволоки. При них есть и футляр.

У античных авторов мы встречаем упоминания о применении отшлифованных хрустальных линзочек для того, чтобы лучше видеть. При раскопках Трои было найдено шесть больших и сорок маленьких хрустальных линз, а также нечто вроде современной лупы диаметром 55 миллиметров. Вероятнее всего, они были предназначены не для исправления недостатков зрения, а для рассматривания небольших предметов. Той же цели служили, наверно, и хрустальные линзы, найденные в развалинах одного из дворцов на острове Крит. Весьма, впрочем, возможно, что наши далекие предки уже пробовали такие или аналогичные линзы в качестве прототипа очков.

Родиной очков следует считать, вероятно, Венецию, откуда они распространились в страны Европы, а позже Азии. Первые достоверные данные о применении очков как прибора, имеющего целью улучшить зрение, идут к нам с начала XIII века.

В настоящее время очки переживают самый значительный в своей истории взлет «популярности», спрос на них постоянно растет, особенно с учетом того фактора, что теперь сфера их применения неизмеримо расширилась. Существуют очки с переменным фокусным расстоянием, очки, в которых степень затемненности меняется в зависимости от условий освещения, очки с подсветом, призматические очки для чтения лежа на спине (они же, кстати, применяются для просмотра телевизионных передач), очки, предназначенные специально для наблюдения за солнечными затмениями...

Все это неудивительно: свыше 85 процентов информации о мире человек получает с помощью зрения.

«ШТИЙНЦЕ ШИ ТЕХНИКЭ», РУМЫНИЯ

ПОЧТИ ВСЁ ОБ ОЧКАХ

ЛОСИ В СТОКГОЛЬМЕ

Наступление на окружающую среду продолжается. Впрочем, и она способна на «контратаки». Столицу Швеции в последнее время не раз осаждали лоси — группами и в одиночку. Больше трех часов молодой лось блокировал недавно пути стокгольмского метро на одном из открытых участков. В конце концов принесли ружье, зарядили его патроном с наркотическим зарядом и унесли с путей беспомощного зверя. Окружающая среда и на этот раз оказалась побежденной...

«ШТЕРН», ФРГ

Была такая деревня — Амадора...

Самая большая деревня на европейском континенте до самого последнего времени находилась в Португалии. Это Амадора, имеющая 240 тысяч жителей, то есть намного больше, чем сотни европейских городов. Во времена португальского фашистского диктатора Салазара и его преемника Каэтано Амадора считалась «деревней»... в наказание. В 240-тысячном населенном пункте, расположенном неподалеку от Лиссабона, довольно развита промышленность, и Амадора была известна как бастион рабочего класса — врага фашизма. Поэтому она продолжала оставаться «деревней», ибо в Португалии сельские населенные пункты субсидий от государства не получали. После апреля 1974 года, когда Португалия наконец освободилась от фашистской диктатуры, коммунистическая партия и другие левые силы настоятельно потребовали от нового правительства отмены дискриминации и предоставления Амадоре статуса города. Это требование, несмотря на неоднократные настоятельные напоминания, несколько лет оставалось неудовлетворенным. И лишь недавно власти наконец были вынуждены присвоить Амадоре городской статус. Жители ее отметили свое «повышение» большим фейерверком и народными гуляньями. Они не жалеют, что утратили титул самой большой европейской деревни и стали третьим по величине португальским городом: сейчас они имеют право на государственные субсидии и будут, стало быть, располагать гораздо большими средствами на благоустройство своей Амадоры.

«ДИАРИУ», ПОРТУГАЛИЯ

Ешь тараканов, бабочек жууй!

Огромный, больше двух метров длиной, пятнистый питон был привезен в ФРГ на реактивном самолете. Для того, чтобы после длительного путешествия из Монтевидео в Бремен питон оставался целым и невредимым, его завернули в холстину и обложили зрелками. Получил эту необычную посылку (стоимостью, между прочим, 200 долларов за килограмм) 44-летний Гюнтер Лерх, торговый директор крупной западногерманской фирмы «Ларк», специализирующейся на поставках на западноевропейский рынок необычных деликатесов.

Есть на Западе люди (естественно, не из числа бедняков), которые уже пресытились устрицами, икрой или лягушачьими лапками и ищут новых, более изощренных лакомств. Как раз этим-то гурманам фирма и предлагает такие «деликатесы», как, скажем, паста для бутербродов, приготовленная из определенных видов африканских муравьев, зюляш из питона, яичница с личинками пчел или жаркое из лисы. Работающие в фирме «Ларк» кулинару и повара высокой квалификации специализируются также на блюдах из

мяса белок, пингвинов и страусов, готовят закуски из ящериц, змей, павлинов, акул, лягушек и всевозможных насекомых.

Разумеется, фирма «Ларк» предоставляет своим клиентам не только еду, но и напитки. До недавнего времени «звездой» предлагаемой фирмой программы была так называемая «змеевка» — сладковатая китайская водка, настоянная на ужах, гадюках и иных змеях. Пол-литра настойки стоили 30—40 долларов. Сейчас же, после того, как на продажу этого «специфического» питья в ФРГ и в нескольких других странах был наложен запрет, все большую популярность приобретают высокоградусные спиртные напитки, настаиваемые на муравьях, мухах, комарах и других насекомых, а также на их личинках. Стоят такие напитки, конечно, недешево.

Покупают все это в основном богатые снобы. Все «изысканнее» считается в определенных кругах, готова прием, обращаться к услугам фирмы «Ларк».

«МАГАЗИН ПОЛЬСКИ», ПОЛЬША

Обзор зарубежной печати.
Материалы печатаются в изложении.

МАЛЬЧИК НА КАЧЕЛЯХ

ПОВЕСТЬ

Не так уж легко добиться ответа от девочки, когда ей всего четырнадцать лет.

— Учти, она будет сердиться, и я тоже. Что ж ты молчишь? Мог бы спросить, что я получила.

Я совсем забыл: сегодня им объявляли оценки за сочинение.

— Ну, поздравляй,—разрешила дочь.

— Ты у нас молодчина. А мама пришла с работы?

— «Мама, мама»,—обиделась она.—Тебе неинтересно, какая отметка?

— Четверка?

— Так и быть, скажу, хоть ты и не заслуживаешь. Пятерка! Слышишь, па?

Еще бы не услышать, когда тебе кричат в самое ухо!

— Молодец,—снова похвалил я, и мне стало немного грустно: давать советы другим, конечно, легче; самому не мешало бы почитать Макаренко.

— Что-то мне голос твой не нравится. Ты скоро домой?

— Постараюсь пораньше.—Я уже не спрашивал, дома ли мама.

— Прости, в дверь звонят,—послышалось на другом конце провода.—Наверное, подружка пришла. Ну, до скорого...

В трубке раздались короткие гудки.

— Поговорили?—спросил Логвинов, терпеливо ожидавший у будки.

— Поговорили...

Мы постояли у причала, потом прошли вдоль набережной и по винтовой лестнице мимо швейцара с желтым околышем на фуражке поднялись в ресторан «Приречный».

Не стовариваясь, мы направились к крайнему от эстрады столику.

Ресторан был наполовину пуст. Редкие посетители скучали, разглядывая груды железа, угрожающе повисшую над танцплощадкой.

— Мрачновато у вас,—посетовал я, когда средних лет официантка подошла принять заказ.

— Минут через пятнадцать музыканты придут,—обнадежила она.—Тогда повеселей будет.

Ее пророчество сбылось несколько позже. Логвинов доедал отбивную, а я, ковыряясь в недожаренном цыпленке, с тоской вспоминал кулинарные шедевры Зины, когда на эстраду выбежали четверо ребят в блестящих, как рыба чешуя, пиджаках. Один из них, не мешкая, провел по струнам гитары. От многократно усиленного звука жалобно задрезжали рюмки, и я понял, что несъеденный цыпленок—первый, но далеко не самый сильный номер в программе предстоящего вечера.

— Здесь будет горячо,—предсказал я, но мнения Логвинова не услышал: на зал обрушилась лавина звуков, в которой самым слабым были удары колотушки о большой барабан. К счастью, это продолжалось недолго.

— Ансамбль «Бумеранги» приветствует вас!—хорошо поставленным голосом крикнул в микрофон молодой человек с длинными волосами, расчесанными на прямой пробор. Приветствие громко прокатилось по залу.

Взглянув на Логвинова, я подивился его спокойствию.

— Нравится?—спросил я, проверяя свое впечатление.

— Ничего,—равнодушно пожал он плечами.

Молодой человек с прямым пробором сел к роялю и обрушился на клавиши. Другой из компании «бумерангов» тронул струны гитары. С первых аккордов я узнал мелодию, которая мне давно нравилась. Это была нежная, печальная музыка, и чувствовалось, что исполнителям она тоже нравится.

— В самом деле ничего,—согласился я.

Мое внимание привлек мужчина, пляшущей походкой направлявшийся к нашему столу.

— Коробейников,—подсказал Логвинов, пока мужчина был еще достаточно далеко.

Необходимости в этом не было, я узнал директора музея. Грузный, абсолютно лысый, с одутловатым улыбочивым лицом, он принадлежал к числу тех, кого запомнить нетрудно.

— Легко на помине,—проворчал Логвинов.

— Разрешите?—спросил Коробейников и, не ожидая приглашения, опустился в свободное кресло.—Я вас, товарищи, сразу заметил. Ждал, когда поедите. С вами,—он обратился к Логвинову,—мы сегодня виделись. А вас, товарищ, я тоже помню. Вы были у нас в музее.

Я ответил легким кивком.

— Собственно, мне хотелось вернуться к теме сегодняшней беседы.—Коробейников говорил, адресуюсь к Логвинову, но смотрел на меня, определив на глаз мое старшинство.

— Если у вас есть что добавить, приходите завтра,—предложил Логвинов.

— Понимаю, понимаю, товарищи,—смутился директор.—Умолкаю. К слову сказать, сейчас будет петь Рита Елецкая...

Мы это знали. Зато следующие слова Коробейникова привели нас в известное замешательство.

—...племянница нашего Олега Станиславовича.

— Племянница?—переспросил Логвинов.

— Можно сказать, дочь.

Память услужливо подсказала мне слова Маркина о ребенке, взятом им на воспитание много лет назад.

— Вы часто здесь бываете?—спросил я.

Коробейников не успел ответить, он завороченно смотрел на эстраду, куда вышла девушка в длинном, с блестками платье. Она окинула взглядом зал и чуть заметно кивнула директору музея. Он встал с кресла и ответил полуклоном.

— Для вас поет...—Молодой человек с пробором выдержал паузу и вскрикнул:—Рита Елецкая!

Девушка взяла у него микрофон и медленно пошла к краю сцены.

— Прекрасный голос, доложу я вам,—шепотом сообщил Коробейников и, подперев подбородок кулаком, замер в ожидании.

Мне нравится, что вы больны не мной.

Мне нравится, что я больна не вами.

Что никогда тяжелый шар земной

Не поплывет под нашими ногами...

Елецкая пела низким приятным голосом, держа микрофон обеими руками.

Посетителей становилось все больше. Несколько пар вышли на танцплощадку и, тесно прижавшись, двигались в такт музыке.

Когда песня окончилась, первым зааплодировал Коробейников, за что был награжден благодарным взглядом певицы. Сверкнув своим русалочьим платьем, она снова запела.

Хоп, хэй, хоп.

Хоп, хэй, хоп...

Гитарист ударил по струнам, и шквал звуков снова оглушил слушателей. Вздрагивая гибким, худым телом, Рита Елецкая в такт музыке захлопала в ладоши. Коробейников сказал что-то, но его голос потонул в гуле электронных звуков. Он встал и, тронув меня за плечо, показал на открытую дверь, ведущую на веранду. Вид у него был крайне интригующий. Маневрируя между подпрыгивающими и изгибающимися парами, я пошел за ним следом.

Мы вышли из шумного, душного зала. На веранде музыка была не так оглушительна, а воздух гораздо свежей и прохладней.

— Не люблю эти дикарские танцы,—сообщил Коробейников.—Вы не возражаете, если мы постоим здесь?

— Зависит от того, что вы хотите мне сказать,—ответил я.

Директор сложил свои пухленькие руки на животе и снизил голос до шепота:

— Вы взрослый человек и сможете меня понять. Я, кажется, дезинформировал вашего товарища.—Он вплотную приблизился ко мне.—Так получилось, что я видел коллекцию Вышемирского всего один раз. Двадцать лет назад подписал заключение о подлинности картин, полностью доверившись Олегу Станиславовичу. Третий член комиссии тоже подписал не глядя...

Внизу, у причалов, зажглись гирлянды. На воду упало их колеблющееся отражение. Я облокотился о перила и смотрел на медленно проплывающий вниз по реке большой, расцвеченный огнями пароход. Не знаю, как с набережной, но отсюда, с веранды, мне было видно, как по его палубе прогуливаются нарядно одетые люди. Доносились приглушенные голоса и смех.

— Вы не доверяете Маркину?—спросил я.

— То есть я ни в коем случае не ставлю под сомнение подписанное заключение,—пошел на попятный Коробейников.—Тем более не намерен бросать тень на своего коллегу. Но, как бы получше выразиться, считаю своим долгом сообщить вам, что...—Он замолчал, подыскивая нужные слова, и я подумал, как, наверное, нелегко ему это сделать.

— Так что же вы считаете своим долгом?

— Я хочу сообщить вам, что не вникал в это дело,—нашелся Коробейников.—Вот и все. Теперь моя совесть чиста.

Мне не хотелось портить ему настроение, но я все же сказал:

— О совести и о долге мы скорее всего еще будем говорить, товарищ Коробейников.

Он шарахнулся от меня, выставив вперед руки, будто защищаясь от удара.

— Не понимаю вас, товарищ.

— Потом поймете,—пообещал я.—И, пожалуйста, не подходите больше к нашему столу.

Оставив недоумевающего директора на веранде, я направился в зал.

Рита Елецкая раскланивалась после очередной песни, посылая во все стороны воздушные поцелуи, а музыканты, сложив инструменты, гуськом покидали эстраду.

Я посмотрел вдоль зала, и у меня возникло четкое ощущение, что откуда-то издали, может быть, из-за крайнего столика, сквозя пеленой повисший табачный дым за мной наблюдают тревожные, вопрошающие глаза Юрия Вышемирского.

— Что он вам говорил?—спросил Логвинов.

— Знаешь что, Костя, поехали ко мне,—предложил я.—Жена нас таким ужином накормит!

Логвинов sprтал улыбку, и я понял, что мне не придется его долго уговаривать.

Глава 7

Пятница, 28 сентября

I

«А наутро вот что было: бедный Дима вдруг ослеп. На столе лежало мыло. Он сказал, что видит хлеб».

Этими словами началось для меня утро пятницы. Я сидел в кухне за чашкой крепкого кофе и слушал, как дочь, укладывая портфель, зубрит стихотворение, которое собиралась читать перед подшефными октябрятами. «Доктор смотрит на больного, говорит ему сурово: мы тебе не дурачки, не нужны тебе очки». Вот, значит, чем заканчивается история про Диму!

— Пока, папуля,—дonesлось из прихожей.

Хлопнула дверь, и я остался один.

В активе было чистых двадцать минут, и я мог позволить себе пофилософствовать на отвлеченные темы.

Интересно, чем вообще должен заниматься обычный следователь милиции в самое обычное сентябрьское утро. Чистить свой пистолет? Или подчитать патроны? Нет. Наверно, он должен изучать карту города и обдумывать, как обезвредить матерого преступника... В таком случае следователь я инкудильный. Вместо всего этого я мазал масло на хлеб, поливал его сверху вареньем, откусывал максимально большой кусок и запивал его кофе. Одновременно рассматривал случайно оказавшуюся под рукой спичечную коробку. На этикетке была изображена небезынтересная сценка: тройка алкоголиков сидела в лодке и распевала песни, дирижируя себе бутылкой. Волна была большая, лодочка утлая и тесная, а дяди, сидевшие в ней,—дородными и не в меру веселыми. Все три обстоятельства оправдывали и объясняли надпись на этикетке: «Это причина гибели на воде».

Вот такое занятие нашел себе я утром двадцать восьмого сентября. То же самое, в то же самое

время мог думать слесарь, живущий этажом выше, или инженер, проживающий этажом ниже. Зато следующая моя мысль уже несла в себе признаки профессиональной принадлежности. «Где бы достать этикетку с аналогичными данными о причинах гибели на суше?»

Дальше — больше. Возник один вопросик, не имеющий отношения к спичкам: «Почему я так удивился, когда узнал, что Рита Елецкая — воспитанница Маркина?» За первым появился второй, потом третий, четвертый... Не знаю, бывает ли по утрам такое у инженеров и слесарей, — у меня бывает. Почти каждое утро. А тут еще этикетка с причинами гибели подвернулась.

Я допил кофе, но бодрости не почувствовал. Этому тоже были свои причины. Всеми и всегда есть свои причины. Обидно только, что разобраться в них не всегда так же легко, как в случае со спичечным коробком.

Повязывая галстук, я сделал попытку классифицировать вопросы.

Вопросы общие:

В чем причина сердечного приступа, приведшего к смерти профессора?

В чем причина того, что Юрий, его сын, до сих пор отсиживается в Риге?

Были вопросы поконкретней:

Куда делся чемодан, с которым Юрий вышел из дома три дня назад?

Кто выкрал кассету с пленкой и что на ней было записано?

Куда, наконец, подевались деньги?

Был и еще один, далеко не риторический вопрос. Идет пятый день, а результатов практически никаких. Спрашивается: что скажет Иван Васильевич — мой будущий начальник?

Я понял, что ни один из перечисленных вопросов не может волновать ни одного из моих соседей ни сверху, ни снизу, и, говоря откровенно, позавидовал им. Кстати, с певицей из ресторана «Приречный» тоже предстояло встретиться мне, а не кому-то другому. Поэтому я надел пиджак и поспешил на работу.

2

«Ищите женщину», — говорят французы. И правильно говорят. В пятницу, следуя мудрой поговорке, я первым делом позвонил в детский сад, где работала Ольга Верещак. Ее на работе не оказалось. «Она на экзаменационной сессии», — сказали мне. — И не звоните каждые пять минут, имейте совесть!»

Последнее замечание задело самолюбие, пришлось отрекомендоваться по всей форме и поинтересоваться, кому, кроме меня, позвонила Ольга.

— С пять минут назад звонил молодой человек, — сообщили мне. — На тот случай, если она зайдет на работу, просил передать, что звонил Юра.

— Больше ничего?

— Ничего, — ответил строгий женский голос.

Не имело смысла спрашивать, был ли звонок междугородным, Вышемирский — я не сомневался, что звонил он, — наверняка воспользовался телефоном-автоматом, а сигналы автоматической связи ничем не отличаются от городских. Итак, налицо первая весточка! Юрий подает признаки нетерпения.

Что касается Ольги, то оставалось надеяться, что я застану ее дома. Хорошо. Сотниченко позаботился узнать точный адрес.

Легкий по помин инспектор позвонил как раз в тот момент, когда Рита Елецкая, вызванная повесткой на девять утра, переступила порог кабинета.

Я показал ей на стул, но она осталась стоять у двери.

Понадобилось некоторое время, чтобы понять, о чем говорит Сотниченко. У меня были все основания заподозрить его в том, что он специально выбирает телефонные аппараты с плохой слышимостью.

— Алло! Алло! Это Скаржин? — Его голос пробилась сквозь гул и треск на линии. — Алло! Вы слышите меня, Владимир Николаевич? Они уже там, уже там, поняли? — Откуда-то в телефонную трубку прорвался писк морзянки. Было слышно, как Сотниченко воюет с аппаратом. — Здесь собралась очередь, Владимир Николаевич... у меня мало времени. Специалисты уже там, вы поняли?

— Все понял, — сказал я, но он вряд ли слышал меня.

— Они в доме. Все в доме. Вы поняли? Буду звонить позже. — Он чертыхнулся, вешая трубку.

— Присаживайтесь, — предложил я Елецкой.

— Мне кажется, это какое-то недоразумение, — сказала она, не трогаясь с места. — Я не рассчитываю долго задерживаться у вас.

— Боюсь, что двумя минутами мы не обойдемся, — возразил я. — Вопросов у меня к вам много.

Она вздернула плечи, походкой манекенщицы прошла через кабинет и села.

Рисунок Валерия СМЕРНОВА

— Какие же сведения вы рассчитываете получить от меня? — Рита говорила тоном, не оставляющим сомнений в ее артистических способностях и желании их продемонстрировать. Сейчас она была само Удивление.

— Меня интересует ваш приятель Юрий Вышемирский. — Я не видел необходимости играть с ней в прятки, к тому же был уверен, что Коробейников извещил ее, о чем говорили с ним работники милиции.

— Мы с Юрием были знакомы — это верно, но что из того? — приторно удивилась она. — У меня множество знакомых, почему вас интересует именно он?

— У меня сложилось мнение, что вы были не просто знакомы.

Вряд ли моя реплика понравилась ей. Тем не менее Елецкая решила перевоплотиться в Снисходительность и сделала это профессионально.

— Я певица, — вздохнула она. — У меня, да будет вам известно, нет личной жизни.

— А поклонники?

— О, их всегда больше, чем нужно. Мужчины тщеславны и падки на все, что труднодостижимо. От Риты исходил стойкий дух светскости.

— Среди ваших знакомых есть мужчины, думающие иначе, — осторожно заметил я.

— Кто же это? — рассеянно спросила она.

— Михаил Мендозов, например.

Самообладанию Елецкой можно было позавидовать. Слово невидимый суфлер подсказал ей реплику из несуществующей пьесы:

— Ох, уж эти современные мещане! Они непобедимы, как клопы, и лживы, как нильские крокодилы.

Не нравилось мне начало разговора, не нравились ее афоризмы, не нравилась и сама Рита, но у нас, в милиции, как известно, собеседника не выбирают.

— Тем не менее Мендозов утверждает, что вы знали Вышемирского не менее десяти лет.

— Стаж важен для пенсии, — нравоучительно изрекла Елецкая. — В личных отношениях он не имеет решающего значения.

— Вы правы. Но о ваших отношениях с Вышемирским говорит не только Мендозов.

— Дела давно минувших дней, преданья старины глубокой, — процитировала Рита.

— Зотов, приятель Вышемирского, поделился с нами и более свежими сведениями.

Что-то случилось с суфлером, он искал и не находил подходящей реплики, но Рита на свой страх и риск мужественно вела сцену к счастливому финалу.

— Мендозов — моя первая и последняя ошибка. — Она, кажется, входила в образ кающейся грешницы. — Каждая женщина имеет право на ошибку. Совершив ее, она или исправляется, или идет по дурной дорожке.

Я был равнодушен к мелодраме. Кроме того, меня начинало раздражать пустое препирательство. Пришлось изменить тактику.

— Я не совсем понимаю, Рита, что заставляет вас так упорно отрицать очевидное. В доме Вышемирских совершено преступление, и если вы хотите внушить нам подозрение, если хотите, чтобы мы усомнились в вашей непричастности к нему, пожалуйста, продолжайте. Я вас внимательно выслушаю.

Суфлер, по всей видимости, бросил заранее заготовленный текст с афоризмами и обобщениями и покинул будку.

Она закурила сигарету, затянулась, не обращая внимания на то, что делает это некрасиво. «Неплохой симптом», — подумал я.

— Дурацкий характер: если мне показывают на белое, я обязательно говорю, что это черное. — Она еще раз глубоко затянулась. — Во мне сидит дух противоречия. Спрашивается, какого черта я связалась с Вышемирским! Как старуха, осталась у разбитого корыта. С самого раннего детства он преследовал меня своей любовью. Выслеживал, подглядывал, как тень, ходил по пятам, потом стал назначать свидания. Я опаздывала на полчаса, на час, на полтора, а он все равно ждал... И с этим скотинной Мендозовым он меня познакомил, а когда узнал, что мы встречаемся, рыдал, как младенец. Ничтожество, тряпка! Упрекал, устраивал сцены ревности и сам же просил прощения... А недавно познакомился с какой-то девицей, наговорил мне кучу гадостей и ушел. И слава богу!

На кончике сигареты вырос столбик пепла. Елецкая точным и красивым щелчком сбросила его на середину пепельницы. Взглянула ли она играть новую роль? Пожалуй, нет, скорее, хотела высказаться.

— У меня голос. Понимаете? К нам приходят специально, чтобы меня послушать. Мужики прохода не дают, и, между прочим, у каждого машина, деньги. А он хотел, чтобы я в трамвае за три копейки домой ездила. Не от мира сего был юноша. Одевайся скромнее. Не надо ярко красить губы». Идиотизм! Я, говорит, люблю тебя, поэтому не общайся с посторонними мужчинами. А с кем общаться? С пассажирами в трамвае, со старухами у подъездов? Кто же против чувств? Но к ним должно прилагаться что-то посущественней... Да, да, и не смотрите на меня так. Приходится быть материалисткой.—Елецкая притушила сигарету.—Разве мне не хочется иметь семью? Хочется. Но что мог дать Вышемирский?

— Он был против брака с вами?
— Нет, но я поставила условие: выйду замуж только в том случае, если муж сможет меня обеспечить.

— Но Юрий хорошо зарабатывал.
— На комбинате?—презрительно фыркнула Рита.— Не смейте. Это крохи. С такой зарплатой не в ресторан, а в столовку ходить.

— Вас послушать, так в ресторан ходят воры.
— Я хочу сказать, что в рестораны должны ходить люди с деньгами.—Устами Елецкой говорила Умеренная дерзость.—Откуда брать деньги, мужчина должен решать сам, это не моя забота. Во всяком случае, на воровство я Вышемирского не толкала. Я имела в виду честно заработанные деньги.

— Поскольку вы продолжали поддерживать с ним отношения, можно сделать вывод, что Юрий исполнил ваше условие?

— Он добивался этого много лет,—ответила Рита и задумчиво закончила.—Вышемирский был настырным—этого у него не отнять.

— Достиг-таки материального благополучия?

— Только не спрашивайте как. Я не знаю. Он кидался из одной крайности в другую, пробовал сочинять рассказы, работал почтальоном, писал картины, а в итоге ничего не заработал. Но однажды, года два назад, пришел ко мне на репетицию в новом костюме, с цветами, и, представьте, у него были деньги...

3

Она заметила его еще издали, когда он вошел в пустой зал ресторана, но не подала вида.

— К тебе пришли,—сказал ей гитарист.

— Подождет,—небрежно ответила она.—Ему это полезно.

— Иди, иди, мы все равно должны поработать над вальсом. До вечера.

— Чао.—Она перекинула через плечо кожаную сумку и пошла к выходу.

— Рита, стой.—Юрий догнал ее в середине зала, протянул цветы.—У меня к тебе дело.

— Сколько раз тебя просить—не приходи на репетиции!—Она, не оборачиваясь, стремительно спускалась по лестнице.—Ты мне не муж и даже не любовник.

— Перестань, прошу тебя.—Он взял ее под руку.

— Отпусти, у тебя пальцы в краске.—Ей нравилось дразнить его.—Ну, ладно, пойдем, выясним отношения, но учти: раз и навсегда.

Они спустились на набережную и пошли по направлению к кинотеатру.

— Послушай,—начала она,—сколько лет ты ухаживаешь за мной, страдаешь, мучаешься—и все впустую. Мне жалко смотреть, как ты изводишь себя. Охота тебе время терять? Я, конечно, виновата—иногда, под настроение, разрешала быть ближе, чем следует, но это игра, это моя слабость. А ты все принимаешь за чистую монету...

— Не говори со мной так.—Он остановился у дебаркадера.—Не для этого я шел к тебе.

— А для чего?—Рита вздохнула.—Как не надоест, честное слово.

— Я не могу без тебя.

— А я могу.

— Неправда! Тебе было хорошо со мной. Разве не так?

Рита рассмеялась.

— Вспомнил! Это было тысячу лет назад.

— Не тысячу!—выкрикнул он.

— Тише, сумасшедший.—Она прикрыла ему рот рукой, и он тут же поцеловал ее ладонь.—Сумасшедший,—повторила Рита и несколько раз похлопала его по щеке.—Веди себя прилично. Ну, что ты предлагаешь? Что?!

— Выслушай меня.—В голосе Вышемирского прозвучало что-то такое, что заставило ее прислушаться.—Мы уедем с тобой, уедем куда-нибудь к морю. Будем жить красиво и честно...

— Старая песня. Чудак, где ты возьмешь средства на честную жизнь?

— У нас будут деньги...

— Откуда? Ты что, мальчик, жилу золотую нашел?

Не спуская с нее глаз, он вытащил из кармана пухлый бумажник. Оттуда торчала пачка сторублевых купюр.

— Где ты взял столько?—испугалась Рита.

— Неважно. Я сделал это ради тебя... Закрой глаза...

Она выполнила его просьбу, и он вложил ей в ладонь свернутые вчетверо бумажки.

— Что это?

— Билеты.

— Куда?—растерялась она.

— На юг!—Он широко развел руки.—Завтра мы летим к морю!

— Ты сошел с ума!

— Да, сошел! Если бы ты знала, как приятно сходить с ума...

4

— И вы поехали?—спросил я.

— Да, я взяла отпуск за свой счет,—ответила Елецкая.—Полторы недели мы пробыли в Крыму, оттуда вылетели в Сочи. Отдыхали там дней десять, но в конце концов поссорились и вернулись.

— Из-за чего произошла ссора?—спросил я.

— Он настаивал, чтобы мы оформили наши отношения.

— А вы были против?

— Нет, но прежде я хотела знать, как он зарабатывал деньги.

— А вы осторожная женщина,—заметил я.

Елецкая восприняла мои слова, как комплимент, и добавила:

— А зачем мне рисковать? Откуда известно, насколько надежен источник, из которого он брал деньги?

— И какую же сумму вы потратили за время своего путешествия?

— Не больше тысячи,—небрежно бросила Рита.

— Ваша предусмотрительность была излишней. С таким аппетитом любой источник мог быстро иссякнуть.

— Осторожность—качество умных людей,—сказала она, и я отнес эту фразу на счет суфлера, занявшего свое место в будке.

— Он сказал вам, где взял деньги?

Очевидно, я поспешил задать этот вопрос. Она отрицательно покачала головой, но чувствовалось, что в запасе есть и другой ответ. Что ж, подождем. У меня были все основания считать, что главный разговор у нас еще впереди.

— Вы только не воображайте, что я встречалась с ним из-за денег.—Елецкая попробовала сыграть Бескорыстие.—Мне, к примеру, неприятно брать пятерки, которые сулят в ресторане, заказывая музыку... Юра нравился мне, я знала его много лет, привыкла к нему и по-своему любила. Если он долго не приходил, я скучала. И не моя вина, что он нашел себе другую...

«Очень трогательно,—подумал я.—И главное—какая последовательность!»

— Скажите, Рита, у Коробейникова есть машина?

— У Коробейникова?—Рита сделала удивленные глаза.

— У директора музея, в котором работает ваш дядя. Только не вздумайте отрицать, что вы с ним знакомы, не говорите на белое черное.

— У него есть машина.—Она была само Безразличие.—Иногда он подвозит меня домой.

— Как вас понимать? Вы встречаетесь?

— Да, мы встречались.

«Универсальное словечко»,—отметил я про себя.

— Расскажите подробней, когда и по чьей просьбе вы заказали Юрию копию с картины.

Это было один из главных вопросов, и от того, ответит на него Елецкая или нет, зависело очень многое. Она ответила. Из страха ли, из расчета, глупости или неискренности—не знаю, хотя все-таки есть причины.

— Это было незадолго до нашей поездки в Прибалтику,—тихо сказала она.—Олег Станиславович, мой дядя, у которого я живу после смерти отца, любит живопись, вообще интересуется искусством,—он узнал, что я встречаюсь с Юрием...

Надо было закрепить успех.

— Как ему стало известно это?

— Юра несколько раз заходил за мной домой.

— Дядя одобрял ваш выбор?

— К Юрию он относился равнодушно.

— Здоровался с ним?

— А как же. Один раз они даже сцепились из-за живописи, и дядя назвал его профаном.

— Продолжайте, пожалуйста.

— Дядя попросил, чтобы я заказала Вышемирскому копию с одной из тех картин, что висят у него дома.

— Почему он сам не попросил?

— Может быть, из-за той ссоры?

— Он просил сделать копию с любой картины или сказал с какой?

— Картина называлась «Зима в деревне», а кто автор—я не знаю. Дядя называл, но я забыла. Там еще такой снег голубой и телега кака-то едет. Вышемирский сделал копию. Я отдала ее дяде, а он сказал, чтобы я повела Юрия в ресторан и поужинала с ним. Дал пятьдесят рублей.

— Значит, копия ему понравилась?

— Наверное, раз она до сих пор висит у нас дома.

Все. Я был почти удовлетворен. Из ее ответов на множество мелких вопросов я, кажется, нашел один большой ответ. Но главная работа была все еще впереди.

— Как вы считаете,—спросил я,—Коробейников и Олег Станиславович хорошо относятся друг к другу?

Прежде чем ответить, Рита основательно подумала.

— Коробейников часто бывает у нас. По-моему, они друзья.

— А за что вы не любите своего дядю?—Вопрос был несущественный, второстепенный, но я позволил себе немного расслабиться.

— Злой он,—ответила она и тотчас спохватилась:—С чего вы взяли, что я его не люблю?

— Мне так показалось,—уклончиво ответил я.

— Вы ошиблись.—В ее глазах появились недобрые огоньки. Все-таки актриса она слабоватая.—После смерти отца он взял меня к себе. Поил, кормил, одевал...

— И все?

— А что еще?

— Угостите меня сигаретой,—попросил я и потянулся через письменный стол. При этом неосторожно задел скоросшиватель, и по полу рассыпалась стопка чистой бумаги.—Не беспокойтесь, потом подберу.

Я прикурил и уселся на место. Наступившую затем паузу Елецкая поняла по-своему.

— Если у вас все, разрешите мне уйти?—спросила она.—Я очень тороплюсь.

— Ну, если очень торопитесь...

Елецкая поднялась и пошла к двери. На этот раз ее походка мало походила на походку манекенщицы.

— Пойдите, Рита,—остановил ее я.—Еще один вопрос. Где вы были двадцать четвертого сентября?

— В какое время?

По ее застывшему в ожидании взгляду я понял, что попал в болевую точку.

— Скажем, после двух часов.

— Алиби устанавливаете?

Это была первая попытка уйти от ответа.

— Допустим, алиби.

— Значит, подозреваете меня в чем-то?

«Попытка номер два,—зарегистрировал я.—Будет и третья».

— Присаживайтесь,—предложил я, показывая на стул.—Я забыл отметить вашу повестку, да и протокол надо подписать.

— Вы совершаете ошибку,—предупредила меня Елецкая.

— Поживем—увидим. А пока постарайтесь ответить на поставленный вопрос.

Пока она возвращалась к своему стулу, я обошел стол и поднял лист бумаги. На нем четко отпечатался след обуви. Наш полотер может полы какой-то немислимо едкой красной мастикой, и иногда это стоит иметь в виду.

— Где-то я уже видел такой отпечаток,—высказался я вслух.

— Я не имею к вашим делам никакого отношения,—поспешила заявить Рита. Она заметно нервничала.

— Тем лучше. Остается узнать, где вы были в понедельник. Пустая формальность.

Я не хитрил, для меня это действительно была пустая формальность, так как не оставалось ни малейшего сомнения: Елецкая находилась в доме Вышемирских именно в критическое время, это след ее туфель остался на раскрытом томе из собрания сочинений Вальзака. Как называлась та вещь? «Настойчивость любви»? Я восстановил в памяти выводы из заключения криминалистической экспертизы: на клавише магнитофона в комнате Юрия обнаружены отпечатки пальцев женской руки. В комнате профессора после его смерти побывала только одна женщина. Значит, кассета с пленкой у Елецкой? Или у Юрия? А может быть, у Ольги Верещак? На этом область известного для меня заканчивалась. Я ждал, что скажет Рита.

Видимо, она тоже взвешивала свои «за» и «против».

— Кассета с вами?—спросил я так тихо, что сам едва слышал вопрос.

Рита не двигалась. Какую-то секунду длилось замешательство, потом она поспешно полезла в свою большую, похожую на торбу сумку.

— Сейчас, сейчас вы будете иметь доказательство... Я ничего не понимала в их делах...

Напряжение, в котором находился последние несколько минут, спало. Я не знал, радоваться мне или еще рановато. В том, что Рита носит кассету с собой, я не видел ничего странного. Если на пленке, по словам самой Елецкой, содержится доказательство ее непричастности к событиям, происшедшим в доме Вышемирских, а вызов в милицию связан тоже с Вышемирскими, разумней всего взять кассету с собой: надо будет — отдать, не надо — унести обратно...

Наконец она вытащила завернутый в целлофан пакет.

— Вот послушайте, и вы все поймете.

— Послушать успею, — как можно спокойнее сказал я. — А пока расскажите мне, какие дела связывали вашего дядю с Юрием.

От светскости Риты не осталось и следа, куда делась ее артистизм, сдержанность. Она готова была рассказать все, лишь бы быть подальше от этой комнаты, от следователя, от милиции. Ее теперешнее состояние можно было назвать одним словом — паника.

— Они темнили, оба темнили. Помните, я говорила о картине «Зима в деревне», — зачастила она. — Так вот, через некоторое время Олег Станиславович послал через меня для Вышемирского обернутую бумагой картину. То есть я не знала, была ли это картина, только догадывалась. Ну, в общем, послал сверток. Сказал, что Юрий все знает и должен передать такой же сверток для него. Все так и получилось. Потом мы с Вышемирским ездили отдыхать. В Крым, в Сочи — я уже рассказывала. Поссорились. Перестали встречаться. И дядя больше не обращался ко мне с просьбами...

— Как вы попали к Вышемирским двадцать четвертого сентября?

— Ах, да. Совсем забыла. — Елецкая жалко улыбнулась. — В понедельник я отнесла Вышемирскому записку. По просьбе дяди. Я была у него, как на посылах. Что у них произошло, не знаю. Дядя сказал, что Юрий не отвечает на его телефонные звонки...

— В котором часу вы встретились?

— Где-то около половины пятого или немного позже. Я вошла во двор, заглянула в окно. Юры не было. Тогда я стала ждать на улице.

— Вы могли передать записку профессору или оставить в почтовом ящике.

— Дядя предупредил, чтобы я отдала конверт Юрию в руки и без ответа не возвращалась.

— Долго вам пришлось ждать?

— Нет. Минут десять. Я увидела, как он вышел из автобуса, зашла в дом следом за ним. Отдала конверт. Он прочел записку, стал ругаться, сказал, что я с дядей из одной шайки, а я, честное слово, не знала даже, в чем дело. Понятия не имела, какие у них с Олегом Станиславовичем дела...

Рита продолжала уверять меня в своей кристальной чистоте. Ничего удивительного в этом не было, но ей надо было дать выговориться. «Вот, — думал я тем временем, — дождался. Сейчас все станет ясным и понятным». Но, видно, снова поспешил. Ясным стало далеко не все.

— Он оставил меня в своей комнате, а сам, не сказав ни слова, ушел. По-моему, он был выпивши. — Елецкая говорила то очень быстро, то вдруг останавливалась, словно заново переживала свои ощущения четырехдневной давности. Чувствовалось, что я первый, кому она рассказывает эту историю. — Я не могла понять, в чем дело. Вижу, на кровати валяется распечатанный конверт и рядом дядина записка. Я, конечно, прочтала. Дословно не помню, но смысл был такой: если Юрий не сдержит своего слова и не отдаст то, что обещал, он, дядя, сообщит обо всем в милицию. Я вышла в прихожую и услышала голоса. Они доносились из комнаты Юрино отца. Мне стало любопытно...

— О чем они говорили?

— На пленке все должно быть записано, — ответила Рита. — Я тогда ничего не расслышала. Отец Юры заметил меня. Я растерялась и спросила Юру, сколько мне его ждать. Он ответил грубостью, и я сразу вернулась в комнату, но перед этим успела увидеть, что рядом с окном стоит магнитофон.

— Как вы догадались, что он работает в режиме записи?

— Горел зеленый глазок. Я хорошо знаю эту марку, у нас в ресторане такой же.

— Вы вернулись в комнату Юрия, и что дальше?

— Минут через пять — десять он пришел. Сунул мне в руки пачку денег и сказал: «Здесь ровно пять тысяч. Передай своему дяде, что мы в расчете. Пусть оставит меня в покое. А теперь убирайся, я не хочу тебя видеть». Он вытолкнул меня из комнаты и закрыл дверь. — Рита потянула носом, собираясь расплакаться. — Я поняла, что влипла в какую-то грязную историю. Родной дядя втравил, спасибо ему. Пять тысяч не шутка, такие деньги ни за что не

платят. Я не святая, конечно, но и не преступница какая-то, мне себя спасти надо было...

— Почему вы сразу не ушли?

— Деньги хотела вернуть. А кому я могла их отдать? Юрка заперся у себя и не открывал. Тогда я решила отдать его отцу. Вошла в комнату, и вот тут... тут... — Елецкая всхлинула и промокнула краем носового платка уголки глаз. — Он был мертвый. Я чуть не заорала от ужаса, бросилась бежать, а потом... потом вернулась и забрала кассету с пленкой.

Я не стал спрашивать, зачем она это сделала. И так было понятно: защитный рефлекс сработал раньше, чем она осознала все последствия своего поступка. Вряд ли она сразу сообразила, что к чему: запись беседы отца и сына Вышемирских — лучшее доказательство ее непричастности к смерти профессора. Это произошло потом. Должно быть, все эти дни Рита хранила пленку как зеницу ока. Сама она кассету, безусловно, не отдала бы, но достаточно было намека на то, что проверяется ее алиби, как она поняла: это тот самый случай, когда надо играть в открытую.

Краем глаза я посмотрел на план, составленный три дня назад. В графе «выполнено» стояли сплошные галочки, а вот чувства удовлетворения не было. Не было и ощущения, что дело закончено...

5

Как обычно, Сотниченко выбрал для звонка самый подходящий момент. Он связался со мной около четырех дня, за секунду до того, как я, прихватив кассету с пленкой, собрался спускаться вниз, где в машине меня ждал Костя.

— Алло! Владимир Николаевич! Все в полном порядке! — То ли телефон исправили, то ли он звонил из другой будки: слышимость была отличная. — Из-за вас я испортил с экспертами отношения...

Он прикрыл трубку рукой, и мне не осталось ничего другого, как, набравшись терпения, ждать.

— Безобразия! С человеком не дадут поговорить, — раздался возмущенный басок инспектора. — Алло! Владимир Николаевич, я звоню из автомата на конечной. Здесь снова собралась очередь...

Всякому терпению есть предел. Я не выдержал:

— Ты скажешь наконец в чем дело?

— Я о заключении, — мгновенно выдал он. — Оно уже готово. Не заключение, бомба! Мне ехать в отдел или ждать вас?

— Оставайся. Через полтора-два часа мы подыдем.

Я опустил трубку и пошел вниз. Надо было спешить: самым важным сейчас было время, его оставалось катастрофически мало.

Минут через пятнадцать мы въезжали в один из микрорайонов города. Девяти- и четырнадцатизэтажные корпуса издали были похожи на аккуратно выполненный макет из мастерской архитектора, только травы и деревьев на макетах, пожалуй, бывает чуть больше. Мы промчались мимо «Универсама», стоявшего на центральной площади микрорайона, свернули раз, потом еще и оказались на улице Космической — так гласила табличка, прибитая к фасаду крайнего дома. Это была не совсем обычная улица — улица с домами по одной стороне. По другую расстиралась голая степь. Здесь проходила граница города. И судя по скопленню строительной техники, временная граница.

Нужный дом оказался семнадцатизэтажной «свечкой». Прямо через дорогу все было белым от полевых ромашек. Вид подъезда и снаружи и внутри красноречиво говорил о том, что дом заселен недавно. Лифт еще не работал, стены пахли краской. На втором этаже, куда мы поднялись, в углах оставались кучки строительного мусора.

Позвонили — и сразу открылась дверь соседней квартиры. Оттуда, как чертенок из табакерки, вынырнула средних лет женщина и внимательно, не мигая, осмотрела нас с ног до головы. Я догадался, что это тот самый источник информации, которым в среду воспользовался Сотниченко.

— Звоните дальше, — посоветовала женщина. — Оля дома, она готовится к экзаменам.

«Вот это осведомленность, — подумал я. — Что же будет лет через пять, когда она обживется здесь?» Эта мысль не помещала мне воспользоваться советом и позвонить понастойчивей.

Дверь девятой квартиры открылась, и сразу закрылась дверь соседней. Мы представились девушке, одетой в цветастый халатик.

— Оля, — назвала она себя и проводила нас в просторную, оклеенную полосатыми обоями комнату, усадила на стулья и села сама.

— Вы, наверное, по тому же делу? Позавчера я говорила с вашим товарищем.

— А я понял так, что говорил больше он, а вы предпочли отмалчиваться.

Ответ Верещак прозвучал почти как признание своей вины:

— Я неважно себя чувствовала и голова болела, так что могла что-нибудь напутать, вы уж извините.

Что ж, инициатива была в наших руках. Оставалось этим воспользоваться.

— Юра передавал вам привет, — сказал я.

На щеках девушки мгновенно вспыхнул румянец.

— Вы видели его? — Она произнесла всего три слова, но их хватило, чтобы понять ее отношение к Вышемирскому: так внезапно кровь отхлынула от ее лица. — Он арестован?

— Нет. Он звонил вам на работу.

— Когда?

— Сегодня утром.

— Откуда он звонил?

На этот вопрос я не ответил. В конце концов кто из нас следователь: я или она? Словно угадав мои мысли, Оля не стала настаивать на ответе.

— Я понимаю, вы ждете от меня откровенности, — сказала она. — Даже не знаю, как быть. Мы договорились... Я не могу подвести человека, которого люблю.

Сложная ситуация. Я не знаю, как поступил бы на ее месте. Надо было убедить Олю, что ее откровенность в любом случае выгодней для Юрия, чем ложь.

— Хорошо, я помогу вам. Нам известно, где он находится. — Я протянул девушке свою раскрытую записную книжку. — Читайте.

По выражению ее глаз я понял, что Оле знаком и адрес и телефон. Запись подействовала на нее, как пароль, по которому узнают своих.

— Я отдам вам то, что оставил Юра. Но прежде... прежде вы должны знать все, что о нем знаю я.

Она откинула назад свои длинные волнистые волосы, и я совсем некстати подумал, что Сотниченко был, пожалуй, неправ, когда сказал, что Оля — девушка из «домашних». Она умела постоять не только за себя.

— Так будет справедливо, ведь он доверяет мне потому, что я ему верю. — Она повернулась вполоборота к окну. — Давно, еще до нашего знакомства, с Юрой произошла какая-то неприятная история. Какая — он скрывал, говорил только, что скоро избавится от своего долга. Я спрашивала, может быть, нужны деньги? Он отвечал, что деньги ни при чем и что скоро он мне все расскажет. Я была уверена, что речь шла не о преступлении.

— Почему? — поинтересовался я.

— Да потому, что не способен он на преступление. Он мог уступить, совершить проступок... Характер у него капризный, действия не всегда последовательны, сегодня он может утверждать одно, завтра — другое. В нем будто борются два разных человека. То он кажется наивным, беззащитным. То вдруг становится циничным, скрытным, жестоким. В такие минуты я теряюсь, не могла понять, какому Юрию мне верить... — Она перевела дыхание. — Видите, я от вас ничего не скрываю, но, верьте мне, он скорее жертва, чем преступник. Если моего слова вам мало, я могу сказать, что говорил мне профессор, его отец.

— Что же он вам говорил?

— Он сказал, что чувствует вину перед Юрой, потому что уделял ему мало внимания, не смог воспитать таким, каким хотела его видеть мать...

— Вы виделись в понедельник? — спросил я.

— Да. Мы с Юрой не встречались несколько дней. Я начала беспокоиться. Домашний телефон не отвечал. Я поехала на Доватора.

— В котором часу это было?

— В обеденный перерыв, между часом и двумя.

— Он был дома?

— Нет. Дома был его папа. Я постеснялась сразу спросить о Юре, ведь он не знал, что мы встречаемся. Мы поговорили о предстоящей сессии, он поинтересовался, что нового на факультете, спрашивал, как я живу, куда пойду работать после окончания института, а потом без всякого перехода сам заговорил о сыне. Не знаю, что со мной случилось, нервы, что ли, сдали. Когда он заговорил о Юре, я разревалась. Иван Матвеевич стал успокаивать, спрашивает: «Кто тебя обидел, доченька?» Тут меня и понесло...

— Как я могла так расслабиться? Знала же, что у него большое сердце...

— Вы рассказали ему о ваших отношениях с Юрой?

— Да, я сказала, что уже четыре дня он не дает о себе знать. — Оля резко повернулась к нам. — И еще... я сказала... что у нас... что у нас будет ребенок.

Представляю, чего стоили ей эти слова.

— Юрин папа долго молчал, потом погладил меня по голове и сказал: «Ни о чем не беспокойся, дочка. Пусть у тебя будет одна работа — беречь себя и моего внука». — Голос девушки задрожал, но она взяла себя в руки. — В половине шестого ко мне на работу позвонил Юра...

Окончание следует.

Откровенный разговор

1145 откликов получила редакция на письма москвички Циганковой и школьника Вити из Владивостока

Мы заканчиваем наш спор о предназначении музыки, и, конечно, хочется подвести его итоги. Все без исключения письма отличают заинтересованность, горячее желание не просто высказаться «по поводу», а попытаться глубоко проанализировать обе точки зрения.

Бывает, даже в жарком споре можно обнаружить нечто общее в различных, казалось бы, мнениях и аргументах — два же этих письма диаметрально противоположны. И в этом плане радует, что большинство читателей не приняли тон взаимоисключающих высказываний. Многие старались найти некую золотую середину, как-то примирить юношеский максимализм Вити с искренним возмущением взрослого, умудренного жизненным опытом человека, давно определившего для себя эстетические ценности.

Правда, была и бескомпромиссная почта, в которой страстно, бурно отвергалась та или другая точка зрения. И что ведь показательно, Витя, — твои сверстники чаще принимали сторону Циганковой. Стоит задуматься, а?

Теперь о золотой середине — возможна ли она тут? Думается, нет. Каждый человек имеет право на собственные, отличные от других людей вкусы. Но не должен судить свысока и поверхностно о том, что им не любимо, а тем более отвергать. Это в твой адрес, Витя. А вот в письме Циганковой, даже при ее слишком уж острой реакции, угадывается за строками та самая мысль, что приводит бурное столкновение к спокойному исходу. Вот она: «Я не к тому, что «Боги М» или «АББА» — это плохо. Правится — слушай, никто у нас зарубежную музыку не запрещает. Но позволительно ли при этом не знать творений гениев?!»

Бесспорно — и во многих письмах встречается эта мысль. — нельзя считать себя эрудированным человеком, не зная фундамента, на котором зиждется культура, то есть не зная произведений классики, будь то литература, живопись или музыка. Но и человек, который огульно отвергает современную музыку, вероятно, также не может претендовать на звание культурного.

Само, кстати, разделение музыки, столь часто встречающееся в ваших письмах, на серьезную и легкую неправомерно по самой глубинной сути. А к чему тогда причислить вальсы Штрауса, оперетты Кальмана?! Есть только серьезная музыка — в смысле серьезной работы над ней композиторов и исполнителей. И не следует делать никаких «облегчений» в угоду проходным, споминутным произведениям.

Поэтому-то в натиске всевозможных рок- и джаз-ритмов нужно трезво разобраться, дабы суметь отличить зерна от плевел и не захлестнуть свою память мусором, подделкой под искусство. Чтобы не утонуть в потоке современных ритмов, выход один — нужны знания, почерпнутые из книг, статей, из непосредственного общения со знатоками. И здесь не обойтись без музыкального самообразования. Оно потребует, конечно, труда. Но не жалейте затраченных усилий — они помогут вам слышать Музыку.

Витя из Владивостока пишет: «Кое-что понимаем, кое в чем разбираемся, и даже не против кое-что узнать от вас». И ведь кое-что, кое в чем... Я, когда прочтала это письмо, не бсудила Витю — мне стало жаль его. И как бы он ни петушился, чувствуется, что он не понимает музыку. А его скептическое отношение к серьезной музыке насторожило меня. Я считаю, что современный молодой человек должен знать классику.

Далее Витя пишет: «Где вы видели, чтобы десятиклассники весь вечер слушали Баха?». Я приведу такой пример. Когда я была в Риге, то пошла в Домский собор на концерт музыки Баха. Меня больше всего удивило то, что из всех присутствующих было около 90 процентов молодежи от 16 до 20 лет, которые затаив дыхание слушали орган.

Конечно, серьезная и легкая музыка — разные вещи. Но в них есть общее — душа. Душа музыки — это наша душа. Чем чище душа, тем ближе ей музыка.

Захарова Н., 20 лет, Минск

Каждый современный человек прямо-таки обязан знать выдающихся композиторов и их произведения, вошедшие в сокровищницу мирового искусства. Кроме того, каждый должен с первых аккордов, с первого такта узнавать, например, первый концерт Чайковского, «Лунную сонату» Бетховена, узнавать по «почерку» Шопена и Моцарта, знать увертюры и арии из известных опер.

Я работаю слесарем на заводе. К сожалению, у меня нет музыкального образования, но музыка для меня с самого детства — неотъемлемая часть жизни. Я посещаю музыкальную библиотеку, пополняю личную фонотеку произведениями эстрады и классики. Есть у меня записи современных советских и зарубежных ансамблей. Когда я слушаю зарубежную музыку и не узнаю ансамбль, я не очень стыжусь своей некомпетентности, но меня всегда оторчет, если я слушаю классическое произведение и не могу вспомнить имя автора.

Хотелось бы посоветовать Вите из Владивостока читать побольше о музыке, не чураться народных и классических произведений. Нельзя

просто любить современную музыку, нужно знать историю музыкального искусства. А вкус, я думаю, можно выработать постоянным прослушиванием. Сколько счастливых минут приносит общение с музыкой! И вдруг замечаешь, что научился в самом обыденном обнаруживать красоту, ранее не замеченную.

Гольдманис В. и мои коллеги, Полтава

Мне 29 лет. У меня сотни знакомых разного возраста, как говорится, от двух до пятидесяти. Но среди них я не могу назвать хоть одного человека, который любил бы классику. От этого мое уважение к ним отнюдь не уменьшается. Да и почему бытует мнение, что человек обязан любить симфоническую музыку? Миллионы людей — миллионы вкусов, привычек, симпатий.

Лично я люблю советские эстрадные песни. Не увлекаюсь западными рок-группами, но и не люблю классику, хотя мне и нравятся некоторые произведения Бетховена, Моцарта, Баха. Некоторые! Но не весь, например, Чайковский. Взять программу «Время». Ту часть, где информируют о погоде. Ну что может быть хорошего в этой заунывной музыке? «Времена года»! Сонное царство какое-то.

Вот так и молодежь. Ей поданай ритм, а не унылые «Времена года». Но вовсе не все молодые увлекаются «Смоками». Вот мы обмениваемся записями, и в основном это современные советские песни. И нечего стыдиться ребят, если они не узнали автора «Итальянского каприччио». От этого они не стали хуже.

Алешина В., г. Макеенка

С мнением Вити о классической музыке я не согласен. Мне не нравится его пренебрежительное отношение к ней. Он глубоко заблуждается. По-моему, есть серьезные произведения, от которых очень много можно получить. Постигать их — одно удовольствие. Я, например, могу хоть вечно слушать органную и клавишную музыку. Так что, Витя, не вся молодежь увлекается эстрадой. Многим дорога классика.

Ю. Ш., ученик 8-го класса, Свердловская обл.

В адрес открытого на страницах журнала «Смена» музыкального клуба приходит множество писем с вопросами, обращенными к популярным композиторам, музыкантам, певцам. В частности, читатели журнала интересуются творчеством заслуженной артистки РСФСР Аллы Пугачевой.

Журналист Михаил Шлагин встретился с Аллой Пугачевой и задал ей вопросы, наиболее часто встречающиеся в читательской почте.

— Как вы относитесь к популярности? Не тягостит ли она вас?

(Об этом спрашивают Л. Сорокина из Ленинграда, Т. Гасанова из Саратова, А. Летова из Саратовской обл.)

— Ответ останется прежним. «Я люблю быть популярным».

АЛЛА ПУГАЧЕВА:

РАБОЧ

ларным — это счастье; но я хочу быть полезным — это долг». Такие слова, кажется, Виктор Гюго сказал. И с ним трудно не согласиться. Сделанное тобой находит отклик у множества людей, за сотни и тысячи километров — вот оно, счастье артиста. Но отсюда же неизбежно вытекает долг — повышенное чувство творческой ответственности.

— После выхода фильма «Женщина, которая поет» вас иногда так и называют. Она и вы идентичны?

(Д. Новикова из Алма-Аты, Т. Каменецкая из Пермской обл.)

— Не совсем. Я думаю, что, когда речь идет о работе артиста, его творчестве, сценическом образе, необходимо отрешиться от всего житейски личного. Пишущим же о людях искусства почему-то свойственно стремиться ввести в материал бытовые черточки. То есть показать обыденного человека в обыденной обстановке. А в действительности личная жизнь артиста не столь уж важна...

— Не считая того, что сцена занимает в ней, безусловно, огромное место.

— В детстве я не мечтала стать актрисой. Но так получилось. Я выросла, становилась требовательнее к репертуару. В поисках новых выразительных средств стала применять различные актерские маски — то был период «Арлекино», «Посидим, покажем». Однако жажда откровенного, от первого лица, разговора с публикой не покидала меня еще с момента первого выхода на сцену. Постепенно я начала отказываться от масок. И к микрофону вышла «женщина, которая поет».

— Что же это за человек?

— Как раз об этом она и поет. А что не допоеет, так договаривает со сцены... Правда, я уже давно хочу создать такую программу, где мне говорить не пришлось бы. Все, о чем я пою, — искреннее выражение моих мыслей, моего отношения к жизни плюс отраже-

ние определенных музыкальных вкусов. Ритмы песни должны отвечать ритмам сегодняшнего дня. Я всегда так считала, но применительно к собственному творчеству не всегда умела доказать. Отсюда — почти десять лет относительной безвестности. Песни тех лет мне дороги прежде всего как свидетельство упорных поисков сценического образа. А пришедшая вместе с ним популярность — бесценное для актера средство контакта с публикой. Популярность делает образ убедительнее, помогает развиваться и созреть многим творческим идеям, решениям, которые, быть может, я лелеяла уже давно.

— **Чаще всего вы поете о любви.**

— А в чем еще так ярко проявляется каждый? Огромный душевный порыв. Обострение чувств. Без любви не было бы человека. И нет человека без любви. В исполняемых мною песнях она обязательно есть, если даже в словах не упоминается.

— **Нет ли здесь известного тематического самоограничения?**

— Ограничения, на мой взгляд, просто необходимы. Без них образа нет. Каждый певец должен ясно представить, что и почему он для исполнения выбрал. В самые трудные военные годы Клавдия Ивановна Шульженко оставалась верной себе — пела о любви. Но это было для нее органично, этого от нее ждали, здесь она была наиболее сильна. И песни Шульженко в конечном счете помогали ковать победу.

Среди моих самоограничений есть и такие: стремлюсь петь о лично пережитом, прочувствованном.

— **Ваша любимая песня?**

(Ю. Тарасов из Свердловска, М. Пучкова из Ленинградской обл.)

— Нелюбимых песен я не исполняю. Но самая любимая та, которую мы пели вместе с мамой в детстве. Со сцены я ее не исполняю. Это «Колыбельная Светланы» Тихона Хренникова. Надеюсь, что ее полюбит и дочь: я часто пою ей эту колыбельную.

— **Поговорим об особенностях, если так можно выразиться, технологии творчества. Тех, которые вы считаете для себя наиболее важными.**

ЕЕ МЕСТО-ЭСТРАДА

— Охотно. Хотя, наверное, я их представляю и оцениваю несколько субъективно. Но как иначе? Ведь они помогают в работе лично мне, а не другому... Прежде всего я готовлю себя к концерту, как к празднику. На сцене стремлюсь передать зрителю свой эмоциональный подъем. Стремлюсь раскрывать себя в каждой песне, не стараясь подделаться под чьи-то вкусы. Потому что убеждена: актеров, которые нравятся абсолютно всем, не бывает. Веду концерт с поправкой на зал. Самый идеальный из них для меня — зал Театра эстрады.

Наверное, кому-нибудь покажется высокопарным, но тем не менее перед выходом на сцену мысленно себе приказываю: «Сегодня нужно петь и говорить так, будто в последний раз». Заклинание способствует большей отдаче, откровенности, а фальши я боюсь больше всего.

— **У вас есть «свой» зритель?**

— Для меня все равны, кто сидит в зале. Те, кто попал в него случайно, ничем не хуже других. Конечно, я не ставлю цели обязательно всем понравиться. Но знаю: выступление на сцене — мгновение, его не вернешь. Раз вышла — сделай все, что в твоих силах, убеди в своей правоте. И останься собой.

— **Вас привлекает поэзия?**

— Очень... Переключка моего репертуара с книжной поэзией, конечно, не принцип, но... Песни на стихи Шекспира, Марины Цветаевой, Кайсына Кулиева и других хороших поэтов для меня как подарок.

— **Ваши песни ставит режиссер?**

(Г. Мышкина из Северодвинска)

— Нет, я сама. Но для программы режиссер необходим. Это одна из причин, по которой я учусь в Государственном институте театрального искусства на отделении эстрадной режиссуры. Близится дипломная работа, а стало быть, и новая программа.

— **Чем начался для вас этот год?**

— Гастролями по Сибири. Там и узнала, что «Смена» открыла музыкальный клуб. Очень этому рада. Думаю, что пресса вообще должна больше заниматься анализом состояния современной эстрады, так, как это делается в отношении оперы, балета... Необходимо не бойкие рецензии завлекательного характера, а материалы с размышлениями, критикой, где достижения певца были бы соотнесены с таковыми же у отечественных и зарубежных мастеров.

— **Как известно, откликнувшись на призыв «Комсомольской правды» о сборе книг для библиотеки Нечерноземья, вы подарили сто пластинок и написали: «Почему бы не создавать на селе и дискотеки — как одну из форм эстетического воспитания». О них много пишут, спорят, говорят. Что бы вы хотели добавить?**

— Дискотек сейчас много. Одной из главных проблем их создания обычно считается подготовка тех, кого зовут дискжокеями. Человек, который берет в руки микрофон, выступает перед людьми, безусловно, должен отвечать за свои слова, быть подготовленным, эрудированным. Но не надо превращать дискотеку лишь в некую форму лекторской работы (а есть и такая тенденция). То, что отечественные дискотеки в отличие от западных занимаются эстетическим воспитанием — прекрасно. Так и должно быть. Но нельзя его засушить — тогда идея себя скомпрометирует. Не случилось ли когда-то нечто подобное с молодежными кафе?

С другой стороны, эти кафе показали — тяга молодежи к клубному общению велика. А ведь дискотека — тоже своего рода клуб. Лекция — хорошо, но никто не возьмется утверждать, что танцы и разговоры под хорошую музыку на хорошей площадке — плохо... Про хорошую площадку я не случайно сказала. В каких помещениях звучит музыка и танцуют — очень важно. Дискотека — не просто столовая днем и клуб вечером. Ее помещение требует специальной организации, продуманного эстетического оформления, специальной акустической и световой аппаратуры, которую наша промышленность, к сожалению, еще мало выпускает.

— **Читатели много спрашивают о композиторе Борисе Горбоносе, имя которого было поначалу в титрах фильма «Женщина, которая поет».**

(Н. Качалова из Киева, Г. Шадрин из Красноярского края, А. Куренков из Псковской обл.)

— Еще до съемок я написала несколько песен. Чтобы музыкальная редакция «Мосфильма» отнеслась к ним беспристрастнее, сказала, будто их сочинил молодой, неизвестный композитор Борис Горбонос. «Что он, сам прийти не может?» — спрашивают. У меня целая легенда наготове: «Вот именно. Горбонос — больной человек. Живет в Люберцах. Страшный нелюдом». Чувствую — почти верят... Мчусь домой. Гримируюсь — усы, бакенбарды, очки и, естественно, мужской парик. Сажусь к роялю. Фотограф — мой знакомый — щелкает затвором. Утром приношу на «Мосфильм» снимок: композитор Борис Горбонос за работой.

Песни понравились. В Горбоноса поверили. Потом я узнала, и рядом с фамилией Александра Зацепина, написавшего к картине несколько песен, в титрах появилась моя. Больше того, мне поручили написать и фоновую музыку, я стала композитором фильма.

— **Серьезный конец шутилой истории.**

— Вернее, серьезное продолжение. Затевая мистификацию, я думала, что Горбонос — одна из моих сценических масок. Но песни понравились, стали приходить письма с просьбами продолжать работу над музыкой. А она уже стала для меня естественной, внутренне необходимой. Так же, как и работа над текстами песен, первый из которых — «Приезжай» — я сочинила на музыку «Бориса Горбоноса». На сегодня я написала, как композитор, музыку примерно к двадцати песням, нескольким фильмам.

— **Однажды на вопрос: «Считаете ли вы себя композитором?» — вы ответили, что по-прежнему чувствуете себя прежде всего певицей, которую репертуарный голод заставляет решаться на отчаянные шаги, и даже жалеете, что псевдоним раскрылся так быстро. Но при всем том рады, что наконец нашли композитора, с которым существу-**

Фото Владимира МУРАШКО

ет полное взаимопонимание. Остаются ли эти слова в силе? Ваши тексты к песням — тоже следствие репертуарного голода?
(А. Савостиков из Минска)

— Про свою музыку или тексты я обычно вспоминаю тогда, когда об этом спрашивают. Главное — чтобы песня получилась моя, а кто сочинил или сочиняет мелодию, слова — неважно. Совершенно не ставлю перед собой задачи стать композитором или поэтом. Но, как певица, хватаюсь за каждую рифмованную строку, музыкальную фразу, если они кажутся со-звучными моему сценическому образу, тем чувствам, которые стремлюсь довести до зрителя.

...Знаете, Горбонос подсказал мне еще одну важную, на мой взгляд, тему. Хотелось бы и ее затронуть.

— Давайте попробуем.

— Став еще никому не известным композитором Горбоносом, я сразу же неожиданно для себя поднялась на недосягаемую высоту по сравнению с певицей Аллой Пугачевой — с точки зрения авторских прав. Тысячи раз я выходила к микрофону и никогда не задумывалась, насколько плохо охраняются права исполнителей по сравнению с писателями, композиторами. Допустим, передают по радио или по телевидению песню в моем исполнении, запись которой давно, что называется, морально устарела. Если автор слов или композитор позвонит или напишет на студию, песню мгновенно изымут из репертуара — так требует закон. Если же я позвоню, мне могут сказать: «Знаете ли, авторы против того, чтобы снять эту песню». И мое мнение не будет принято в расчет.

Я не юрист и не могу давать какие-то конкретные рекомендации по затронутой проблеме. Но убеждена, что право исполнителя должно защищаться законами, как, кстати, это практикуется, насколько мне известно, в ряде социалистических стран. Выиграет не только исполнитель, но и зритель: появится дополнительный стимул к поиску оригинальных творческих решений.

— Несколько слов о пластинках. Нередко песни для грамзаписи берутся из кинофильмов. Вы сами принимаете участие в формировании этих альбомов?

— Я стараюсь относиться к новому диску не менее серьезно, чем писатель к своей новой книге. Сама отбираю песни, определяю их порядок, слежу, чтобы оформление соответствовало идее диска и создаваемому мной на эстраде сценическому образу. Стараюсь снабдить пластинки подходящими названиями. «Зеркало души», на мой взгляд, — одно из таких. К диску «Арлекино» и другие» я написала послесловие, пластинке «Поднимись над суетой», которая вот-вот выйдет, предпослан стихотворный эпиграф.

— Вы по-прежнему снимаетесь на телевидении?
(В. Орлов из Курской обл.)

— Летом прошлого года финские телевизионщики сняли фильм, который называется «Алла ла», в переводе — «У Аллы». Работа над этой картиной принесла мне много переживаний. Я человек эмоциональный, взрывчатый. А съемочная группа подобралась — такие типичные, знаете ли, финны, серьезные, обстоятельные и даже мрачноватые с виду люди. Мой юмор, реплики, песни не вызывали у них какой-либо видимой ответной реакции. Сдержанное молчание, такие же взгляды. Я поняла: несовпадение творческих темпераментов. Однако честно выполняла условия контракта, стараясь не показывать перед камерой обуревавших меня сомнений... Когда потом из Хельсинки прислали пленку с копией фильма, я была поражена, увидев, каким непринужденным, очаровательным он вышел. Сомнения не оправдались, пришло чувство творческого удовлетворения... Эту картину увидят и советские телезрители.

— Что для вас главное при выступлениях для зарубежных зрителей, слушателей?
(Семья Поляковых из Донецкой обл.)

— Хочется как можно полнее использовать все, что сегодня умею и могу, для того, чтобы советская песня — желательна на русском языке — стала популярной в мире международной эстрады, конкурентоспособной. В отличие от многих певцов я пою только песни советских композиторов. «Арлекино» — исключение, которое подтверждает правило. Именно советская песня сделала популярными многих певцов у нас в стране, и заботиться о ее судьбе, престиже за рубежом мы просто обязаны.

Советская эстрада, по моему, готова выйти на международную сцену. За последние годы сделан мощный рывок вперед, появились интересные исполнители, композиторы. Что показателно — есть. К сожалению, не все это понимают. Думается, существует еще некая инерция мышления, психологическая неподго-

товленность, что ли. Допустим, появился популярный исполнитель классической музыки, оперный солист, балерина. То, что их достижения представляют некую ценность для страны, всем понятно, они быстро получают всякого рода творческую, организационную поддержку. Но как только речь заходит не о классике, а о современной отечественной эстраде, картина резко меняется. Предложения из-за рубежа о покупке моих пластинок сначала были встречены даже с изумлением. Неужели наша эстрада там кому-то нужна, читала я на лицах. Поверьте — нужна! Это вопрос очень серьезный. Работа артиста, художника, писателя и вытекающая из нее популярность несут в себе заряд огромной силы, и использовать его надо уметь по-государственному как у нас в стране, так и за рубежом. Мои пластинки вышли в Болгарии, Англии, Японии благодаря хорошо знающим свое дело людям из фирмы «Советское искусство» Министерства внешней торговли СССР, занимающимся продажей лицензий. Мои последние зарубежные выступления состоялись главным образом по инициативе Центрального телевидения... Уверена — знакомство зарубежных зрителей и слушателей с артистами советской эстрады должно быть планомерным и продуманным.

— Ваши творческие планы?
(Около тысячи писем)

— После выхода фильма «Женщина, которая поет» я получила несколько предложений с киностудий — сниматься. Роли были интересные, но мечтаюсь об образе, психологический рисунок которого был бы мне созвучен. Сейчас такой сценарий появился. Его условное название — «Рецинал», то есть концерт почетного гостя в рамках фестиваля эстрадной песни. Картину будет ставить на киностудии «Мосфильм» режиссер Александр Стефанович, известный зрителям по фильмам «Дорогой мальчик» и «Пена». Сценарий написан им совместно с кинодраматургом Александром Бородинским. Сюжет будущей ленты достаточно драматичный и сложный. Скажу лишь, что это рассказ о судьбе художника в современном мире, его ответственности перед обществом. Главная героиня в силу ряда причин должна расстаться со сценой. Она понимает это и своим последним выступлением как бы подводит итоги своей творческой жизни.

Вообще же о своих творческих планах говорить не люблю. Готовя песни, все время стремлюсь внести что-то новое, экспериментирую, рискую — и, конечно же, не всегда удачно. Поэтому рекламировать заранее то, что еще находится в процессе работы, считаю неверным. Должна сказать, что у меня в запасе, как правило, имеется примерно десять готовых, но еще неизвестных широкой публике песен — я стараюсь выпускать их в свет постепенно. Так обстоит дело и сейчас. Минувший год прошел с большим творческим подъемом, нынешний не уступает ни по интересу, ни по напряжению.

...Чувствую, напоследок вы приготовили вопрос и о грядущих сюрпризах. Увы, раскрыть их раньше времени — значит разрушить то, что называется эффектом неожиданности, а вместе с ним и часть сценического образа. Скажу только, что они есть, читатели их увидят и услышат.

***

Алла Пугачева спешила: ее ждали дорога, новые гастролы. И когда эта беседа была подготовлена к печати, ее в Москве уже не оказалось. Между тем меня не покидало чувство, что тема разговора, подканная читательской почтой, не исчерпана. Во многих письмах (а их на имя актрисы в редакцию пришло около тысячи) так или иначе варьировались вопросы — какая она, Алла Пугачева, вне сцены? Как начала петь?

На второй из них ответить несложно: Алла Пугачева закончила 8 классов, а затем, в 1969 году, музыкальное училище имени Ипполитова-Иванова. Была концертмейстером в цирковом училище. Хотела поступать в Московскую филармонию — не приняли. Взяли в Липецкую. Выступать начала еще в 16 лет — с песней «Робот», но, поняв, что пока не готова к эстраде, временно порвала с нею. Первая «ее» песня — «Посидим, покажем». С нею и вышла на Всесоюзный конкурс.

А вот как Алла Пугачева вне сцены, ответить не просто. Задумчивая и энергичная. Серьезная и в то же время любительница пошутить. В одной беседе с ней, записанной мной на диктофон вскоре после победы певицы на фестивале в Сопоте, Пугачева рассказала, сколько радости в трудную минуту доставило ей письмо с маленькой железнодорожной станции. Глава семейства, уже молодой человек, писал, что поселок от них далеко, общаться особенно не с кем, кроме как с телевизором. «Все мы вас так любим», — добавлял он. — «А наш кот Васька — особенно. Как вы на экране, он на телевизор только и смотрит, прямо не знаю, что делать». Актриса отправила по обратному адресу две весточки: одну — автору письма, другую, — разумеется, в шутку, на имя...кота

Васьки. И получила ответ: «Алла Борисовна, что же вы такое натворили? Теперь к коту Ваське посмотрите на письмо со всех станций приезжают. Уж мы ему рукавички с сапожками связали, бантик повесили...»

Кстати, почта у Аллы Пугачевой, как нетрудно догадаться, весьма обильна, и она читает ее всю. Письма приходят самые разные — и с просьбой прислать джинсы («у вас их много!») и очень душевные. В одних сквозит просто любопытство, желание заполучить автограф, другие заставляют певицу взяться за перо — на них нельзя не ответить.

Помню, тогда же Алла рассказала, как однажды ей «повезло»: будучи на гастролях, случайно узрела рождение слуха о самой себе. Пожилая буфетчица, не замечая ее, с азартом рассказывала: «Ну, как же, я все про Пугачеву знаю. У нее муж иностранец...» Дальше с небольшими вариациями следовал сюжет кинофильма «Цирк».

Даже вне сцены Алла Пугачева остается верна ей. Начнет говорить об учебе и вдруг: «Лично я благодарна преподавателю ГИТИСа клоуну Андрею Николаеву, учившему меня жонглировать. Я его специально просила, еще точно не зная, для чего. И вот кое-что уже пригодилось». Пригодилось в фильме «Женщина, которая поет», где певица, исполняя песенку про эстраду, жонглирует шарами, вертит тросточку, кидает шляпу. Быть может, и еще пригодится — если песня того потребует... Зайдет речь о поэзии, и словно о самой крупной удаче Алла вспомнит, как после концерта с ее участием одна совсем юная зрительница пришла в библиотеку, спросила книгу Сонета Шекспира — думала, что «Сонет» — имя. «Значит, за дело за душу!» И говоря, что превыше всего она ценит человеческую открытость, а больше всего ее огорчает предвзятость, певица, конечно же, имеет в виду не только жизнь в целом, но и взаимоотношения между сценой и зрительным залом.

Ну а какая же Алла Пугачева на сцене, спрашиваю я себя, прежде чем отложить перо в сторону. И думаю: ответить на этот вопрос не просто.

Большая актерская популярность певицы несомненна — в конкурсе, проведенном журналом «Советский экран», его читатели, то есть люди, относящиеся к кино безразлично и, должно быть, сведущие, признали Аллу Пугачеву лучшей актрисой минувшего 1979 года — за исполнение роли Анны Стрельцовой в фильме «Женщина, которая поет», несмотря на то, что сам фильм занял всего лишь 53-е место! Пластинки не залеживаются (их общий тираж достиг 100 миллионов экземпляров), новые песни по радио и телевидению не проходят незамеченными, билет на концерт певицы в Московском театре эстрады мне, например, несмотря на знакомство, достать не удалось.

Пугачеву смотрят и слушают с повышенным интересом все: и те, кто ее приемлет безоговорочно, и те, кто не приемлет вообще. И вот этот самый повышенный интерес мешает объективно оценить творчество актрисы, да и проанализировать истоки интереса тоже. А жаль, потому что огульный хвалитель и огульный ругатель для певца и песни — два полярных зла: еще неизвестно, какое из них худшее.

Чем же Пугачева выделяется среди артистов советской эстрады? На мой взгляд, прежде всего своей неповторимостью. Так были и остались неповторимы Лидия Русланова, Клавдия Шульженко, Леонид Утесов. Но в разгар их популярности голос певца не тиражировался в масштабах нынешнего «изобильного» радио-, теле- и кинотехникой времени, да и звучал он, скажем, из патефона, иначе, чем на диске-гиганте или магнитофонной пленке. Современным певцам везет, но только тем из них, у кого есть заметная творческая индивидуальность. Потому что и возможности для сравнения у современной аудитории куда как больше. А когда начинаешь сравнивать, то вдруг видишь, что у Аллы Пугачевой нет своей школы, хотя охотники подражать встречаются. Но ведь и Шульженко всю жизнь остается «единственной» и, кстати, «неоднозначной» — поймите правильно, я сравниваю здесь не певиц, а схожесть ситуаций, что ли.

Неповторимость Пугачевой — в слиянии сценического образа, голоса, тщательно подобранного репертуара. Все это окрашено незаурядным темпераментом, истоки которого надо искать в личности актера, душевных свойствах его натуры. Собственно, эти слагаемые есть в творчестве каждого певца. Так же же ключ?.. В свойствах натуры, личности, передать которые на словах — все равно что рассказать песню.

— Не забудь про издержки вкуса певицы — при ведении концерта, подборе репертуара, — вставляет в размышления свое словцо аналитически настроенный приятель. — Знаешь, она порой стремится соединить несоединимое. Например, сильные поэтические тексты с музыкой в стиле «диско». А ведь «диско» не универсален, у него своя ритмика с тяготением к облегченному тексту. Боюсь, это начало кризиса...

Насчет издержек вкуса я не спорю. Насчет кризиса не верю. Я верю в актерский характер и человеческую натуру Аллы Пугачевой, в ее умение и способность совершенствоваться, искать и делать открытия.

Каждый день почта приносит новые и новые письма в адрес клуба «Музыка с тобой». Вот одно из них. Его прислал Валерий Гоголевский из города Северодвинска Архангельской области:

«Уважаемая редакция! Прочитал в вашем журнале статью об ансамбле «Ху». Считаю ее интересной и полезной, раскрывающей влияние буржуазной политики, морали, философии на искусство. Хотелось бы прочитать и о тех исполнителях, цель которых выше, чем деньги и слава, о тех, чье искусство служит народу, делу мира и дружбы».

Выполняем вашу просьбу, Валерий. Вот полученная нами из Никарагуа зарисовка о человеке, которого в этой стране любовно называют «наш Виктор Хара»...

Александр КАРМЕН

ГИТАРА ЗОВУЩАЯ В БОИ

Стадион города Хинотепе походил на осажденную крепость. Мест не хватало, а желающим принять участие в «Фестивале алфаветизации»*, казалось, не было конца. Улицы Хинотепе вымерли. Весь город был здесь, на стадионе. Солнце, словно приколotes кнопкой к зениту, нещадно раскаляло сцену и весь стадион. Но зрители привыкли к нему и добросовестно ждали начала.

После исполнения национального гимна ведущий объявляет об открытии фестиваля.

— Выступает...— он делает многозначительную паузу.— Луис Энрике Мехия Годой!

На помост вскакивает высокий молодой человек с длинными выщипанными волосами до плеч, с гитарой в руке. Имя певца, многократно усиленное мощными динамиками, тонет в шторме сорвавшихся с трибун восторженных криков и оваций.

Луис Энрике терпеливо ждет тишины.

— Будем петь вместе, как всегда?— негромко спрашивает он притихшую публику.

— А ну-ка, попробуем.— Его пальцы ложатся на струны. Несколько аккордов, пауза и...— А-на-на-на, Хосефана ба!— Это были первые слова недавно созданной им песни о девушке, пошедшей в деревню обучать грамоте крестьян.— Он резко откидывает обвисшую на лоб прядь волос, широко улыбается:— Кто не поет, тот реакционер. Что, не нравится? Поехали! А-на-на-на...

Весь стадион подхватывает песню, хлопает ему в такт. А Луис Энрике, довольный, лукавый, веселый, притопывает ногой, хохочет и вдруг, на всем ходу ломая ритм, неожиданно бросает лозунг:— «Народ и армия — гарантия победы!» «Народ и армия...— взмах рукой, и все разом вместе с ним:—...гарантия победы!»— «Поднимем производство...»— И стадион скандирует: «...Раздавим змею контрреволюции!»

И пошла-полилась песня, заплели-зазвучали струны. И не было уже ни одного пассивного зрителя, и не было ни сцены, ни трибун. Был один многотысячный, крепкий круг друзей-единомышленников, заряженных искрящейся энергией, пафосом борьбы...

Мы встретились с Луисом Энрике накануне во внутреннем дворике здания министерства культуры Никарагуа. Он рассказывал мне о своей жизни и жизни своего брата Карлоса. Он вспоминал детство,

прошедшее в заброшенном, изолированном от мира северном городишке Сомото. Какие дивные, радующие глаз места окружали его! И как не вязалась эта поразительная природная красота с убогим, нищенским существованием живущих там людей! С раннего детства братья видели несчастную жизнь батраков, гнувших спину на царьков-латифундистов, видели, как нагло обманывал набожных прихожан местный мошенник поп, как издевались над неграмотными жителями сто раз купленные и проданные судьи, как по-черному спаивали темных крестьян самодовольные столичные политиканы, являвшиеся в Сомото в поисках голосов в дни «избирательных» кампаний. Суровая книга беспроблемной жизни народа раскрывалась перед братьями во всей ее обнаженной жестокости.

Но с годами они открывали для себя и другую книгу — неиссякаемую книгу народной мудрости и фольклора. Ее истоки покоились в богатстве природы и вечном стремлении угнетенных к лучшей доле.

— Нельзя было родиться и вырасти в Сомото и не стать поэтом, не научиться перекладывать на язык музыки дыхание гор и лесов, пение птиц, шепот ручьев и шелест трав,— рассуждает Луис Энрике.— Невозможно было прожить там жизнь и не стать лютым врагом несправедливости, ранившей гармонию этих краев.

Братья росли среди детей крестьян, батраков и артезанос — народных умельцев, создававших замечательные произведения из дерева, камня, тканей и глины. Их отец, плотник по профессии и музыкант по призванию, учил детей чутко внимать голосам родной земли и живущих на ней простых людей. «К человеку,— любил повторять он,— надо идти с правдой на устах».

Отец не обманулся в своих детях. Его наказ стал главным девизом всей их последующей жизни. Искра, зароненная им в их юные сердца, разгорелась в яркое пламя. Неустанные поиски правды с годами привели их к трудам Рубена Дарио, Пабло Неруды, Николаса Гильена и других выдающихся поэтов Латинской Америки, и через них — к осознанию места революционного интеллигента в строю борцов за свободу.

— Мы рано поняли, что на Латинскую Америку надвигается мощный революционный прилив,— вспоминает Луис Энрике.— И радовались, что сумели встретить его, не запачкавшись варварской сомосистской пропагандой, не утратив ценностей, которые были заложены в нас с детства и которые мы почерпнули в тесном общении с простыми людьми труда. Мы рвались в бой, потому что уже не могли быть в стороне от этого великого прилива надежды.

Луис Энрике начал первым. Он вышел на улицы с гитарой в руке и стал петь. Слова его песен, словно отлитые из свинца, стали разить врагов. Люди потянулись к нему в поисках той самой правды, верности которой с детства учил его отец. Гитара Луиса Энрике зазвучала на студенческих митингах и демонстраци-

ях, его песни слушали на плантациях и в деревнях, на рабочих сходках и в бедняцких кварталах, у стен тюрьмы, где томились узники режима Сомосы. После землетрясения 1972 года братья уже идут вместе, плечом к плечу.

— Все это было только началом, стихийным патриотическим порывом,— говорит Луис Энрике.— Цель еще только мелькала впереди, как свет маяка в штормящем море. Но прилив увлек нас к этому маяку все ближе и ближе.

И вот Луис Энрике в фестивальной Берлине. Он впервые соприкасается с культурой социализма, видит, какие безграничные возможности открывает свободный от эксплуатации строй для всестороннего развития человека. Он встречается с ребятами из чилийского ансамбля «Килапаюн», слушает нашу «Гренаду», знакомится с молодыми певцами и музыкантами из Вьетнама, Африки и Америки. И окончательно понимает потрясающую силу боевой политической песни протеста.

Х Всемирный фестиваль открывает Луису Энрике глаза на многое. Он прощается с Берлином, едет в Коста-Рику и вступает в ряды коммунистической молодежи. Участвует в борьбе студентов, поет для бастующих рабочих банановых плантаций. Вскоре певец снова на родине. К этому времени Карлос уже стал бойцом Сандинистского фронта национального освобождения.

— Наконец наша борьба достигла такого уровня, с которого ни спускаться, ни отступить было нельзя.— Луис Энрике погладил свою гитару, кивнул на нее:— Мы сделали ее своим оружием. Сам народ, завоевавший право на революционную песню, требовал от нас идти только вперед.

В начале 1975 года Луис Энрике вынужден покинуть Никарагуа. Революционная деятельность и открытые выступления в поддержку политических заключенных-сандинистов могли стоить ему жизни. Борьба с режимом Сомосы вступала в решающую фазу, и любое оружие, в том числе и его гитара, было на вес золота. Карлосу удается продержаться в стране еще два года.

*Брат мой, дай мне твою руку
И вместе пойдем вперед
Навстречу солнцу победы,
Имя которой будет Свобода.*

Более двух лет они были в разлуке, но оставались едины. Каждый боролся на своем участке общего фронта. Луис Энрике организовывал движение солидарности с народом Никарагуа из-за рубежа, а Карлос продолжал их дело в подполье на родине. Песни братьев Мехия Годой слились с борьбой партизан в горах, их подхватили бойцы «народных бригад» в городских кварталах, узники тюрьмы и солдаты регулярных войск СФНО, их слушали на волнах всех подпольных радиостанций Сопротивления. В дни подготовки восстания из уст в уста, от дома к дому, из квартала в квартал передавались слова песен, ставших настоящими военными инструкциями для революционеров-подпольщиков. За месяц до победы братья выпускают пластинку «Гитара армада» («Вооруженная гитара»), а вскоре на волне «Радио Сандино» зазвучал гимн СФНО, также созданный братьями Мехия Годой.

— К сожалению, день победы нам не довелось встретить на родине,— говорит Луис Энрике.— По заданию Фронта я был в Мексике, а Карлос — в Испании. Мы продолжали работать во имя солидарности людей разных стран с нашим народом. Зато вернувшись, мы целиком отдались борьбе за новую культуру и нового человека. Для нас сейчас это главное направление. Нелегкое и во многом неизвестное. Надо создать стратегию культурной политики на многие годы вперед, развивать народные центры культуры, творческие школы, возродить наш фольклор. И наряду с этим надо бороться с неграмотностью, помогать людям искоренить остатки прошлого в сознании и в быту, сражаться с врагами революции. Времени не хватает на все, но — находим.

Луис Энрике снова погладил свою гитару, чуть настороил ее, взял несколько аккордов.

— Она еще послужит нам. Кстати, приезжай завтра в Хинотепе. Посмотришь на одну из форм нашей работы. Она,— он кивнул на гитару,— будет со мной. Как всегда...

Луис Энрике пел о героях, погибших в сражениях, о подруге-винтовке, помогавшей бойцу завоевать свободу, о мирных баррикадах, воздвигаемых молодежью на фронтах борьбы с неграмотностью и отсталостью населения, о коварстве врагов революции, мешающих строительству новой жизни. Он издевался над империализмом и его подголосками-реакционерами, над спекулянтами и сплетниками. Воспевал великую силу международной солидарности.

Он пел, и рядом с ним незримо вставали его товарищи по борьбе, павшие и живые, никарагуанцы и интернационалисты, все те, кто сделал гитару и песню мощным оружием, зовущим в бой во имя торжества революции и свободы.

* Алфаветизация — борьба с неграмотностью, всенародная кампания в Никарагуа.

Звенит сорочинская ярмарка, песни да прибаутки душу тешат!
Идут возы, груженные дарами земли украинской, едут на «торг великий» из ближних и дальних сел. Но чу! Вот появились Николай Васильевич Гоголь, посетили Рудый Панько и любимые нами с детства герои знаменитых «Вечеров...». Миргородские самодельные артисты играют своих прапрадедов самозабвенно, колоритно — не поверить им просто нельзя!

Сорочинская ярмарка

Анна ДЕНИСКО,
Николай ГУРОВ.
Фото Анатолия ИОЛИСА

Ну, как тут не удивиться, не раскрыть пошире глаза, не ахнуть радостно? Как тут, скажите нам, глотнув этого терпкого, настоящего на кавунах и дынях, черешнях и яблонях, грушах и сливах воздуха, уловив даже не слухом, а сердцем, всем существом своим серебристую дрожь жаворонка — как тут не забыть напрочь о всех заботах, о городской суете, которая если и отпускает нас, то всего на денек-другой — и то с оглядкой: а вдруг удерем навсегда в зеленые, залитые солнцем просторы...

Сорочинская ярмарка двигалась на нас. Вернее, она, будто гигантская воронка, стремительно вбирала в себя все, и казалось, что это уже ты сам, а не парубок в белой свитке, весело подмигиваешь дичине, что это ты же солидно толкуешь о ценах на пшеницу с дядьком в запяленных шароварах, и уж точно ты отплясываешь в кругу на центральной площади, развернув плечи и выпятив грудь.

И все эти краски, звуки входят в тебя, и ты уже не отделяешь себя от ярмарки. Да полно ли, восьмидесятый год двадцатого столетия на дворе? На том вон самом, где казак с седой чуприной играет что-то нежное на бандуре...

Точно знаем, нигде не найдете такой ярмарки, как в Сорочинцах. А начинается она на той самой дороге, о которой писал Николай Васильевич Гоголь. И сейчас не спеша едет по ней на ярмарку разный люд из сел ближних и дальних и «даже из Гадяча и Миргород — двух знаменитых городов Полтавской губернии».

Не возы идут — машины, но, как и встарь, груженные дарами садов укра-

инских, расписными мисками, макитрами да кувшинами; и мешки с пенькой ты увидишь здесь, и полотно самотканое, и знаменитейшие черевички, «те самые, которые носит царица», и еще много другого, о чем знаем мы из лукавых, сочных, приправленных малоросским перцем рассказов, изданных пасечником Рудым Паньком.

Жив он, бурлит, играет красками и песенным звоном августовских Сорочинцев мир Николая Васильевича Гоголя. Великие Сорочинцы в общем-то обычное село. (Если забыть, что именно здесь собралась прихотливая фантазия писателя на сельскую ярмарку многое из того, чем славен народ украинский, что так характерно для быта его, ума и сердца.) И сегодня хлебом-солью встречает село неисчислимых гостей своих. Ярмарка эта традиционна. Открывается она в Сорочинцах каждый год в последнюю субботу августа. В пору спелости и наливного цвета природы. И коль учесть, что первое упоминание о сорочинских купцах относится к 1635 году, то мы смело можем говорить о многовековой традиции.

За последние годы в нашей стране зажглись сотни ярких огоньков добрых традиций, которыми так славен народ. Обряды, старинные обычаи, праздники урожая, всевозможные народные импровизированные гулянья... Прежде провизированные упорный труд. Так всего они венчают. Родились в наши дни и новые хорошие обычаи: посвящение в рабочий класс, соревнование на лучшего молодого мастера в своей профессии, праздник первой борозды, комсомольские свадьбы. Да всех и не перечислишь...

Но пусть вершатся они не рукой холодной и равнодушной, как иногда случается (это, видимо, она начертала на билете, приглашающем в одном районе на праздник ржаного снопа: «Явка категорична»), а руками добрыми и умелыми, душой бережной и зоркой. Так, как делается это нынче в Великих Сорочинцах.

Ведь, что ни говори, праздник — дело молодое. Вот почему одним из главных затейщиков веселий на Жабокрицкой площади — главной площади селла — всегда выступает полтавская комсомолка.
Полтавский обком ЛКСМ Украины — один из шефов Сорочинской яр-

марки, один из ее постоянных организаторов.

Ярмарка полнится светом, песнями, голосами.

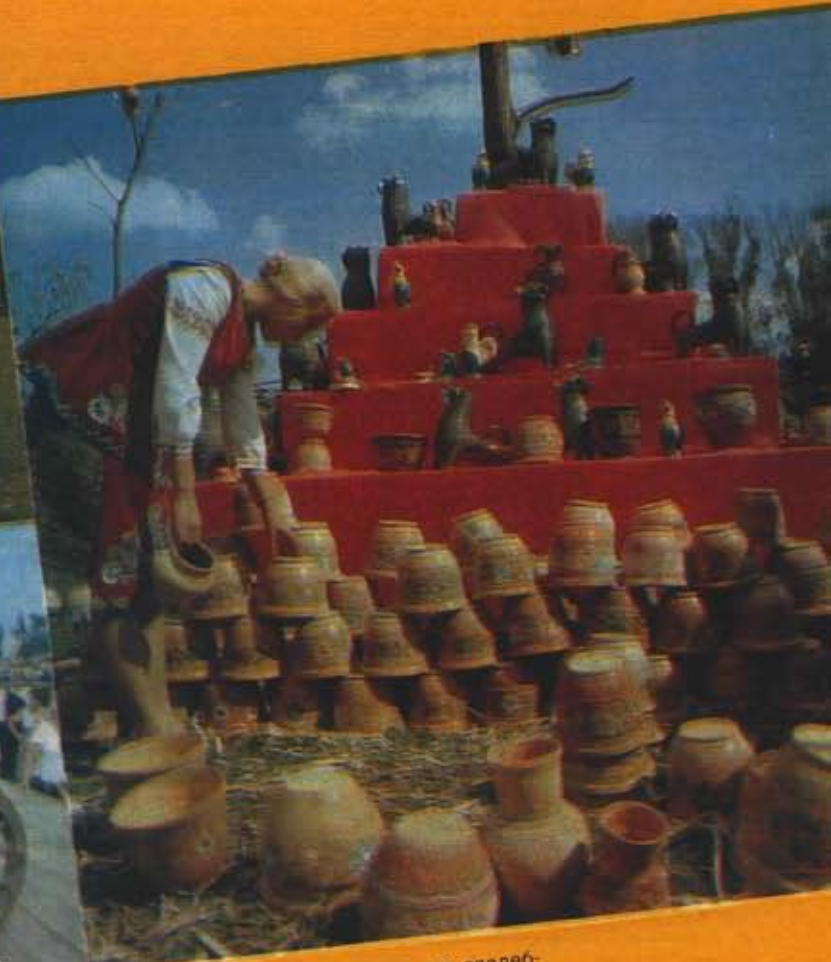
— Кому полтавских галушек?
— А ну-ка, налетай на потапцы лубенские!

— На шульки решетиловские!
— Нет ничего краше сорочинских сластенов!

Какие запахи витают над площадью! И впрямь дух захватывает! Куда там столичным рестораторам — разве сравниться им с этими чернобровыми и румяными жинками, умеющими подать

Крутится гончарный круг... Затеяливые куманцы для вина, глечики для сметаны, горшки, кувшины рождаются в руках мастеров из Опошен — столицы украинской керамики. А рядом мастерицы готовят пряжу, а из нее — полотно самотканое для праздничных свитков да рубаш расписных. И потешные фигурки годовлевских героев — тоже дело рук сорочинских умельцев.
Расцветает народное рукоделие — глаз радуется, сердце веселит.

люльки «самой лучшей» да свадебных подарков?

Что ж, горшок да чугунок и нынче в хозяйстве дело не последнее. Борщ с кашей в пригоршне не сваришь... Все это, конечно, есть на ярмарке. А кроме того, лучшие торговые фирмы Украины и многих союзных республик представили сорочинцам на суд свой товар, да такой, что, пожалуй, и присниться не мог гоголевским героям.

Магнитофоны и телевизоры, стиральные машины и пылесосы, холодильники и радиоконбайны...

— Покупайте мотоциклы!
— Просимо, будь ласка до мебельных гарнитуров!

— Ай да полтавские аккордеоны! Клавиши сами пальцами водят!

Слышите? Это уже наше время на ярмарке звенит, покупателя зазывает. И не напрасно. Тут он и мебель для новой хаты найдет, и ковры, и посуду новомодную, и ткани расцветок современных, и такие костюмы да платья, что, кажется, попали они в Сорочинцы из Дома моделей.

И сыщете здесь для любимой Оксаны современный кузнец Вакула черевки любого фасона и цвета—куда там царским. Все товары отличные, со Знаком качества.

А еще:
— Сокульские смушки на шапки!
— Решетилевское вышивание!
— Макитерки! Макитерки!
— Черевички из рогаза, не боятся

мороза...
Нет, не затухло, не увяло и народное рукоделие. Цветет оно и в наши дни—глаз радуется, сердцу веселит...

Вертится гончарный круг. На глазах всех рождается стройный кувшин. Это работают мастера из Опошен—столицы украинской керамики. Затейливые куманцы для вина, баранцы с грозными рогами, добрейшие кудрявые львы и глиняные свистки—все изделия опошненских мастеров сегодня идут нарасхват. Не придумаешь лучше сувенира на память о ярмарке. Ведь опошнянская керамика знают во всем мире. Бельгия, Канада, Дания, Норвегия, США, Япо-

гречаник с пылу-жару, с прибауткой веселой! Съел—даже не заметил, и еще потянуло... Но всего не перепробовал бы даже гоголевский Пацюк. Да и некогда рассиживаться на дубовых колодах в корчме...

Съезжаются сюда, чтобы на людей посмотреть, себя показать, «товаром выхвалиться». И уже не только из ближних и дальних сел, не только из самой Полтавы. Тут вы встретите и горячего усача кавказских кровей, и степенного селянина из Белоруссии, и художавого верткого волгара, и задумчивого северянина, у которого стынет в глазах синь озерная... Здесь услышите вы гортанную речь горца, распевный говор казаха, медлительный, перекатывающийся, будто волны прибрежные, разговор прибалтов...

Сорочинская ярмарка стала ярмаркой всесоюзной. И отметим сразу же—ярмаркой в полном смысле этого слова, то есть местом, где идет «торг великий». Чем же нынче торгуют в Сорочинцах? Только ли пеньюк да дегтем, кавунами да грушами? Лишь глечик для сметаны да горшок для каши может купить здесь расторопная хозяйка? И мается ли здесь Грицко Голопушенко в поисках

ния — не пересчитать стран, которые заказывают для продажи, экспонируют в музеях, на выставках произведения ополчан — заслуженных мастеров народного творчества УССР Ивана Билыка и Александры Селюченко, мастеров Гавриила Пошивайло, Владимира Никитченко, Владимира Демченко...

Вертится гончарный круг. Смотрят на руки мастеров взрослые, а еще неотрывнее — дети. Тише, не шумите, не вспугните, может, завязывается в эту минуту в душе маленького человека мечта о красоте, творимой собственными руками...

Смотрите, как рождается узор, вобравший в себя краски и формы спелого полтавского лета. Что напоминают вам они, ковры народных умельцев из Решетилки? Рожь, склоняющаяся на ветру, васильки и ромашки на обочине полевой дороги?.. Снежно-белый калиновый цвет и свечение темно-красных калиновых гроздьев в осеннем лесу?..

Тишины на ярмарке мало. Как там у Гоголя? «Вам, верно, случилось слышать где-то валяющийся отдаленный водопад, когда встревоженная окрестность полна гула, и хаос чудных неясных звуков вихрем носится перед вами. Не правда ли, не те ли самые чувства мгновенно обхватят вас в вихре сельской ярмарки...»

Сельская ярмарка в Сорочинцах... Кажется, что она такая же, как прежде, как столетие назад: стремителен поток ее, пестры и разноцветны одежды, сочен и громок язык. Но не только «чувство старины глубокой» захватывает нас в этом хороводе.

Будто в калейдоскопе, промелькнули криница с журавлем, вишня над мазанкой, тын, усеянный горшками и кувшинами, парубки в малиновых шароварах... Но вот взгляд зацепился за фасад нового универмага — стекло и бетон, взмывающие к небу. Душа словно встрепенулась, ощутив облик знакомый, близкий, резко выступающий на праздничном «костюмированном» фоне нынешней ярмарки.

Мы шли улицами сегодняшних Сорочинцев. Широкие асфальтовые ленты пересекали село. Хаты, мазанные глиной, беленные известью, с расписными притолоками и наличниками, были здесь скорее данью традиции, чем насущным жильем. Новые кирпичные дома-коттеджи, школа-десятилетка, Дворец культуры — вот нынешние Сорочинцы. На центральной площади, на Доске почета — юные улыбочивые лица: половина села — молодежь, многие отличные механизаторы, полеводы, животноводы.

В Сорочинцах, как, впрочем, и на всей Полтавщине, крепкое хозяйство, миллионные доходы. Нынешний селянин, конечно же, не чета гоголевским Грицко, Солопою, Хивре... У него за спиной десятилетка, техникум, институт. У него на книжной полке рядом с Гоголем и Шевченко — Гёте, Сервантес, Хемингуэй... И все же нет-нет да мелькнет в глазах молодого сорочинца лукавая хитринка, доставшаяся ему от легендарных предков. Сорочинцы есть Сорочинцы...

Лихолетье огнем и железом прошлось по этой земле. Но не сломило, не согнуло ширококостных дядьков и парубков. И женщины Сорочинцев стояли вровень с мужчинами. Об этом говорит скорбный памятник Бондаривне — партизанке Ольге Бондаренко, о чьем мужестве сложены нынче песни. Печать неизбывных потерь несут в сердцах односельчане Бондаривны. Да еще горячее желание, чтобы это никогда не повторилось. Чтобы их земля всегда засеивалась жито-пшеницей, радостью хлеборобскою, а не горем-бедой...

И ярмарка сегодняшняя — она тоже этим высоким стремлением пронизана. Ведь что есть выше в человеческой доле, чем взрастить на мирной земле зерно и плод — руками собственными сотворить чудо!

А еще ярмарка — театральное действо. Потому приходят сюда в эти дни

лучшие актеры профессиональных театров, писатели-юмористы, народные коллективы художественной самодеятельности. Надо успеть послушать и огневую мелодию троистых музук, и народные песни, и песни современные, которые в Сорочинцы привезли лучшие молодежные ансамбли. Да не забудьте, Великие Сорочинцы — родина кобзаря Михайла Кравченко. Здесь учился кобзарской науке другой известный на Украине народный певец — Федор Кушнерик. И сегодня ярмарке не обойтись без кобзарей...

Слушайте, смотрите, смейтесь на здоровье! Но чу! Не пропустите только самый интересный момент: появление Николая Васильевича Гоголя, пасечника Рудого Панька и гоголевских героев. На серых волосах въезжают на площадь Солопий Черевик, Хивря и Парася, а следом идет с парубками Грицко Гололупенко. Невозможно не рассмеяться, слушая перепалку будущих зятя и тещи:

— Чтоб ты подавился, негодный бурлак! Чтоб твоего отца горшком в голову стукнуло! Чтоб он поскользнулся на льду, антихрист проклятый! Чтоб ему на том свете черт бороду обжег!

Миргородские самодеятельные артисты играют так самозабвенно, колоритно, что не поверить им нельзя. Да и то сказать: играют своих прапрадедов, образы которых выхвачены были писателем из самой гущи крестьянской жизни, из самого водоворота кипучей Сорочинской ярмарки.

Ярмарка веселит, ярмарка обогащает, ярмарка учит... Вот и свадьбу Гриця и Параси вы увидите здесь. Если не знаете тех старых добрых обычаев, которые и в новой жизни уместны, — учитесь, запоминайте. Ибо бедна и грустна жизнь без слова, в лад сказанного, без шутки, без песни, без неказенного пожелания. Так что хлеб-соль принимайте, молодых поздравляйте!

И еще одному драгоценному чувству учит людей, особенно молодых, Сорочинская ярмарка — уважению к хлеборобскому нелегкому труду. Главное событие второго воскресного дня — Праздник урожая. Ярмарка чествует героев жатвы, животноводов, свекловодов, кукурузоводов Миргородщины, местного колхоза имени Гоголя.

Улыбается смущенно Герой Социалистического Труда Мария Григорьевна Заплава: не привыкла быть на виду у тысяч людей. Но те добрые слова, которые говорят сегодня, будут еще долго вспоминаться ей в ее нелегкие будни. И смотрит Мария Григорьевна ласково на смену свою юную — здесь же, на ярмарке, вчерашних школьников торжественно посвящают в хлеборобы...

Клонится ярмарочный день к закату. Второй, последний... Уже давно купил Грицко Гололупенко «...деревянную люльку в медной щегольской оправе, цветистый по красному полю платок и шапку для свадебных подарков тестю и всем, кому следует». Уже давно, осмеянный и затюканный, убрался восвояси от хитрой Солохи дьяк. Успокоился водоворот ярмарки. Но, как и с каждым хорошим праздником, не хочется расставаться с ней. Помните, каким печальным аккордом оканчивается повесть Гоголя? Грустно и нам начинать дорогу обратно — сельской улицей, мимо памятника великому земляку сорочинцев, по мосту через Псел и дальше, дальше...

И вдруг вздрогнули мы, остановились. Что за чудо напоследок! Ярким полукругом охватило небо, землю и пространство над нами.

Радуга над Сорочинцами, над прекрасным селом, не забывшим традиции своего народа. Да не просто не забывшим... Им, традициям этим, дали здесь новую жизнь, их преумножили, сделали частью нашего с вами бытия.

Светится радуга, звенит, переливается...

Точь-в-точь как Сорочинская ярмарка.

Алексей ПЬЯНОВ

Пушкин в Бернове

Пути судьбы его изменчивой
Однажды привели сюда.
С тех пор Берново с ним повенчано
Не на года, а навсегда.

О эти осени венчалные,
Лесов октябрьских торжество.
Они срифмованы печалью
И светлой радостью его.

Две осени — одно мгновение...
Он в старичику обрел глуши
Желанное уединение,
Целительный покой души.

...Бегут тропинки заповедные
На горку с именем Парнас,
Звенят на дубе листья медные,
И свет в окошке не погас.

Я знаю, не погаснет вечно он,
В ночи сияя, как звезда...
Берново с Пушкиным повенчано
Не на года, а навсегда.

Дом поэта

Памяти М. С. ВОЛОШИНОЙ

Я поднимаюсь лестницей скрипучей,
сандалии снимаю у порога
(хозяйка просит — трудно мять полы),
и, чувствуя ступнями свежесть досок,
вхожу и замираю в изумленье
и слова не могу произнести.
Здесь не музей.
Здесь все еще жилое.
Здесь нет витрин, запретов, этикеток,
здесь этикет не надо соблюдать
и говорить вполголоса не надо.
Но я пока что этого не знаю
и потому осматриваюсь робко.
На стеллажах застыли фоллианты
в телячьей коже, с золотым обрезом.
Дешевые издания между ними.
Тома не по ранжиру — вперемешку:
Толстой, Шекспир, Сервантес,
Ленин, Пушкин...

В углу скамья из струганой доски.
Такой же стол и пара венских стульев.
А в глубине — высокая конторка.
Она предназначалась для работы.
Здесь — мастерская.
Здесь скрипели перья,
на холст ложились точные мазки,
когда стоял хозяин у мольберта.
...Его портрет, написанный Риверой,
а выше чуть — кустодиевской кисти.
Я всматриваюсь пристально в лицо:
большой, веселый, добрый человек
спокойно смотрит на меня из рамы.
А женщина сядя, улыбаясь,
— его вдова —
радушно предлагает:
— Берите эти книги и читайте.
Ходите и смотрите.
Не стесняйтесь.

И говорите громче — я привыкла:
Макс тишину ужасно не любил,
и этот дом всегда гудел, как улей...
Благодарю и подхожу к мольберту.
Вот мастихин, и краски, и палитра —
волошинская мудрая палитра.
Она училась ремеслу в Париже,
но говорила русским языком.
Я вижу на мольберте акварель:
скупой пейзаж отрогов Кара-Дага,
неброские сентябрьские тона,
прозрачный воздух, голубые горы,

Аль-Маарри *

Как говорится, волею судьбы
Аль-Маарри был немощен и слеп.

И все же к нам дошел через века:
Ему поводырем была строка.

* Великий арабский поэт (973—1057 гг.).

Уютно, надежно обжился,
К друзьям и врагам подобрел,
Сумел. Оделел. Дослужился.
Утешился и постарел.
Так что же, удачи отведав,
Себя беспощадно коришь?
«Все брошу к чертям и уеду!» —
Порою в сердцах говоришь.
Но только опять не уехал,
Опять не ушел никуда...
Ночами с издевкой, как эхо,
«У-е-е-ду!» — кричат поезда.

И. Л. АНДРОНИКОВУ

В тиши листвы века,
Как каторжник трудиться.
Но вот сверкнет строка
На выцветшей странице.
Заботы и дела
Возьмут на миг отсрочку.
И станет жизнь светла
От той внезапной строчки.
Зайдется сердце вдруг,
Мир солнцем озарится...
И выпорхнет из рук
Ожившая страница.

пляж коктейльный и тот самый дом,
в котором я сейчас стою.
А рядом —
японские тончайшие гравюры.
И у стены просторной мастерской
портрет скульптурный.
Это — Тамах,
свекровь прекрасной Нефертити — Тия.
Она сама не менее прекрасна.
Ее привез Волошин из Египта
и посвятил ей светлые стихи.
...Здесь все хранит его прикосновенье.
Здесь эхо голосов еще живет.
Спокойно говорит с хозяйкой Чехов —
он хвалит коктейльскую погоду.
Вот Алексей Толстой скороговоркой
рассказывает страшный эпизод,
что с ним случился где-то по дороге.
Вдруг скрябинская нервная рука
коснулась клавиш, дом наполнив звуком,
и дом зашел, как может петь орган.
Потом Шалапин, заглушая грохот
веселых волн, гуляющих по пляжу,
хохочет над забавным анекдотом.
От астмы задыхаясь, Паустовский
рассказывает что-то про Колхиду,
роняя пепел длинной папиросы
на дерево скобленное стола...
Я всех имен не в силах перечислить,
что связаны навечно с этим домом.
Его хозяин был к друзьям приветлив,
кормил, поил, иных — спасал от смерти,
искал площадки первым планеристам,
знал хорошо Сергея Королева,
когда тот строил планер «Коктебель».

На хрупких крыльях этой дерзкой птицы
его мечта здесь стартовала к звездам...

Из окон вижу синие холмы.
Похоже, что застыли волны моря.
Там, на холме, Волошина могила.
Ни памятника нету, ни креста —
морские камни да трава сухая:
так он еще при жизни завещал.
Отсюда виден Коктебель и горы.
И дом его, где я сейчас стою
и думаю о том, что только время
способно рассудить высокий спор
о славе и бессмертье на земле.

Семафоры. Светофоры.
Электричек голоса.
Сыплот листья на платформы
Подмосковные леса.

В Чуприяновке рябины
Тихим пламенем горят,
Серебрятся паутины —
Середина октября...

МИР, ОТКРЫТЫЙ НАСТЕЖЬ

Книга, прочитанная в юности, помнится всю жизнь: Кто, прочитав «Алые паруса» или «Бегущую по волнам», сможет забыть то ощущение счастья, которое родилось от них? Александр Грин подарил нам веру в человека, в его реальную и надежную доброту, благородство, рыцарство. Вымышленные герои, живущие в фантастических странах, стали нашими друзьями, и мы искренно верим в них.

Чтобы прийти к своей фантастике, казалось бы, поднятой над действительностью и оторванной от нее, автору надо было быть очень крепко с нею связанным, досконально знать эту жизнь. Александр Степанович Гриневский очень хорошо ее знал. Родился он ровно сто лет назад, 23 августа 1880 года, в российской глухомани, в маленьком городишке Слободском в Вятской губернии. С детства страстно любил книги, мечтал о море, мог сутками без сна просиживать над старинными справочниками и трактатами по мореходству, изучал лоции и карты.

Шестнадцати лет ушел из дому. Был матросом, рабочим, рыбаком, золотоискателем, лесорубом, солдатом. «Свинцовые мерзости» российской действительности повернули его к политике. Он подвергался арестам, был в ссылке, совершал побеги, жил по чужим паспортам. Первый рассказ, «Заслуга рядового Пантелеева» (1906 г.), был конфискован и сожжен охранкой. Многие рассказы А. С. Грина автобиографичны. За двадцать пять лет писательской работы (умер А. С. Грин 8 июля 1932 года) создал более 400 произведений.

Писатель-романтик, фантаст, превосходный пейзажист и психолог, А. С. Грин умел раздвинуть рамки обыденности и обнаружить в окружающей жизни ее поэтические стороны. Наряду с рассказами романтически он создал немало реалистических вещей, отражающих социальную сторону жизни. Писал он и исторические рассказы. Творческое наследие Грина не собрано полностью до сих пор; рассказы реалистические, без которых трудно представить творчество писателя, фактически забыты, не переиздавались и критикой не изучались.

«Смена» публикует рассказ А. С. Грина «Рождение грома», напечатанный в 1917 году в журнале «Всемирная новь» (№ 18), где говорится о создании знаменитого гимна революции «Марсельезы».

Олег САЙКИН

Александр ГРИН

РОЖДЕНИЕ ГРОМА

I
В Страсбургском гарнизоне был молодой инженерный офицер по имени Руже де Лиль. Он родился в Лов-ле-Сонье, среди гор ЮРЬЕ, страны мечтаний и энергии, каковы всегда бывают гористые места. Этот молодой офицер любил войну, как солдат, революцию, как мыслитель; стихами и музыкой он пленял офицеров своего гарнизона. Благодаря двойному таланту — музыкальному и поэтическому — молодого офицера все охотно принимали у себя; он посещал по-дружески дом барона Дитриха, благородного эльзасца конституционной партии, друга Лафайета и страсбургского мэра.

Жена барона Дитриха, ее молодые приятельницы разделяли энтузиазм к патриотизму и революции, в особенности проявлявшийся на границах, подобно тому, как корни одержимого болезнью тела бывают более чувствительны в ее оконечностях. Эти женщины любили молодого офицера, вдохновляли его сердце, поэзию и музыку. Они первые выполняли мысли, только что зародившиеся, были поверенными первого лепета его гения.

II

Это было зимою 1792 года. В Страсбурге господствовал голод. Дом Дитриха, богатый в начале революции, но истощенный пожертвованиями, которые вынуждалась невзгодами того времени, обеднел. Скромный стол в этом семействе был открыт для Руже де Лилия. Молодой человек проводил там вечер и утро, как сын или брат семейства.

Однажды, когда на столе были солдатский хлеб и несколько ломтей копченой ветчины, Дитрих, взглянув на Лилия своим печальным ясным взором, сказал ему: «Изобилие покидает наш стол, но что из

этого, если нет недостатка в энтузиазме для наших гражданских празднеств и в мужестве для сердца наших солдат! В моем погребе осталась еще одна, последняя бутылка рейнвейна. Пусть ее принесут, и мы разопьем ее за свободу и за отечество! В Страсбурге должна проходить вскоре патриотическая церемония; надобно, чтобы в этих последних каплях де Лиль почерпнул один из тех гимнов, которые вносят в сердце народа восторг, породивший их самих».

Молодые женщины одобрили эти слова, принесли вино, наполняли стаканы Дитриха и молодого офицера до тех пор, пока вино не было осушено. Было уже поздно. Стояла холодная ночь. Де Лиль принадлежал к числу мечтателей; его сердце было взволновано, голова разгорячена. Холод охватил молодого человека. Он вошел колеблющимся шагом в свою уютную комнату и стал медленно искать вдохновения то в трепете своей души, души гражданина, то на клавишах своего артистического инструмента, — слагал то песню, то слова и складывал их в своих мыслях таким образом, что сам не мог различить, которые зародились прежде — ноты или стихи, и наконец ему сделалось невозможно отделить поэзию от музыки и чувство от выражения. Он все пел, но не писал ничего.

III

Обремененный этим высоким вдохновением, де Лиль заснул, положив голову на свой инструмент, и проснулся только днем. Ночные песни с трудом припоминались ему как бы во сне. Он их записал, положил на ноты и побежал к Дитриху. Последний он нашел в саду копающим собственными руками зимний латук. Жена мэра-патриота еще не встала-

ла. Дитрих разбудил ее; он созвал нескольких друзей, подобно себе, страстных любителей музыки, способных выполнить композицию де Лилия. Одна из молодых девушек аккомпанировала. Руже пел. При первой строфе лица присутствующих побледнели, при второй — потекли слезы, при последних — раздался бешеный энтузиазм. Дитрих, жена его, молодой офицер со слезами бросились друг к другу в объятия. Гимн отечества был найден, но — увы — ему предстояло сделаться также гимном ужаса. Немного месяцев спустя несчастный Дитрих пошел на эшафот при этих же звуках, зародившихся у его очага, на сердце его друга, в голосе его жены.

Новая песня, исполненная через несколько дней в Страсбурге, перелетала из города в город по всем народным оркестрам. Марсель решил петь ее при начале и при конце заседаний своих клубов. Марсельцы распространили ее по всей Франции, распевая по дороге. Отсюда самая песня получила имя «Марсельезы». Старая мать де Лилия, религиозная женщина и роялистка, испуганная подобным отзвуком голоса своего сына, писала ему: «Какой это революционный гимн распевает орда разбойников, проходящая по Франции, и соединяет с ним наше имя». Сам де Лиль, изгнанный в качестве федералиста, с трепетом слышал свой гимн как угрозу смерти во время своего бегства в ложины Юрь. «Как называется этот гимн?» — спросил он у своего проводника. «Марсельеза», — отвечал ему крестьянин.

Вот каким образом он узнал название своего произведения. Его преследовал тот энтузиазм, который сам же он рассеял собою. Руже де Лиль избежал смертной казни. Оружие обратилось против той самой руки, которая его сковала.

Рисунок Петра ВОСКРЕСЕНСКОГО

Рисунок Александра ПАШКОВА

Рисунок Андрея БИЛЬЖО

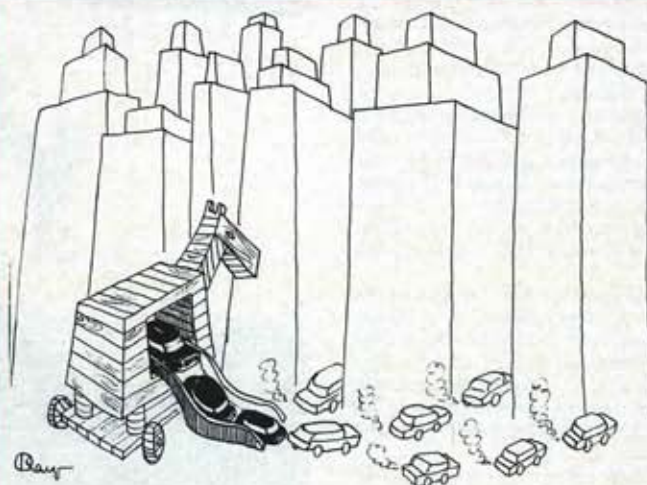

Рисунок Владимира СОЛДАТОВА

Рисунок Николая КРУТИКОВА

ШАХМАТЫ ШАХМАТЫ | Под редакцией заслуженного тренера РСФСР Виктора ЛЮБЛИНСКОГО | ШАХМАТЫ ШАХМАТЫ

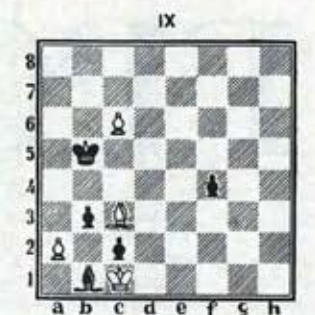
КОНКУРС «СМЕНА-80»
(Продолжение.
Начало см. в №12—15
журнала).

Олимпийским играм в Москве посвящается это традиционное массовое соревнование наших читателей.

ПЯТЫЙ ТУР VIII

Белые начинают и дают мат в три хода (2 очка).

Ход черных. Могут ли они добиться победы? (3 очка.)
Указывая на открытках решения заданий, пользуйтесь, пожалуйста, только сокращенной шахматной нотацией, избегая каких-либо словесных примечаний. Не забывайте аккуратно писать адреса нашей редакции и отправителя, а также свои фамилию, инициалы и конкурсный учетный номер. Письма на пятый тур следует посылать в «Смену» не позднее 31 октября 1980 года.

ПОБЕДИЛ, КОНЕЧНО, ЧЕМПИОН!

К числу крупнейших шахматных событий нынешнего года, несомненно, относится международный турнир 12 гроссмейстеров, состоявшийся в Бугойно (Югославия). Победу одержал чемпион мира Анатолий Карпов—он провел трудное состязание без единого поражения, набрав 8 очков. Нервно выступали в Бугойно гроссмейстеры Лев Полугаевский и

Михаил Таль, но и они сыграли там ряд творчески интересных партий. Предлагаем вниманию читателей «Смены» запоминающиеся фрагменты из поединков советского трио с видными югославскими гроссмейстерами.

Перед вами легкофигурный эндшпиль, случившийся после 41-го хода черных во встрече Карпова (у него были белые фигуры) с Бориславом Ивковым. Владение двумя слонами дает белым ощутимое позиционное преимущество.

42. Сс5—d6! Кd7—b6 43. Крh2—g3 Сс4—d5 44. Крg3—f4 Кb6—c4 45. Сd6—c5 Сd5—g2 46. Сс2—d3!

Крайняя пешка белых неуязвима ввиду утраты слона—46. ... С:h3? 47. Крg3.

48. ... f7—f6 47. h3—h4 Сg2—c6 48. h4—h5 Крg8—f7 49. Сd3—e4! Сс6—d7.

Черные замечают, что размен белопольных слонов позволял партнеру завоевать их пешку на ферзевом фланге.
50. Сс5—d4 Крf7—e7 51. Се4—a8 Сd7—e8 52. Крf4—e4 Се8—f7 53. Сd4—a7 Крe7—d7 54. Крe4—d4 Кс4—e5 55. Са8—d5!

В критический момент черные, полагаясь на ничейные тенденции разноцветных слонов, допускают непоправимую ошибку. Не без надежды на спасение стоило сыграть 55. ... Се8.
55. ... Ке5—с6+? 56. Сd5:с6+ Крd7:с6 57. Са7—с5! Сf7—b3 58. Крd4—e4!, и черные сдались ввиду неизбежной гибели их пешечной группировки на фланге.

К этому сложному миттельшпиллю, в котором партнеры после 21-го хода черных разменяли все по одной пешке, пришли Полугаевский (он играл белыми) и сильнейший югославский шахматист Любомир Любоевич. Фланговое наступление белых оказывается куда более эффективным, нежели попытки черных проявить активность в центре.
22. a3—a4! d6—d5 23. e4:d5 e6:d5 24. a4—a5! Се7:b4 25. a5:b6 Фа7—b8 26. c4—c5! Сс6—b7 27. Се3—d4 Лев8—e6 28. Кс3—a2 Сb4—a3 29. Лс1—с3 Лс8—d8 30. Кb3—a5.

Черный слон погибает в стане противника без какой-либо компенсации.
30. ... Са3:с5 31. Сd4:с5 Кd7:с5 32. Фf2:с5 d5—d4 33. Ка5:b7

Фb8:b7 34. Фс5—с7!, и белые легко добились успеха.

Здесь вы видите позицию, возникшую после 24-го хода черных в партии Талья с Бояном Куранцей. Экс-чемпион мира, игравший белыми, подготовил и быстро осуществил красивую комбинацию, связанную с жертвой коня.

25. Ке2—d4 Кd7—f8 26. Кd4:e6! Кf8:e6 27. Cf1—c4 Сb7—c8 28. Сс4—d5 Лa8—b8 29. Кb3—d4!
Выясняется, что черные должны вернуть благоприобретенный материал, так как их король роль защитника сыграть не может—29. ... Крf7 30. К:e6! С:e6 31. С:e6+ Кр:e6 32. Фb3+ Кс4 33. Ф:c4x.

29. ... h6:c5 30. Кd4:e6 Сс8:e6 31. Сd5:e6+ Крg8—g7 32. h2—h3 Лb8—d8 33. Се6—d5 Се7—d6 34. Cf4—e3 g6—g5 35. Сd5—c4 Фс7—b6 36. Сс4—e2.

У белых подавляющий пространственный перевес, контригра же черных отражается элементарно.

36. ... Ке5—f7 37. Фс3—с2! Лd8—b8 38. Фс2—a4 Фb6—b2 39. Се2—c4 Фb2—e5 40. Се3—g1, и черным из-за просрочки ими времени на обдумывание было зачтено поражение.

Наш адрес: 101457, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14. Телефон для справок: 212-15-07. Рукописи, фото и рисунки не возвращаются.

Сдано в набор 04.07.80. Подписано к печати 18.07.80. А 10069. Формат 70 x 108/16. Глубокая печать. Усл. печ. л. 5,60. Уч.-изд. л. 11,55. Тираж 1160000 экз. Изд. № 2668. Заказ № 1797. Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

ОСЕННЯЯ МЕЛОДИЯ

Музыка Юрия САУЛЬСКОГО
Стихи Леонида ЗАВАЛЬЮКА

Слеза — осенних дней примета —
Росой холодной потекла.
И журавли уносят лето,
И журавли уносят лето,
Раскинув серые крыла.

Припев:
Звенит высокая тоска,
Необъяснимая словами...
Я не один, пока я с вами,
Деревья, птицы, облака!..

Кружатся листья, как записки,
С какой-то грустью неземной...
Кто не терял друзей и близких,
Кто не терял друзей и близких,
Пусть посмеется надо мной.

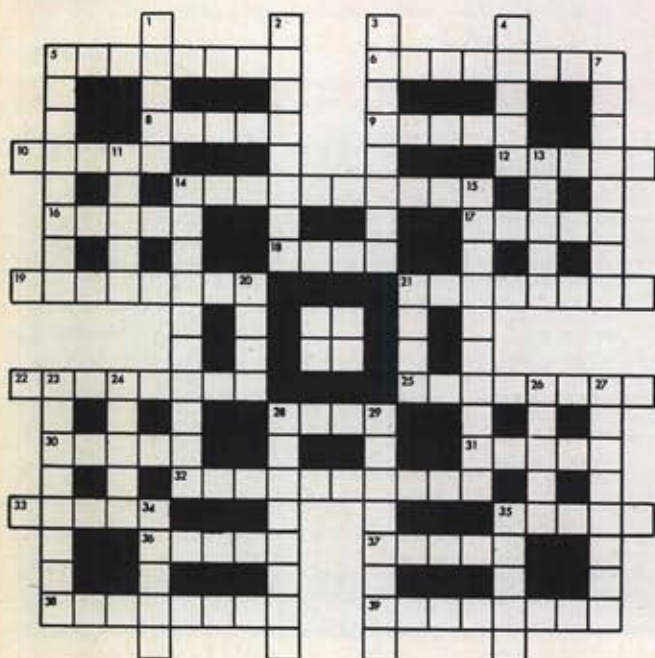
Припев.

Немало мы по белу свету
В исканьях радости кружим...
Порой для слез причины нету,
Порой для слез причины нету,
Но кто не плакал, тот не жил.

Припев.

И часто плачем мы невольно,
Когда дожди стучат в окно,
Не потому, что сердцу больно,
А потому, что есть оно.

Припев.

КРОССВОРД

Составила А. КУГЕЛЬ,
Харьков

По горизонтали:

5. Собрание звукозаписей. 6. Парфюмерное средство. 8. Часть учреждения, предприятия. 9. Раствор кислоты, употребляемый как приправа. 10. Антилопа, обитающая в СССР. 12. Приток Дуная. 14. Оловянный камень. 16. Река в Архангельской области. 17. Спортивное соревнование на автомобилях. 18. Эксперимент. 19. Твердый защитный покров беспозвоночных животных. 21. Ученая степень в СССР. 22. Обработка металла давлением. 25. Город в Латвии. 28. Морской рак. 30. Один из создателей фотографии. 31. Неразложимый оборот речи. 32. Угломерный прибор. 33. Герой незаконного романа М. Ю. Лермонтова. 35. Финский писатель-сатирик. 36. Металл. 37. Город в Смоленской области. 38. Выверка и подгонка рельсовой колеи. 39. Польский народный танец.

По вертикали:

1. Дипломатический ранг. 2. Спутник Юпитера. 3. Произведение архитектуры или скульптуры в честь выдающегося события, деятеля. 4. Русский зодчий XIX века. 5. Одна из первых народных артисток республики. 7. Памятник новгородской школы древнерусского зодчества. 11. Опера С. В. Рахманинова. 13. Рассказ А. И. Kupрина. 14. Сатирический или юмористический рисунок. 15. Передача на расстоянии по радио, телевидению. 20. Индийская монета. 21. Разновидность сазана. 23. Теплообменный аппарат. 24. Игра. 26. Действующее лицо драмы А. П. Чехова «Три сестры». 27. Ароматическая лесная трава, медонос. 28. Город в Югославии. 29. Балет Л. Ф. Минкуса. 34. Остроумное изречение. 35. Русский композитор, педагог, дирижер.

ОТВЕТЫ
НА КРОССВОРД,
НАПЕЧАТАННЫЙ
В № 15

По горизонтали:

4. Конькобежец. 7. Кулакова. 9. Алексеев. 10. Гимнаст. 13. Парти. 14. Стокгольм. 16. Купер. 19. Непела. 20. Аникин. 21. Боксер. 22. Таллин. 23. Планка. 24. Регата. 28. Финал. 29. Восьмерка. 30. Сабля. 31. Ловушка. 35. Пинкстон. 36. Накатани. 37. Перекладина.

По вертикали:

1. Молот. 2. Лондон. 3. Пепел. 5. Кубертен. 6. Мельбурн. 8. Авилов. 9. Аксель. 11. Башановский. 12. Мекокишвили. 14. Сальников. 15. Минаичева. 17. «Спартак». 18. Скутнаб. 23. Плавание. 25. Асатиани. 26. Осборн. 27. «Дракон». 32. Укола. 33. Атлет. 34. Окано.

ТАКОЙ ПРОСТОЙ И СЛОЖНЫЙ МИР

Кажется, совсем недавно в наше изобразительное искусство пришел Александр Шилов. Но любителям живописи уже хорошо знаком яркий, красочный мир молодого художника. Мир, наполненный радостями и печалью, каждодневным трудом, буднями и праздниками. Словно бы сама жизнь, остановленная в мгновении, перешла на полотна Александра.

Пейзажи, натюрморты, портреты... Возможности художника для выраже-

ЗА ОКОЛИЦЕЙ. ПОЛЕНОВО.

ной. Сколько столетий ее купола сверкали на фоне вечного неба, сколько слов и чаяний хранят ее стены?

Но, пожалуй, одна из главных тем в творчестве Александра Шилова — человек. Он предстает перед нами то в образе рабочего, то жителя деревни, ученого, космонавта, то маленькой, милой девочки с пушистым зверьком в руках. Но эти лица — мечтательные или по-детски наивные, сильные духом и те, в выражении которых угадывается постоянная работа мысли, — объединяет одухотворенность гармонии и красоты.

Детство Александра выпало на трудные послевоенные годы. Но в этом полном лишений детстве была у Александра мечта стать художником, овладеть таинством изобразительного ма-

ДЕВОЧКА С КОШКОЙ.

стерства, следовать заветам русской реалистической школы. Он оканчивает факультет станковой живописи Государственного художественного института имени В. И. Сурикова. Потом обретая свою кисть, свой красочный образ мира, он все равно сверял работу с мечтой: что бы ни писал, в его работах видна большая профессиональная культура, творческая требовательность и необычайная работоспособность. А пишет он много. Шиллов — автор портретов многих советских писателей, актеров... За цикл портретов космонавтов Шиллов был удостоен премии Ленинского комсомола. Совсем недавно ему присвоено звание заслуженного художника РСФСР.

Каждая работа Александра Шилова — событие для любителей живописи. Ведь происходит встреча с необычайным и в то же время таким простым, как сама жизнь, миром мастера.

Светлана ТОНИНА

БЕХОВО.

ВИД С ВИЛЛЫ АБАМЕЛИК.

РИМ. СОБОР СВЯТОГО ПЕТРА.

ния мыслей, настроения, чувств необычайно разнообразны. Как разнообразна и его палитра. От нежных, бледных тонов до сочных, порой неожиданных в своем сочетании красок.

Его пейзажи — это тихие, уютные уголки России. Родные, милые сердцу места, с которыми мы, горожане, так редко встречаемся, но которые живут в нашей памяти и по которым вздыхаем в шумных, асфальтированных городах.

Покосившийся плетень, буйно заросший травой на фоне огромного старого дерева. Небо. Бездонное, синее, сливающееся с речкой, с синей далью полей. Маленькая, заброшенная церквушка, теряющаяся среди зеленых холмов, манит одиночеством и одновременно тай-

